



4-84



КРЕСТЬЯНКА



ОБЫКНОВЕННЫЙ РАБОЧИЙ

В. И. Ленин.
Москва,
23 апреля
1920 г.

Москве. Энергетика — вопрос архиважный. Настолько важный, что приказ о передаче Главдоду четырех нефтеналивных судов и одной нефтеналивной баржи, занятых морским ведомством, решает глава правительства. Владимир Ильич подписывает и телеграмму в Управление связи Красной Армии. Реввоенсовет Туркестанского фронта, Реввоенсовет 4-й армии и Наркомпочтель с предложением немедленно устроить телефонную линию Саратов — Новоузенск для обслуживания постройки железнодорожной линии Александров Гай — Эмба. «О приступе к работе донести», — последняя фраза, резкая, энергичная, показывает нервное напряжение. Ведь связь — вопрос животрепещущий, как вопрос о хлебе... Сейчас перед ним лежат решения вчерашних, за 21 апреля, заседания Малого Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

Читая бумаги, Ленин не пропускает ни малейшей описки, ни одного неточного, искажающего мысль оборота. — обязательно делает исправления в тексте любого постановления и протокола.

В протоколе среди других обсужденных пунктов значится постановление о мерах по организации общественного бесплатного питания в Москве и Петрограде. Ленин подписывает его отдельно. Другие постановления: о мерах по обеспечению семенным картофелем потребляющих губерний; об организации при реввоенсоветах фронтов и армий комитетов по всеобщей трудовой повинности, проект будущего постановления о составе Совета 1-й Революционной армии труда...

Страна переходит к мирному строительству. Необходимы рабочие руки. Но столь же необходимо сохранить боеспособную армию. Буржуазная Польша сосредоточила на границе с Советской Республикой 21 дивизию, общей численностью до 500 тысяч человек, с запасом боеприпасов не менее чем на три месяца. Пилсудский уверен в своей будущей победе — его поддерживают Франция, Англия и США.

С другой стороны, учитывая антивоенные настроения польского народа, нарком иностранных дел настаивает на продолжении мирных переговоров с Польшей. Ленин согласен: для сохранения мира нельзя упускать ни малейшей возможности... И все же, предостерегает он, товарищи из Реввоенсовета Республики зря благодушествуют. В корне неверна точка зрения Троцкого, будто Антантой уже «использованы целиком» самые острые средства борьбы — военное наступление и экономическая блокада — и стало быть, их не предвидится в будущем. Это ошибка! В. И. Ленин требует от Кавказского фронта быстрой переброски максимума войск на запад.

Мы знаем, как точен был ленинский анализ. Мирная передышка на западных границах Республики Советов окончится очень скоро, — три дня спустя армия Пилсудского начнет наступление.

С утра Владимир Ильич направил записку коменданту Кремля: нужно заказать

новый пропуск для Горького (взамен оставленного им в Петрограде). Через некоторое время Ленин осведомляется у секретаря — не забыли ли заказать пропуск? Горький придет во второй половине дня...

К полудню принесли телеграмму от товарищей из Главнефти. Они извещали Председателя Совнаркома, что на его имя прибыл состав, груженный нефтепродуктами. Разумеется, Ленин благодарен нефтяникам: бензина в Москве почти нет. Но товарищи из Главнефти, пользуясь случаем, преподнесли «подарок», они предлагают одну из цистерн оставить в личном пользовании вождя: «Отпуск бензина из этой цистерны должен производиться непосредственно по требованию личного шофера т. Ленина т. Гилы».

Ленин не просто не любит таких «подарков». Он их рассматривает как выражение «комподхалимства», провоцирующего «комчванство»... Уже в 12 часов 20 минут отправлена телефонограмма в Главтоп: «Состав, прибывший из Грозного в адрес Председателя Совнаркома В. И. Ленина в количестве 46 вагонов (14 вагонов бензина, 5 — керосина, 3 — минерального масла, 8 — нефти, 16 — мазута), поручается Главтопу разгрузить для распределения в общем порядке».

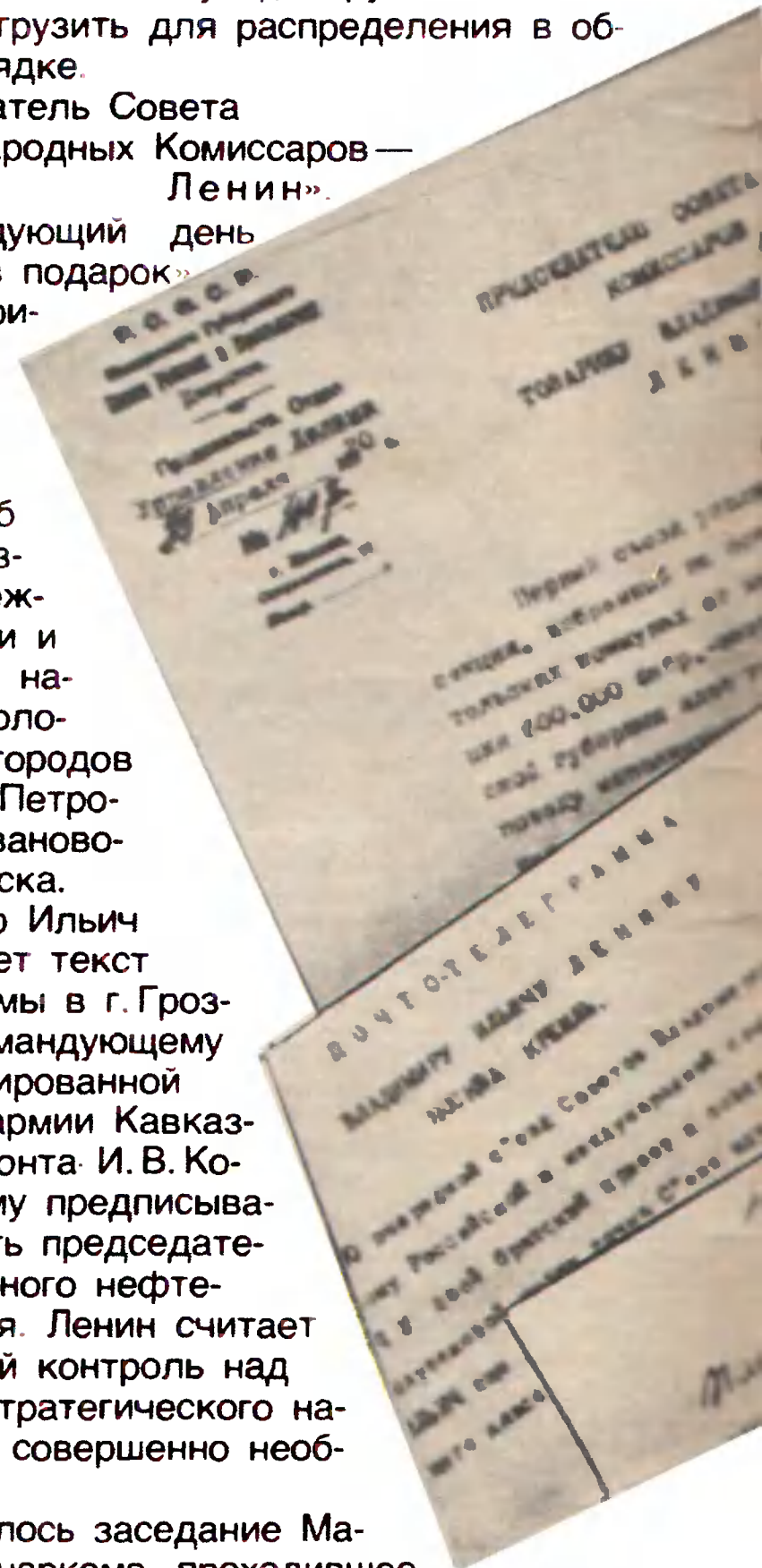
Председатель Совета
Народных Комиссаров —
Ленин».

На следующий день также «в подарок» Ленину пришлют целый хлебный состав.

Этот хлеб будет разделен между детьми и рабочими наиболее голодающих городов Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска. Владимир Ильич составляет текст телеграммы в г. Грозный — командующему расквартированной там 8-й армии Кавказского фронта И. В. Косякову. Ему предписывается стать председателем местного нефтеуправления. Ленин считает армейский контроль над сырьем стратегического назначения совершенно необходимым.

...Окончилось заседание Малого Совнаркома, проходившее рядом в зале. Некоторые его участники приняты Лениным. Обсуждается тот же вопрос о нефти.

Неожиданный гость из Саратова. Заранее не договаривались с ним о приеме, но



Ленин в тот день, как обычно, вошел в кабинет ровно в девять часов утра. Его ожидали газеты — он, как всегда, обратился к ним в первую очередь. Газеты писали о разрухе в стране, получившей мирную передышку после ожесточенных боев. Передышка эта началась недавно: шел третий месяц со времени заключения первого мирного договора — с буржуазной Эстонией. Передышка была условной и ненадежной: правительства стран Антанты готовились к новому натиску на Республику Советов...

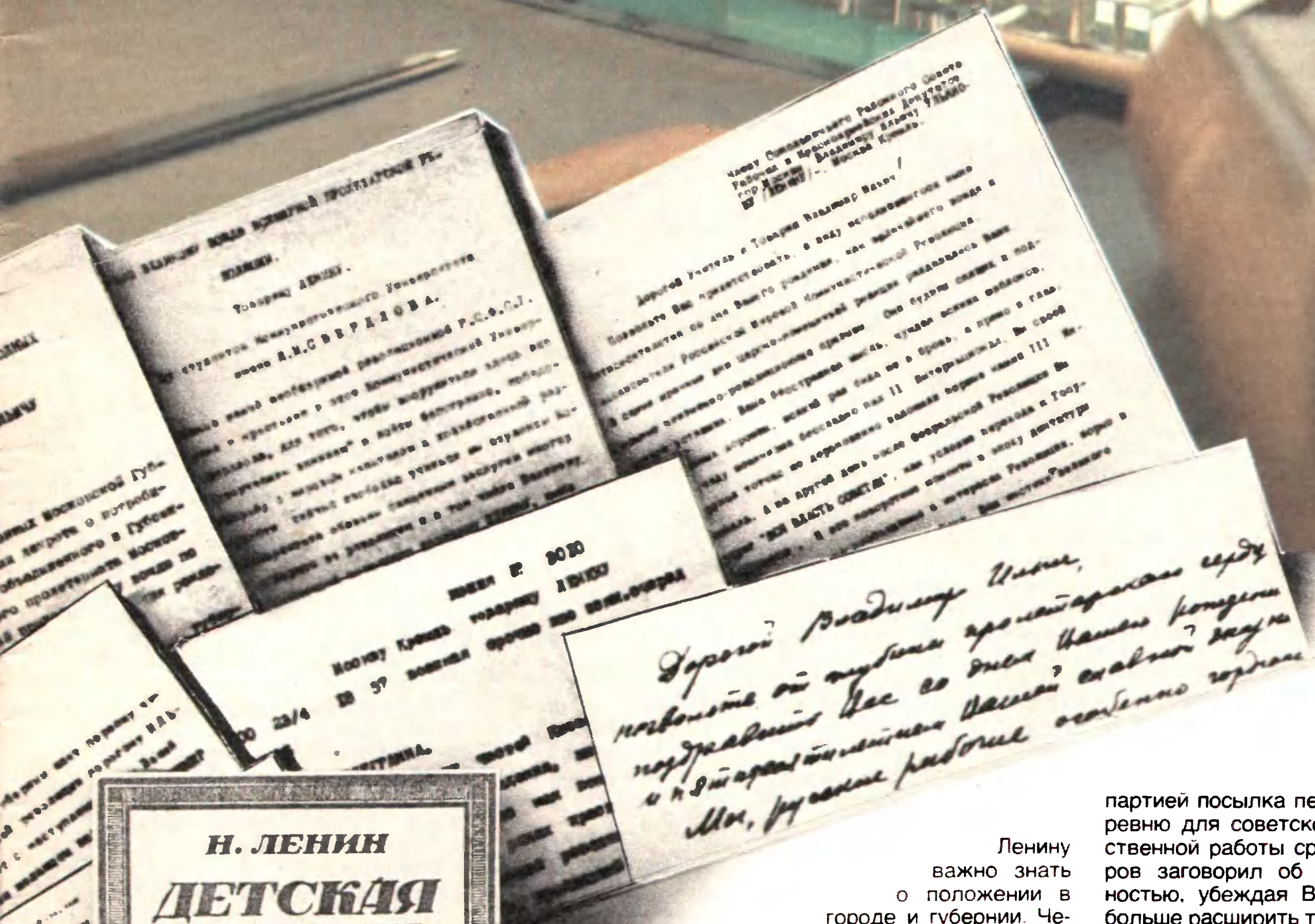
«Правда» этого дня сообщала о разворачивающейся борьбе с разрухой: двадцать процентов состава Московского Совета добровольно отравились на восстановление транспорта.

Москва голодала. В Москве катастрофически тяжело с топливом. Но весна брала свое... За окном зеленело. День обещал быть погожим.

Первые утренние часы: секретарь докладывает о сообщениях, принятых за ночь. В частности, о «передвижениях продовольствия». Л. А. Фотиева принесла общую папку с делами, которые Ленин просил показать.

Самый реальный и актуальный проект сейчас — ГОЭЛРО. Уже приступили к работе над ним группы специалистов в Питере и

ДЕНЬ



В музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле».

Н. ЛЕНИН ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУ- НИЗМЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ
1920

Ленину важно знать о положении в городе и губернии. Человек этот — Н. В. Каюров. Владимиру Ильичу знаком. Это опытный пропагандист, заместитель начальника политотдела 5-й армии. А запомнился он Ленину с июля 1917-го. Тогда приходилось много выступать перед массами в Петрограде, а обстановка была небезопасная — травля большевиков со стороны Временного правительства... Каюров в те дни был постоянно где-то поблизости, где-то в толпе, настороженный, с револьвером — член добровольной охраны Ленина... Идея, которую он высказал в этой беседе с Лениным, может быть, не нова и не им придумана: давно уже практиковалась

партией посылка передовых рабочих в деревню для советской, партийной и хозяйственной работы среди крестьян. Но Каюров заговорил об этом с особой горячностью, убеждая Владимира Ильича еще больше расширить такую практику, — после войны он и сам готов кинуться в гущу этой работы... Ленин охотно с ним соглашается, любя его увлеченностью и гордясь высоким сознанием этого человека, бывшего сормовского рабочего. В те апрельские дни 1920 года Ленин заканчивал свою знаменитую книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в которой писал: «Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего.

честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои».

«Так без перерыва работал Владимир Ильич до 4 часов дня, когда Надежда Константиновна приезжала домой с работы из Наркомпроса и ждала его обеда,—описывает обычный рабочий день Ленина его секретарь Л. А. Фотиева.—Ровно в 4 часа Владимир Ильич уходил домой, унося с собой папки с бумагами, возвращался ровно через 2 часа и продолжал работать до глубокой ночи.

Но и в эти 2 часа отдыха Владимир Ильич не переставал думать о делах. Об этом свидетельствовало множество записок на маленьких листах блокнота, приносимых им с собой из дома. То были поручения секретарю для **немедленного** исполнения... При этом совершенно очевидно, что некоторая часть его работы не поддавалась нашему учету ни по количеству, ни по содержанию.

Иногда Владимир Ильич сам называл темп своей работы «бешеным».

Уже к концу того дня в ленинский кабинет вошел А. М. Горький. Он пробыл там целый вечер.

...Горький показывал Ленину письмо одного из петроградских ученых, С. П. Костычева, который проводил интереснейшие эксперименты с белковыми веществами—важные и для развития медицины. Но ученому не хватало химических реактивов,

труднодоступного в те времена керосина... А еще для опытов очень нужен был примус.

Кажется, все это—такая малость! Столь несоизмеримые масштабы вопросов в повседневной деятельности вождя... Но ленинский принцип—нет мелочей там, где дело касается интересов государства, науки, отдельного человека—в конечном счете социалистической революции.

Владимир Ильич пишет записку в Петросовет:

«Товарищи! Очень прошу вас во всех тех случаях, когда т. Горький будет обращаться к вам по подобным вопросам, оказывать ему **всяческое** содействие, если же будут препятствия, помехи или возражения того или иного рода, не отказать сообщить мне, в чем они состоят».

Еще одно предложение Горького: питерский комиссар театров и зрелищ М. Ф. Андреева имеет возможность наладить получение из-за рубежа газет, журналов, книг. Не следует ли этим воспользоваться? В. И. Ленин поддерживает предложение Горького и немедленно пишет записку Ф. Э. Дзержинскому и замнаркома иностранных дел Л. М. Карахану с просьбой оказать содействие Марии Федоровне «для правильной организации этого дела».

Мы знаем, что времени Владимиру Ильичу для работы, для жизни тогда уже оставалось совсем немного...

Л. А. Фотиева так рассказывает о стиле его работы: «...несмотря на огромный

масштаб деятельности и непомерную нагрузку всевозможными делами, приемами, разговорами по телефону, Владимир Ильич никогда не бывал нервно раздражителен, тороплив или суетлив. Он работал спокойно и всегда успевал сделать все намеченное. Как никто другой, Владимир Ильич знал цену времени и умел беречь его. Ни одна минута не пропадала у него даром».

Хочется привести еще одно свидетельство—ответственного сотрудника Совнаркома Гиндина: «Всякий раз, когда перебираешь в памяти напряженность и активность работы Владимира Ильича, его кипучую энергию, которую он проявлял в столь разнообразных областях работы, энергию, которая заражала всех его окружающих... только удивляешься и спрашиваешь себя: те ли 24 часа заключали в себе сутки жизни Владимира Ильича, что и наши?»

...Ночью, расставшись с Горьким, Владимир Ильич снова сел в жесткое деревянное кресло за стол и продолжил работу над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которая вскоре же послужила важнейшим руководством не только для русских большевиков, но и для всех коммунистов мира.

День, о котором мы рассказали, не был сколько-нибудь исключительным из целого ряда других, столь же наполненных и напряженных рабочих дней Ленина. Это было 22 апреля 1920 года. Это был день 50-летия Владимира Ильича.

А. МАЦАЕВ

Фото М. ВЫЛЕГЖАНИНА.



ТАЙНИК В КАРТОННОЙ ОБЛОЖКЕ

В Кремлевском музее В. И. Ленина хранится библиотека семьи Ульяновых. Более четверти века наши сотрудники любовно и внимательно изучают ее. Казалось бы, каждая страница не раз перелистана, просмотрена. Но...

Вот ушла недавно на реставрацию очередная книга—«История философии» В. Виндельбанда, изданная в 1898 году в Петербурге. Книга как книга. Но когда она вернулась из реставрации, к ней была приложена... солидная брошюра—«Эрфуртская программа» Карла Каутского в переводе с немецкого. Реставраторы обнаружили ее в... обложке.

Мы, конечно, знали, что и таким образом хранилась и пересылалась нелегальная литература. Н. К. Крупская писала: «Бывал у меня чахоточный переплетчик Крылов, старательно устраивавший двойные переплеты, в которые можно было вкладывать нелегальные рукописи, склеивавший из рукописей картон для переплетов».

Но одно дело знать, другое—увидеть, открыть тайник!

«История философии», по видимому, была прислана Владимиру Ильичу из Петербурга в начале века. Судя по всему, он потом

передал ее в библиотеку РСДРП в Женеве, потому что на титульном листе штамп: «Российская Социал-демократическая Рабочая Партия. Библиотека и Архив».

Почему Владимир Ильич не вскрыл обложку? Видимо, ему не сообщили (или не смогли сообщить) о «секрете».

Как тайник вернулся в Россию? После революции В. И. Ленин запросил из Швейцарии книги, оставшиеся там.

Еще в 1894 году Владимир Ильич сам перевел «Эрфуртскую программу», «Коммунистический манифест» для занятий с рабочими.

До недавнего времени в Кремлевской библиотеке посетители могли видеть только один экземпляр «Эрфуртской программы», изданный в Штутгарте в апреле 1892 года на немецком языке, и три издания на русском языке. Два из них вышли после Октября.

Теперь в библиотеке можно видеть четвертый экземпляр, так неожиданно обнаруженный, хотя и хранившийся долгие десятилетия в этой же библиотеке.

Среди страниц «Эрфуртской программы», нелегально переправленной через границу, оказалась также вырезка из немецкой газеты. Это последняя страница неизвестной газеты, где обычно публикуются объявления. Безусловно, она не случайно была тщательно зашита в обложку. Видимо, кому-то передавался адрес или явка.

Далеко не все книги, принадлежавшие когда-то Ленину, проделали с ним длинный путь, далеко не все вернулись с ним в Россию. Прошло немало лет, пока некоторые из них обрели свое законное место в личной библиотеке В. И. Ленина.

Из Парижа пришла посылка от жителя французской столицы

Осинского. В ней оказались книги с экслибрисом. Осинский рассказал в письме: увидел на распродаже у букинистов на набережной Сены книгу с экслибрисом Ленина, купил ее и вскоре переслал в Институт марксизма-ленинизма в Москву. Это сборник статей социал-демократических авторов, в том числе М. Н. Покровского, И. И. Степанова и других. Озаглавлена: «Вопросы дня». Издана в 1906 году.

Есть в Кремлевской библиотеке книга, которую Ульяновы хранили около полувека, прежде чем она заняла свое место на книжной полке в библиотеке Председателя Совета Народных Комиссаров: это сброшюрованные вместе страницы из журнала «Вестник Европы» за 1872 год, где были опубликованы очерки В. Назарьева «Современная глушь».

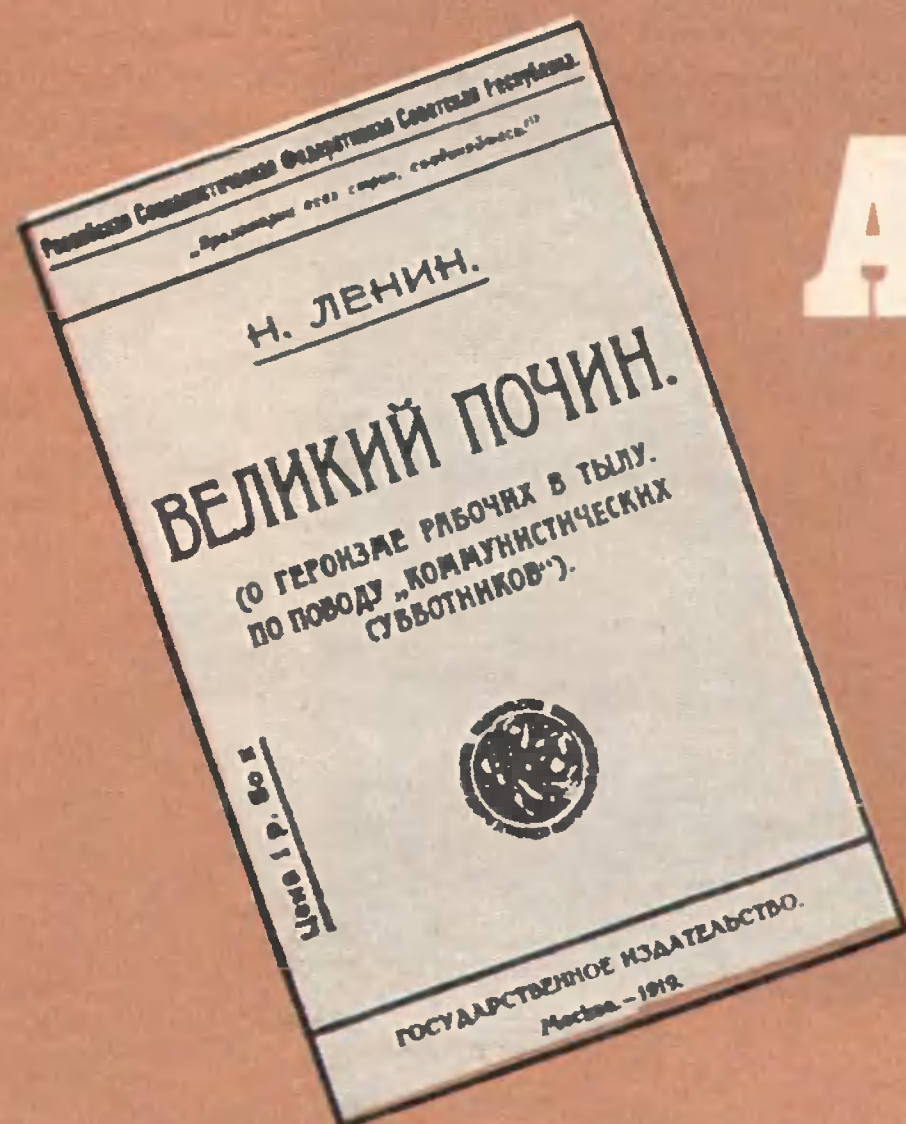
На странице, заменяющей обложку, читаем надпись: «Многоуважаемому И. Н. Ульянову, в память общих трудов, забот, горестей и радостей по устройству сельских школ Симбирского уезда. В. Назарьев, 1876, октябрь, 24. С. Ново-Никулино».

Эта книга была для всех Ульяновых памятью о счастливых днях в Симбирске, когда они были вместе, когда Илья Николаевич развил широкую просветительскую деятельность, а ему активно помогал местный мировой судья Назарьев. Через все невзгоды пронесли Ульяновы эту книгу. Ее хранила Мария Александровна, а после ее смерти—дочери.

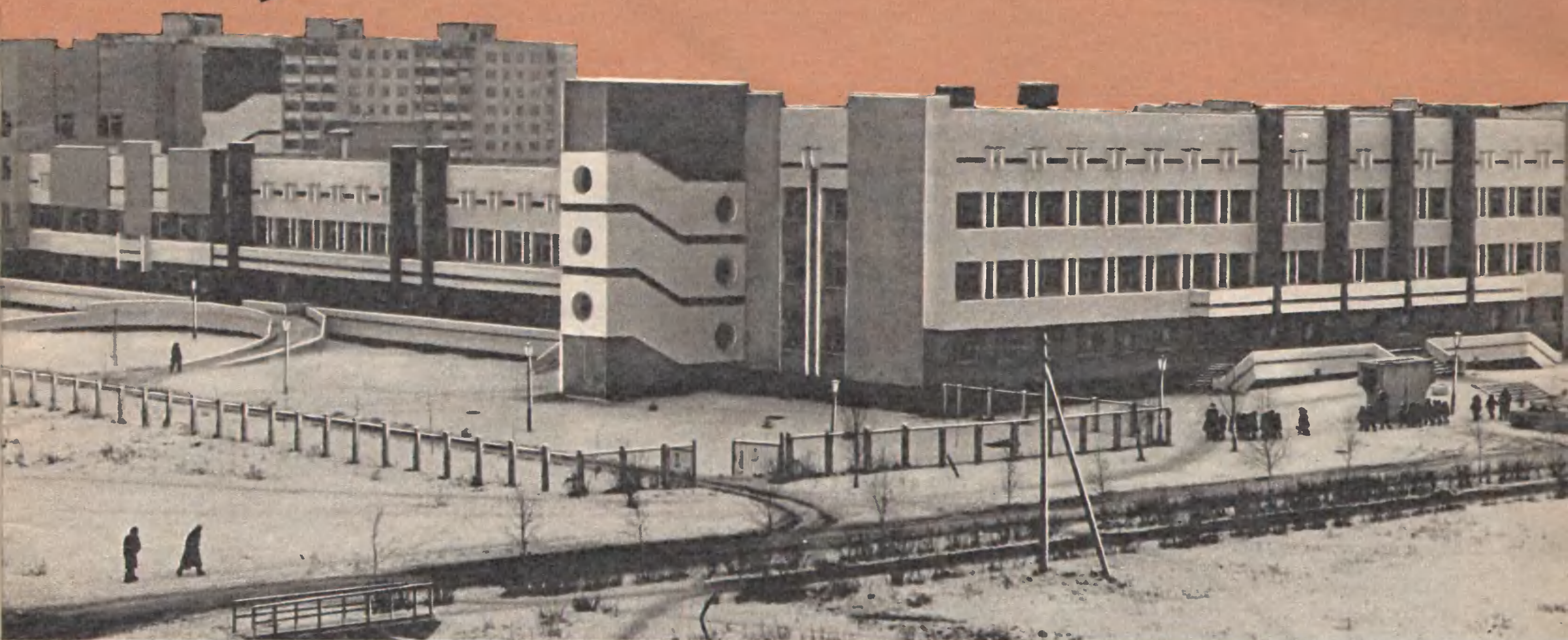
И вот теперь старая книга—одна из ценных реликвий музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле».

**Л. КУНЕЦКАЯ,
К. МАШТАКОВА,**

старшие научные сотрудники музея.



А СРЕДСТВА ДАЛ СУББОТНИК



Медицинский комплекс в Пинске сдали досрочно: и больницу и поликлинику. Конечно, в городе и раньше было, где лечить детей и кому лечить. Но с тем, что есть сейчас, и сравнивать нечего.

Для комплекса выбрали самый интересный проект, и еще усовершенствовали его, чтобы изгнать «больничный дух». Врачи и психологи рука об руку работали со строителями, советовали, как лучше сделать, чтобы маленькие пациенты легче переносили разлуку с домашними, не боялись лечиться, чтобы у них было хорошее, спокойное настроение. Сами стены здесь, кажется, говорят: «Будь здоров, дорогой! Жизнь прекрасна!»

500 ребят в день может принять поликлиника, 180 — стационар. 35 уча-



стков держат в своем поле зрения врачи поликлиники.

Окулисты и физиотерапевты особенно счастливы: какая аппаратура, какая техника! Врачи просто не могут налюбоваться кабинетами функциональной диагностики и физкультуры — лучше, кажется, просто не бывает. А скоро откроется еще и бассейн для юных граждан города, начнут плавать с двух недель после рождения.

Хорош комплекс, но и обошелся он недешево: около двух миллионов рублей. Они были отпущены городу из тех средств, что заработаны на коммунистических субботниках.

г. Пинск.
Брестская область.
Белорусская ССР

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

ВЕСЕННИЕ ЖЛОПОТЫ

● Был апрель. Шел год 1982-й. Райком комсомола и администрация совхоза агитировали десятиклассников остаться работать в хозяйстве. Ребятам не торопили, однако решения их ждали с надеждой. И решение было принято такое: «Мы два года изучали трактор, работали в ученической бригаде, были помощниками комбайнеров во время страды. Жалко же бросать начатое дело...»

Среди вчерашних школьников, ставших механизаторами, оказались одноклассницы — Лена Калинина и Наташа Кабанова.

Девушки за рулем трактора — это никого в совхозе «Сакулинский» не удивило: ведь в одном из отделений совхоза уже несколько лет работало женское звено механизаторов, а его звеньевая, Ирина Валова, даже и приз заслужила — имени Паши Ангелиной.



На первой
странице
обложки:
мальчишки
всегда
могут
рассчитывать
на помощь
механизатора
Наташи
Кабановой.



1. Лена Калинина в кабине трактора ЮМЗ-6.
2. За околицей — апрель...
3. У колодца.
4. Одноклассники — механизаторы.



Теперь вот «полку» девушек-механизаторов, как говорится, прибыло.

Добавим, что Наталья Кабанова к тому времени уже неплохо разобралась в технике, лихо водила мотоцикл и даже сама его ремонтировала... И часто соседские мальчишки, чуть забарахлит велосипед, или еще что-то приключится, бегут к своему «главному консультанту» — Наташе: помоги разобраться!

От деревни, где жили Лена и Наташа, до машинного двора — три километра. Пока дойдут — не раз обсудят «характеры» стальных своих лошадок...

Поначалу непросто давалась работа. Но выручали исполнительность и аккуратность. Все, что поручал бригадир, выполняли «от» и «до», можно было не проверять. Даже когда дороги становились малопроходимыми, де-

вушки то и дело умывали свои машины, возвращая им первозданную голубую окраску. И тракторы словно чувствовали заботу — ломались реже.

Очень гордились подружки, когда их пригласили на районное совещание женщин-механизаторов. Значит, признали в них специалистов! В неполные их восемнадцать...

Закончилась первая их жатва. Профком подвел итоги, вручил премии и награды. Наташа и Лена по бесплатным путевкам съездили в Прибалтику, — победители социалистического соревнования.

На следующий год работалось уже полегче — опыт накапливался. Теперь успевали и дома помочь, и в кино сходить, и на танцы, и вечер молодежный организовать. И исправно на солдатские письма мальчишек-одноклассников отвечать: мол, вы служите, мы вас подождем. И к вступительным экзаменам в институт подготовиться: Наташа — в сельскохозяйственный, а Лена — в строительный.

...И вновь — апрель. Весна в природе, и весна в жизни...

С. КУЗНЕЦОВ
Фото автора.

Совхоз «Сакулинский»
Палехский район.
Ивановская область.



Haw



ХЛЕБ

В. СЕРГЕЕВ

ХОЗЯЙСТВОВАТЬ —
ЭКОНОМНО,
РАСХОДОВАТЬ —
БЕРЕЖЛИВО!

«...ГОВОРЯ О ПЛАНАХ НА БУДУЩЕЕ, НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ ОДНУ ПРОСТУЮ ИСТИНУ: ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ЖИТЬ, НАДО ЛУЧШЕ РАБОТАТЬ».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. ЧЕРНЕНКО
на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы

...Идет по полям весна. Отсеялись в южных районах страны, ведут посев зерновых в средней полосе, готовятся к страде, у кого еще снег лежит. Минувшей осенью и зимой сколько сил и средств уже было вложено, чтобы хлеб добрый вырос! Трудились на полях отряды плодородия: вывозили органику, подкармливали озимь, задерживали снег. Готовили семена, ремонтировали и проверяли технику. Много сделано. Много, но все ли?

Вспомним минувшую осень, осеннюю пору других годов. Над зажелтевшими полями, над комбайнами и машинами с зерном, над элеваторами и ссыпными пунктами возле железнодорожных станций вдруг слышался тревожный, как призыв о помощи, клич: «Заслон потерям!» Клич стоило повторять на собраниях и совещаниях, в газетах и по радио, на полевых станах и токах: «Поставим заслон потерям!»

Значит, потери уже были, а заслона еще не было, так ведь?

Да, потери зерна начались по весне. Целый комплекс потерь. На многих гектарах зерно ложилось в плохо обработанную землю, и в ход шли семена невысоких кондиций. Кое-где некачественно и далеко не в лучшие агротехнические сроки велся сев. Трактористы рекорды ставили, соревновались — кто больше вспашет, деньги большие зарабатывали, а качество — вопрос второй. Органику вывезено, если на круг считать, много, а свалены удобрения в кучи — где густо, где пусто, где нет ничего: с тонны оплата шла. Вот и получилось, как в сатирических стихах:

*«За деревню выйдешь летом —
Рожь, к примеру, у ручья.
Рожь... а ржи-то, брат, и нету...
Чья работа? А ничья.
Наша! Некого похаять:
Миколай навоз возил,
Ванька с Филькою пахали,
Митрий вроде боронил».*

Потерями в обиходе принято считать лишь почему-либо неубранное, осыпавшееся на корню или просыпавшееся при транспортировке зерно, сгнившее в буртах, то есть потери зерна как такового, возвращенного злака. А потери того, что так и не выросло, не стало ни зерном, ни хлебом? Вроде бы на нет и суда нет, так ведь получается?

Между тем именно потери потенциально-го урожая, хлеба, который мог бы вырасти, но так и не вырос, составляют, по подсчетам специалистов, огромное количество: от одной пятой до одной четвертой ежегодного сбора зерна.

Может быть, еще не поздно поделиться этой тревогой, еще есть время принять меры к сокращению весенних потерь, тогда

осенью и заслон не нужен будет.

...Дорога шла мимо деревни, по самому краю весеннего, зеленевшего густой озимью поля. Слева были огороды, и после каждого дождя машины, объезжая лужи и колдобины, забирали правее. Дорога расширялась и «лучшела» за счет поля. Если кто-то из водителей, усевшись в ли, или из каких других соображений брался искать сухого места с левой стороны и колеса его автомобиля приближались к огороду, тут же, откуда ни возьмись, выскакивал хозяин и начинал поносить зарвавшегося шофера. Тот, не вступая в спор, крутил вправо и ехал дальше по полю, как все, спокойно. С поля к нему никто не выскакивал.

На огородах был посажен картофель. На поле всходила рожь. Огороды — личные, поле — совхозное. Не сомневаюсь, что подобные картины видели не раз многие. Знаю доподлинно, что хозяева, гнавшие водителей от своей земли на совхозную, выписывают «Крестьянку» и прочитают эти строки. И скажут мне при встрече или напишут в редакцию: а как же быть-то? Пусть пропадает мой труд из-за того, что кто-то не позаботился о том, чтобы сделать дорогу проезжей, — так, что ли? Если совхоз дорожит своим полем, пусть он охраны выставляет или дорогу налаживает...

Теперь надо пояснить, что это за дорога, куда ведет, кто по ней ездит, что возит.

Дорога ведет к большому садоводческому товариществу — земельные участки для таких товариществ выделяются сейчас повсеместно, особенно вблизи городов. Стало быть, водители в большинстве своем горожане. И ездят, в своих интересах: везут стройматериалы, а кто уже построился — мебель, холодильники.

Неопытные водители частенько застревают на дороге после большого дождя и идут в деревню за подмогой. Подмога наготове: у двух-трех домов стоят трактора. Договориться тоже недолго. Цена услуги твердая: легковая машина застряла — бутылка, грузовая — две. И вот тракторист, лично работавший на этом самом поле и немало сделавший, чтобы урожай был добрым, цепляет застрявшую технику тросом и выдергивает на сухое место. На поле. На хлеб. И для гарантии тащит машину по полю еще двести — триста метров, расширяя и удлиняя дорогу. И идут в одной крепкой — не разорвать! — сцепке исконный крестьянин и исконный горожанин, топчут хлеб: один — гусеницами трактора, другой — колесами автомобиля.

А к вечеру или на другой день тракторист и водитель, один в деревне, другой в городе, пойдут в магазин за хлебом. Глянут на красочные плакаты, что расклеены сейчас повсеместно, на привычные слова: «Хлеб — наше богатство, береги его», спросят продавца, мягкий ли, и, позвене-

копейками, понесут домой. И тот и другой, ощущая тяжесть сумки, вряд ли испытают на душе тяжесть недавно содеянного.

Сколько же хлеба они загубили? Давайте подсчитаем.

Новая колея, проложенная по полю, займет изрядную часть гектара.

Урожай озимой ржи в здешних местах в среднем достигает 18 центнеров с гектара. Значит, не одна сотня килограммов зерна уничтожена гусеницами и колесами. А мы говорим: при уборке надо сохранить каждый колосок, каждое зернышко! И вычисляем: сколько муки можно получить из одного зерна? Оказывается, 20 миллиграммов. А на батон, который 13 копеек стоит, сколько зерен надо смолоть? 10 тысяч! Какой труд вложен, как дорог хлеб! И снова — в который раз! — пытаемся измерить ценность хлеба ценой вложенного в него труда.

Цена хлеба растет. Повышение урожайности зернового клина страны — а под посевы пшеницы, ржи, ячменя отводится 103—104 миллиона гектаров — требует огромных средств.

Займемся подсчетами.

Дорожает обработка земли. Чтобы поднять плодородие полей, объединение «Россельхозхимия», например, внедряет во многих районах новый организационно-технологический метод комплексного агрохимического окультуривания поля. В чем его сущность?

Выбирается поле, на котором колхоз или совхоз рассчитывают получать высокие урожаи зерновых. Заключается договор с районной организацией «Сельхозхимии». Специалисты проводят почвенные изыскания, разрабатывают проектно-сметную документацию. Заготавливают органику и средства химизации. Затем проводится известкование, фосфорирование или гипсование почв — с тем чтобы поднять содержание питательных веществ и гумуса до необходимого для высокого урожая уровня. И каждая операция, проводимая на поле, каждый



цикл работы, каждый проход техники стоит больших денег. Они в конечном счете вкладываются в хлеб.

Окупает ли результат расходы? Да, окупает, но только через 5—6 лет и при условии, если одновременно с мерами по повышению плодородия принимаются столь же действенные (и, заметим, непременно более дешевые) меры по сохранности урожая. Иначе при огромных масштабах внедрения нового метода соответственно увеличатся и потери. Но, к сожалению, даже в тех областях, где раньше других оценили достоинство комплексной химизации полей — Горьковской, Калининской, Ростовской, Кировской, Московской, Белгородской, Костромской, а также в Татарской, Марийской и Башкирской автономных республиках — нередко можно встретить участки, обезображенные колеями, свалками, затоптанные скотом. Виновников найти нетрудно — это хозяева полей, соседи и партнеры хозяев. И больно и горько видеть гибель тоненького зеленого побега, так и не выбросившего колос, под огромным, в человеческий рост, колесом «Кировца».

Но мы заняты подсчетами цены хлеба, поэтому эмоции в сторону.

С каждым годом увеличиваются поставки минеральных удобрений для зернового клина, всевозможных материально-технических ресурсов. Растут и капитальные вложения. В нынешнем году на село поступит 23,3 миллиона тонн минеральных удобрений, сотни тысяч машин и механизмов, значительно повысится энерговооруженность труда. Возрастет и объем мелиоративных работ. Почти 190 миллиардов рублей — сумму, которую трудно представить себе, — вкладывает государство в 11-й пятилетке в сельское хозяйство. И в первую очередь эти средства вкладываются в повышение плодородия земель. В хлеб, другими словами.

С каждым годом повышается оплата труда в колхозах и совхозах, на предприятиях агросервиса. Больше стали получать сельские врачи, учителя, работники клубов и домов культуры. — их труд тоже вложен в урожай, в хлеб, но разве хлеб от этого становится дешевле?

А мы говорим: «бесценный продукт».

Далеко, как видим, не бесценный. И вряд ли можно измерить цену хлеба только трудом, вложенным в него, а тем более денежными средствами, затраченными на его производство, на увеличение урожайности хлебной нивы...

Теперь о потерях, которым в спешном порядке, аврально, будут ставиться заслоны во время жатвы.

Начнем с колоса, который вырос. Если на каждом квадратном метре посевов будет потеряно только по одному колоску пшеницы, ржи или ячменя, то недобор урожая в целом по стране составит более 1,4 миллиона тонн зерна. Понятно, что чем выше урожай на поле, тем больше колосков теряется. Значит, и потери ра-

стут. Какой заслон перекроет эти потери? Пожалуй, только добросовестный и заинтересованный в конечном результате труд. А конечный результат в данном случае — отсутствие того самого колоска на каждом квадратном метре убранного поля.

— Да разве в колоске дело? — возразят многие. Сама технология уборки, комбайном «Нива», например, предусматривает — по инструкции! — потери от 3 до 5 процентов урожая. А при перевозке на машинах? Еще полтора-два процента. А в вагонах? От одного до полутора процентов. А потери от перестоя до полутора процентов? Если созревший колос перестоят на корню 5—6 дней, то убыль зерна на одном гектаре составит 1—1,5 центнера. Задержка с уборкой на десять дней приводит к потерям уже трех центнеров на каждом гектаре.

В прошлом году в нескольких областях Украины и Нечерноземья созревшие хлеба перестояли в среднем пять дней. Стало быть, на каждом гектаре (при урожайности 18 центнеров) там было потеряно примерно по одному центнеру. Четыре процента «убыло» при уборке комбайном (72 кг). Транспортировка и перевалка зерна унесли еще по два центнера зерна, собранного с гектара. В итоге урожай упал до 15 с небольшим центнеров. Почти по 300 килограммов дорогой ценой доставшегося зерна ушло в никуда. И может уйти нынешней осенью, если заслоны потерям не начать выставлять по весне. Заслоны, кстати сказать — а они известны в каждом хозяйстве и нет нужды перечислять меры по сокращению и ликвидации потерь — обходятся гораздо дешевле многих работ по повышению урожайности. И если вместе с мерами борьбы за высокий урожай не принимаются надежные меры по борьбе с потерями — труд окажется напрасным.

Но, может быть, рядом с заслонами, перекрывающими ручьи, а то и реки утекающего зерна, заслонами в виде мер организационных и технических, разработанных и многовековым опытом, и новыми достижениями научной и конструкторской мысли, самым надежным станет заслон нравственный? В самом деле, какой еще «заслон» можно поставить на краю поля, чтобы преградить путь трактористу и водителю машины, что помянуты недобрым словом в начале этих заметок, тем, которые бездумно уничтожили за считанные минуты полгектара добрых всходов? Какие слова им сказать, какие воспитательные мероприятия с ними провести?

Одна из читательниц «Крестьянки», делаясь своими мыслями о бережном отношении к хлебу, написала в письме в редакцию:

«Настоящую цену хлебу знает лишь тот, у кого руки в мозолях».

Хорошо, сильно сказано, но, думаю, не совсем верно. У того же тракториста, что машину по хлебному полю тащит, наверняка мозолистые руки. Да и горожанин-шофер тоже не бездельник, не белоручка. А хлеб губят. Один крошит золотистую буханку в корыто подсвинку, другой зачерствевший, оказавшийся лишним хлеб в мусорное ведро несет. А ведь цену труду оба знают. А цену хлеба? Истинную, не в рублях, не в копейках?

Стареют, а то и совсем уходят поколения, для которых хлеб — это жизнь. Ветераны труда — частые гости в школах, на молодежных вечерах. Бесхитростны и просты их рассказы о тяжелом крестьянском труде, о голодных годах, о куске хлеба, что был дороже золота.

Но... Спокойны, а то и скучны лица слушателей. А вот и реплика слышна:

«Мало ли, что и когда было. Еще крепостное право бы вспомнили. Теперь-то совсем все не так».

Верно: совсем все не так. И, может быть, это закономерно, что наши дети и внуки не унаследовали голодную память старших поколений...

Так когда же и где воздвигать нравственный заслон бездумному и — не знаю, как еще назвать поточнее — безобразному отношению к хлебу — зеленеющему, зреющему и выпеченному? Ответ напрашивается один — в раннем детстве, в семье. И прежде всего — в крестьянской. Крестьянка-мать, молодая она или не очень, должна стать нравственным примером для детей в отношении к хлебу. И неважно, кем станут ее дети — хлеборобами или сталеварами, — они станут людьми совестливыми в самом высоком смысле этого слова. В том, в котором понимала совестливость русская поэтесса Марина Цветаева:

«Никогда не лейте зря воды, потому что в эту же секунду из-за ее отсутствия погибает в пустыне человек».

— Но оттого, что я не пролью этой воды, ведь он ее не получит!

— Не получит, но на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

Поэтому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, поднимите и положите на ближайший забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но и трющобы, где умирают без хлеба».

Наверное, только нравственный пример матерей мог родить такие строки в школьных сочинениях о хлебе:

«Вы можете представить себе, что хлеба нет? Вообще нет. Никакого. Люди не знают, что это такое — хлеб. Неведомо и слово «каравай», никто ни разу не видел ни калача, ни батона».

Не растет хлеб на земле.

Нет в городах и селах пекарен. И только самые талантливые и прозорливые писатели-фантасты пишут о хлебе как о чем-то очень желанном и недоступном... Вы можете представить себе такое? Я — не могу».

«Я видел рисунок одного ленинградского мальчика. Он нарисовал его в дни блокады. Везде, по всем углам странички были нарисованы разрушенные дома. Только в центре — булка. Но он не видел булок, он знал только хлеб, который выпекали в дни блокады».

И это пишут дети, для которых слово «голод» столь же чуждо, как «городовой» или «околочный».

Закончу словами, которыми открывается книга К. Барыкина «Хлеб, который мы едим»:

«Исстари говорят: сколько ни думай, лучше хлеба не придумаешь».

Хлеб — гениальное изобретение человечества — рожден четырьмя стихиями. И каждой из них можно поклоняться — солнцу, земле, воде и огню.

Булки на деревьях не растут — об этом знают все. Но за азбучной истиной мы порой забываем, что недорогая — по магазинной мерке недорогая — булка или, того дешевле, ломоть ржаного, такие привычные, всякому доступные, вобрали великий по предназначению и по результату труд. Не одного человека, не двух и не трех... Труд народа, труд поколений.

Мало в мире ценностей, которые, как хлеб, ни на день, ни на час не теряли бы своего значения. И еще одно. Хлеб всегда добр. Даже в мире, в котором много злобы.

Хлеб связывает прошлое, настоящее и будущее. Он повседневно, обиходен, незаменим. И тем велик. Хлеб — верный спутник человека. И товарищ надежный. Никогда и никого не подводил он в своем бескорыстном служении».

— Послужим и мы хлебу — в поле и дома. Он того стоит, наш хлеб.



НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ

Поэтический клуб



Стихи Надежды ВЕСЕЛОВСКОЙ задумчивы, мягки. Они явно тяготеют к философичности, хотя жизненный опыт их автора совсем невелик: Надя — студентка, ей двадцать два года. Тем обнадеживающе звучит ее голос, набирающий силу. Круг интересов молодой поэтессы, ее мироощущение отчетливо обозначены уже в первых книгах — «Красное диво» («Молодая гвардия», 1981) и «Зеленая трава» («Современник», 1983). Предлагаем вниманию читателей стихи, которые Надежда Веселовская готовит для третьего сборника.

К утру деревня сплошь промокла.
Вдали кричали петухи,
И было видно через стекла,
Как держат воду лопухи.

В густой дали — утрюм, неровен —
Блестел оврага мокрый зев,
Белел песок; и кучка бревен
Чуть раскатилась, отсырев...

А дождь на всем лежал весомо,
Венцом серебряной пыли —
И подступившая истома
Сгибала ветки до земли.

Покрылось небо грозовою хмарью,
Склонясь, трава купается в пыли,
И лишь один цветок — иван-да-марья,
Почуяв дождь, не гнется до земли.

Он с любопытством к небу тянет листья,
За всем вокруг внимательно следя...
И две души

в его двуцветной кисти,
Обнявшись, ждут июльского дождя...

Столетия слова меткого не старят.
Так в нашем веке,

странствуя, живи
Название цветка — иван-да-марья —
Как целое преданье о любви.

По давно заведенному кем-то порядку
Роли в пляске различны:

чуть время плясать,
Парень, словно понизившись,
вьется вприсядку, —
Гордо выйдет девица себя
показать.

Как запляшут вдвоем, дробь
рассыплют горохом,
Связь с былыми припевками
тотчас видна:

Он — комаринским стал,
мужиком-скоморохом,
И сударыней-барыней
смотрит она.

Один — это мало. Один — погляди —
В чистом поле как будто не воин.
Но коль кто-то сойдется
один на один,
То уже получается двое.

Лучше две головы, чем одна голова.
Да и третьей дождешься как дара.
Если тайной великой обычное «два»
Превратится в заветное — «пара».

Дважды нас остановят сомненье и страх,
В третий раз не удержат — не смогут!
Белый свет посмотреть,
что на трех на китах,
Три дороги помянут в дорогу.

А потом ты припомнишь четыре угла,
Дух избы — пятистенки неблизкой,
Да полдюжины ложек на глади стола
Рядом с общей раскрашенной миской.

Станет мысли беречь родная семья,
Что осталась в неведомой дали...
А семья — это семь
да придачею я —
Одного б только семеро ждали...

А один — это вроде совсем ничего.
В чистом поле как будто не воин.
Но опять начинается все с одного,
От которого видятся двое.

Всюду тает. Воды удалое журчанье —
Словно памятка
прежних промчавшихся вьюг.
Про такие вот дни говорится в преданье,
Что на Русь пробираются сорок пичуг...

Кто они, быстrokрылые?
Просто ли птицы,
Или символ того, что апрель у крыльца,
Или это летят на весну подивиться
Прежних пахарей вечно живые сердца?..

И пекут по домам, соблюдая обычай,
Сорок маленьких тел в окружении крыт...
Чей же праздник? Крестьянский?
Языческий? Птичий?
Или общий природный,
что всех осенил?

Рис. А. ГРИШИНА.

Отпиливаем ветки от ствола.
Ленивой струйкой сыплются опилки.
Когда, хрипя, в древесные развилки
Вонзят зубы усталая пила.

На прутьях пухнут желтые заметки,
А через миг — затишье... легкий хруст...
И красоты исполненные ветки,
Перегибаясь, падают за куст.

Живет природа в вечной круговерти,
И каждый ствол, попав под острие,
Одновременно видит жало смерти
И воскресенье скорое свое.

Пускай сейчас им нужно расщепиться
И перейти в другие вещества,
Но прежней ткани каждая частица
Во все века останется жива...

Клонятся ветки с выдержкою твердой,
А я смотрю и думаю: не зря
Живой водой кропили
вслед за мертвой
На сказочной Руси богатыря.

НИКТО ЗА НАС НАШУ РАБОТУ НЕ СДЕЛАЕТ

Говорят иногда о нас, рабочих сельского хозяйства: любую, дескать, нехватку в урожае или надоях на непогоду спишут. И действительно списать можно. И списывают подчас, забыв железный человеческий закон: кем бы ты ни был — шофер ты или землепашец, плотник или председатель колхоза, — в своем деле должен стремиться к высокому уровню профессионализма. Иначе нельзя. И нельзя забывать, что свое дело каждый должен делать сам, за нас его никто не сделает. А значит, не на погоду нужно списывать потери, а растить и убирать урожай, как положено, по науке и по совести.

Уж на что прошлый год был вроде бы снисходительным к нам, а все равно легким его не назовешь. Весна припозднилась, лето выдалось засушливым, а как уборку начинать — дожди залили. И все же никуда не уйти от вопроса: почему для одних хозяйств эти погодные метаморфозы подобны нокауту, после которого они годами не могут прийти в себя и только ждут, когда же государство в очередной раз спишет поднакопившиеся долги, а для других, хотя и тяжелое это испытание, но посильное? Почему эти, другие, умеют выстоять и дают на государственный, народный стол все больше хлеба, мяса, молока? Думаю, научились в этих хозяйствах профессионально работать. И еще — совестливы в них люди, а это все-таки главное.

Колхоз наш из судьбостойких, если можно так сказать. И в самые неблагоприятные годы определенный доход на свой банковский счет мы всегда записывали, а чтоб в должниках у государства остаться — не было такого. Только те сотни тысяч, что на нашем счету значатся, не с неба упали. По зернышку, по копейке собирали мы их. С этих самых копеек и начиналась история колхоза.

Сейчас у нас 27 тысяч гектаров угодий, десять тысяч из них — пашни. В прошлой пятилетке брали на круг по 19,5 центнера зерновых с гектара, в 1982 году по 25 центнеров намолотили, а в 1983 году — по 27. В колхозных гаражах стоят 70 автомобилей, около 100 тракторов. В стаде 5,5 тысячи коров, в конюшнях — 180 лошадей. Без лошади пока еще трудно крестьянину обходиться, да и село не село без нее, «интерьер» не тот.

Но это нынешний день. Тогда же, в середине пятидесятых, трудно начинался наш колхоз. В него объединились семь худосочных, экономически запущенных хозяйств. И война минувшая о себе горько напоминала. Людей не хватало, куда ни глянь — одни прорехи. Деревни разбросаны, бездорожье. Три председателя за пять лет сменилось. Конечно, не прибавило это колхозу ни славы, ни техники. Впрочем, слава и техника — дело наживное, а вот с землей совсем худо было: по нынешним понятиям — едва ли не сплошь неудобья.

Я не был знаком с теми первыми председателями. И не был свидетелем становления и стабилизации хозяйства, когда возглавил его Афанасий Иванович Ощерин. Но позже не один год проработал рядом с ним, не один «председательский урок» преподал он мне. Много видел, о многом рассказывали. Так что хорошо знаю, сколько было у Ощерина бессонных ночей, сколько наград и сколько выговоров.

— Какая ни есть, это наша земля, — не уставал говорить он колхозникам. — Нам на ней жить. И если взяться как следует, если использовать все, что имеем, земля сполна воздаст нам за труды наши...

Эти в общем-то немудреные крестьянские истины колхозники понимали, согласно кивали головами, а хозяйство поднималось трудно. И виной тому, как это ни парадоксально, был поначалу в некоторой мере сам председатель. Наделенный неумемной жаждой до всего дойти самому, повторяя свое знаменитое «За нас никто нашу работу не сделает!», спешил он все сделать сам и за агронома, и за конюха, и за строителя. Спозаранок — на фермы, а их в те годы было тринадцать, потом — в поле, оттуда — в мастерские, на склад, на стройку... Всюду побывать, все увидеть, обо всем позаботиться и распорядиться — без этого ни он не мог обойтись (душа была не на

А. МЕНГ,
председатель
колхоза
«Путь Ильича»



месте), ни сами колхозники (сделаешь что без его ведома, да вдруг не так, а о строгости Афанасия Ивановича и по сей день легенды ходят).

Однако все же понял Афанасий Иванович, что сила руководителя в опоре на коллектив. Перестроился сам и у подчиненных сумел пробудить желание мыслить и действовать самостоятельно. И меня этому учил, неустанно повторяя: каждый несет свой чемоданчик, и председатель не вокзальный носильщик, чтобы за других таскать. Его дело — направить подчиненных и спросить. Ну и, конечно, принять решение. А в решении характер, мировоззрение, гражданское кредо руководителя.

Берущий на себя этот труд — решать! — должен обладать опытом, знаниями, необходимой информацией — всем тем, что входит в понятие «компетентность». И еще: он должен быть человеком ответственным, то есть не прятаться за спины других, если вдруг неудача, а быть готовым ответить и за слово свое и за поступок. И все это не только самого председателя касается. Учиться решать надо каждому...

Вскоре после декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС я собрал в кабинете главных специалистов: Виталия Васильевича Иванова, зоотехника, Леонида Францевича Голзицкого, агронома, и заведующую молочнотоварной фермой Марию Ивановну Латышеву. Положили на стол газету, где красным карандашом был отчеркнут абзац о том, насколько важное значение имеет тщательный подбор кадров по деловым и политическим качествам, воспитание подлинных организаторов производства, инициативных, способных работников. Там же говорилось еще: «Утвердившееся доброжелательное отношение к ним надо еще больше сочетать с высокой требовательностью и принципиальностью».

Наше маленькое совещание превратилось в доверительный разговор о том, что всем нам надо проявлять больше самостоятельности, смелее вести поиск, идти, если надо, на оправданный риск. Такое сейчас время — время ответственных решений. Иные думают, что попытка съехать с наезженной колеи таит в себе опасность неудачи. Но ведь если болееешь за дело, выход обязательно будет найден. Убежден, неразрешимые проблемы создает лишь тот, кто никак не осмелится взять на себя ответственность, проявить инициативу. Это было подчеркнуто и на внеочередном февральском Пленуме ЦК КПСС.

...А принятые решения надо еще уметь отстаивать, — к такому выводу я пришел, будучи председателем колхоза.

Перед прошлогодней посевной все наши специалисты недели две сидели над схемами угодий, графиками, расчетами. До гектара распланировали поля, до тонны распределили по пашням (с учетом специфики культур) органику, минеральные удобрения, продумали, как быстрее закончить ремонт техники, уточнили рацион кормления коров и телят.

Как обычно, при этом руководствуемся одним документом — плановыми заданиями на пятилетку, на текущий год. Повезли мы наши планы в райсельхозуправление, а там в них даже не заглянули: вам, дескать, уже свои расчеты отправили. А в расчетах было записано: выделить дополнительно под кормовые культуры 800 гектаров. Где же их взять-то? Все нами уже было распланировано.

Но правоту свою мы все же тогда доказали. И в райкоме и в обкоме партии нас поддержали. А с каким удовольствием наблюдал я потом за людьми — делом, отличной работой подтверждали они свое право на самостоятельность.

Такая вот диалектика: чувствуя доверие, руководители колхозных служб и подразделений стали более инициативны, ответственны. Словно ежедневно каждый из нас держит экзамен на звание специалиста своего дела... Рад, что не ошиблись мы, к примеру, в Зинаиде Трофимовне Шестаковой. Не один год проработала она дояркой. Дела у нее лично шли хорошо, а на ферме никак не налаживалось. Дисциплины, порядка элементарного не было. Предложили Шестаковой взять ферму на себя. За год вывела ферму из прорыва. Спрашивает как-то один из ее предшественников, как, мол, удалось, а она в ответ: «Мне ж,—говорит,—доверили, да и совестно в должниках ходить».

Приятно слышать такой ответ, радостно за человека. Как это важно, видеть смысл своей деятельности, ощущать с самого начала и до конца личную ответственность за ее результаты.

Случается, конечно, и огорчаться, глядя на некоторых молодых работников, у которых спрос только с других, а не с себя. Жалуются! Того нет, этого нет. Дайте! Хорошо, даем. А дальше-то что? Спортзал, правда, небольшой, но и он частенько пустует. Культработникам зарплату увеличили, а оживления в клубе не заметно. Позвал как-то к себе молодежь: есть, мол, увлекательное предложение. Пришли. Сели в кружок. Молчат. Знаю, о чем молчат. Нужны новая столовая, новый детсад, оздоровительный комплекс — больница с поликлиникой и профилакторий, бассейн, спортзал повместительней. Надо бы и Дом культуры попросторнее да поуютнее. Надо, конечно. И будут они у нас со временем. Важно только, чтобы потом не пустовали они... Предложение мое к ребятам было

такое: подумайте, как оживить жизнь в Хомутове и в соседних наших деревнях. Поломайте голову, потрудитесь хорошенько на субботах-воскресеньях, проявите себя. За вас ведь никто всего этого не сделает. Молчат. А нам ведь не только хочется сэкономить, а чтоб они сами зашевелились, для себя поработали.

Не хочу показаться брюзгой, но кажется мне, плохо еще учим мы молодежь самостоятельности, не заставляем принимать решения, часто все стремимся сами сделать за них. И вот когда жизнь ставит молодого человека перед необходимостью решать, перед естественным выбором, он может оказаться беспомощным со своей привычкой полагаться на других — на родителей, на друзей, на руководителей...

...У нас в колхозе деревня Тальга неперспективной считалась. Жили там трудно: весной и осенью хлеб туда на «Кировце» возили да и зимой не всегда пробиться удавалось. Начали строить в Тальгу дорогу, а в дорожном строительстве нужны не только машины да средства. Люди там еще нужны. Мне очень хотелось, чтобы колхозники наши сами в ту дорогу свой труд вложили, чтобы, работая на общее благо, поняли, что и для себя ее строят.

Красивая получилась дорога, ухоженная. И ни одному трактористу не придет сегодня в голову выехать на асфальт на гусеничном тракторе. А в Тальге той теперь что ни год, три-четыре новых дома появляется. Живет деревня. И, может быть, потому, что люди ту дорогу сами строили, она деревню как бы к жизни вывела.

Или взять такую ситуацию. В овощеводстве у нас много молодых женщин и девушек занято. Только работают они там от силы четыре месяца в году. И решило правление создать в колхозе «женский» цех. Съездил я в Иркутск, переговорил с директором первой швейной фабрики Зинаидой Васильевной Рудых. Конечно, шить модные пальто да платья нам не под силу, квалификация, технология не те. А вот спецодежду, рабочие рукавицы вполне можно. Договорились: мы организуем филиал фабрики на сто рабочих мест и план ему определим не на год, а на семь месяцев, чтоб четыре месяца в теплицах да в поле работали, плюс месяц отпуска... Но цех надо было отремонтировать. И тогда мы обратились к людям: поработайте для себя. Согласились.

Вот так я понимаю эту штуку — ответственность за порученное дело. Прежде всего как осознание того, что никто за нас это дело не сделает.

Иркутский район.
Иркутская область.

В КОМИТЕТЕ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

С НАДЕЖДой НА НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

С американской организацией «Женщины и фонды» Комитет советских женщин установил контакты в прошлом году, и ее делегация посетила Советский Союз. Побывала в Ленинграде, познакомилась с деятельностью наших социальных учреждений. За «круглым столом» мы живо обсуждали проблемы, особенно остро волнующие женщин наших стран.

И вот с ответным визитом отправилась в США наша делегация. Возглавляла ее заместитель председателя КСЖ, заместитель председателя Ленинградского горисполкома Н. Г. Елисеева.

В нью-йоркском аэропорту нас встречали уже знакомые нам Кэтрин Меннингер и Колетт Шульман. Наутро мы приступили к работе. Побывали в детском саду, в школах, профессионально-техническом училище.

Мы были благодарны, что в программу включили также поездку в один из старейших центров науки в США — г. Бостон. В знаменитом Гарвардском университете мы беседовали с профессорами и студентами. И где бы мы ни были, среди множества вопросов, которые нам задавали, непременно были такие: что советские люди думают о войне и мире и какова роль советских женщин в обществе...

Особенно запомнилась встреча с американскими сторонниками мира в небольшом городке Дирфилде, в штате Массачусетс. Правда, поначалу она планировалась в здании Центра мира в Треп Роке — именно здесь зародилось в США движение за замораживание ядерных вооружений, но дорога туда шла по гористой местности, из-за погоды проехать было невозможно, и мы собрались в доме Мэг Гейдж — она «отвечала» за нас в Дирфилде. В прошлом учительница, Мэг стала основателем и организатором Фонда содействия миру, который существует на добровольные пожертвования и финансирует деятельность местных групп, выступающих за мир, а также общеобразовательные центры, пропагандирующие идеи мира. Мэг побывала в СССР в прошлом году.

Мэг организовала «пот-лак» — так в США называют небольшой прием, на который каждый из приглашенных приносит какое-то блюдо, приготовленное дома.

Мы сидели за удобным столом, который сделал супруг нашей хозяйки, мастер по дереву. Мэтью, их полторагодовалый сынишка, переползал с одних коленей на другие, отдавая предпочтение Наталье Григорьевне Елисеевой — угадал по ее теплым, умелым рукам доб-

рую бабушку, скучающую по внукам...

Собрались человек сорок. Все это были люди, искренне заинтересованные в улучшении отношений между нашими странами.

Члены нашей делегации рассказывали о движении за мир в Советском Союзе, о том, что наш народ знает цену миру, как, может, никакой другой, о своей работе, вообще о нашей стране. А нас все спрашивали, спрашивали... Вопросы были острые, пристрастные — ведь эти люди судили о нас на основании ложной информации. Мы старались отвечать как можно подробнее, понятнее, спокойнее. При прощании наши новые друзья говорили: «Спасибо, что вы приехали в такое напряженное время. Мы очень ценим вашу миссию».

Потом в Нью-Йорке мы участвовали в дискуссии, на которой обсуждались такие темы, как «Женщины в семье и обществе», «Женщины и международные отношения», «Женщины на руководящих постах».

...Недавно я получила открытку — одна из преподавательниц Гарвардского университета написала, что часто вспоминает наши беседы и надеется на новые скорые встречи.

Вера СОБОЛЕВА,
старший референт
Комитета советских женщин.



т подруги письмо получила. И даже расстроилась. Видно, годы наши ушли, писала подруга, раньше каждый день жила на полном дыхании, а теперь устаю, ничего не хочется. И ведь жизнь была труднее, не сравнить, и работали тяжело, но хватало сил и петь и плясать. А тут вроде все нормально, а на душе усталость.

И первый раз в жизни Тамара Андреевна не понимала свою подругу. Ее волнуют совсем другие проблемы. То есть годы-то те же. И устает она, конечно, еще как. И тяжело бывает. И дети выросли, разъехались. И здоровье убывает. Если про все это думать, то конечно... Но только думать ей об этом совершенно некогда. Жизнь сложилась так, что ей вообще о себе думать — это почти роскошь. Сначала, в войну, матери помогала, пока отец с фронта вернулся. Мама почему-то любила брать ее в лес за дровами, говорила, что она хорошо пилит и рубит. Сенокос, бывало, — они с ребятами стог утаптывают, душно в сене, но почему-то все равно весело. Или по огороду возятся, коленками по земле елозят, полют, прореживают. Мать поглядит, пожалеет — марш на речку купаться! Писк, визг, мокрые все, руки в цыпках — красота Детство.

Когда враг деревню взял, когда поселились в избе чужие солдаты, неделю ребята не слезали с кровати, да и мать не пускала: «Сидите тихо!» Кругом шли смертные бои, вся низина возле деревни была усыпана трупами. Лучше забыть. Да как забудешь.

Когда фашистов выбили, когда отец, хоть полуслепой, да вернулся, мама все время потихоньку пела. И они, сестры: и Наталья, и Настя, и Полина, и она, Тамара, тоже пели, на гитаре играли, частушки складывали. Может, из тех лет у нее душевный настрой...

Даже сейчас Тамара Андреевна частушки сочиняет.

За восемь километров бегала на занятия в техникум, а надо было еще воды налить, и скотину накормить, и растопку приготовить, и печку затопить. Все можно успеть — это она знала после той войны, после той недели, когда дрожали под общим одеялом, слушая резкую чужую речь, после той низины. Счастье — если по большому счету — это мир, это когда по радио передают не сводку с фронта, а сводку с посевной.

Так и шла жизнь: уборочная за севом, за годом год. Выучилась, замуж пошла. Дети росли, сын и дочь.

Стала зоотехником. Потом главным зоотехником Российской Федерации. Орден Ленина у Тамары Андреевны и орден Трудового Красного Знамени.

Колхоз из среднего хозяйства вырос в племязавод по производству скота холмогорской породы. Переживал и славу и трудные времена. Как, например, в последние годы, когда наводнения размывали заливные луга, когда замучила бескормица. Но вновь одолели, вновь набрали высоту. Председатель колхоза Николай Серге-

евич Романов, когда его спрашивают об опыте, только отмахивается: «Встаем рано, ложимся темно — вот и весь опыт».

Да и среди ночи сколько раз подымали Тамару Андреевну. Когда доярки на Воробьевской ферме, где Тарасова уже пятнадцать лет пропагандистом, рассказывали о ней, то чаще именно вот это: как прибегали к ней за помощью среди ночи. Видно, дневные труды у них и в счет не идут. Зинаида Григорьевна Попова говорила, как перед похолоданием, еще на старом дворе, Тарасова до полуночи стелила с доярками солому на цементном полу (деревянный потом уже сделали). Мария Григорьевна Воробьева даже заплакала, вспоминая: у нее в группе у коровы были тяжелые роды, себя не помня, побежала к Тамаре Андреевне, вместе сколачивали помост, подымали корову, тем и спасли. Молоденькая заведующая фермой Рая Попова рассказала, как зашла как-то к Тарасовой вечером, просто по привычке, а та мечется: «Рай, холодает, как бы в Исакове телят ночью в загоне не оставили!» А утром говорит: «А я ведь ходила вчера в Исаково».

— Да ведь туда три километра!

— Загнали мы телят, Раечка!

Со старым председателем Тарасова, бывало, ругалась. В Ноздрине надо было отремонтировать клетки для телят, перестлать полы. И делать это следовало постепенно, по одной клетке, чтобы было где разместить телят. Наконец, договорились. Специально объяснила прорабу: если сломают все клетки, телятам придется мерзнуть на улице.

И вот идет Тамара Андреевна домой. Как

никого не сагитировать. Здесь быть пропагандистом — это не только партийное поручение, а скорее образ жизни, репутация. И если ее нет, ни о какой агитации и пропаганде просто речи быть не может.

В сущности, все пятнадцать лет — какая бы программа ни была — в своей школе коммунистического труда Тамара Андреевна говорит с женщинами прежде всего о том, как много зависит в их общей жизни от каждой из них. Основы экономики, основы обществоведения, которые изучают «ученицы» Тарасовой, должны укрепить гражданские, нравственные основы, потому что «осознать» — от слова «знать».

...На занятия все пришли в белых халатах, кроме Екатерины Егоровны Соловьевой. Та — в новом платье, а халат сложила на коленях.

— У тебя, Катерина, праздник! — торжественно начинает Тамара Андреевна. — Давайте, девочки, поздравим Екатерину Егоровну с орденом, со «Знаком Почета». Она у нас поработала лучше всех.

О минувшем, 1983-м, вспоминать приятно: дефицит по молоку с 260 тонн уменьшился до 82. Прибыли получили 343,7 тысячи рублей. Нынче с долгом, судя по всему, удастся полностью рассчитаться, хозяйство рентабельное. С удовольствием вспоминали, как берегли электроэнергию, смотрели, чтобы никто кормами не разбрасывался (позволили бы, как же!), старательно учили новеньких...

Но женский разговор всегда уязвим по части логики. Начали с мажорной ноты, однако скоро уже с увлечением разоблачали бесхозяйственность. Вот построил кол-

Из жизни
пропагандиста
Т. Тарасовой

ОСОЗНАТЬ

раз с Воробьевской фермы. А поздно. И вдруг ветер, провода загудели, повалил снег. Ей бы ускорить шаг — да к дому, к теплу. А она побежала в Ноздрину.

Молодняк стоял во дворе. Влетела в телятник — так и есть: все четыре клетки поломаны, ни в одну телят не заведешь, полы разобраны, гвозди торчат по три сантиметра...

Побежала Тамара Андреевна по деревне, стучала в чьи-то окна, подымала мужиков. Полночи работали: выгребали строительный мусор, разбивали щиты, сколачивали сломанные клетки. Светили друг другу фонариками.

Разместила телят, прикрыла плотно дверь и зашагала домой. Злилась и радовалась. Злилась на строителей: не жалко им колхозного, даже к живому жалости нет. Радовалась за своих, что действительно — свои.

Утром прораб пошел на нее в атаку:

— Кто же будет возиться, по одной клетке выправлять?! Шутишь, Тамара Андреевна!

— Ах, тебе размах нужен? Возиться не хочешь? А коли не хочешь возиться — и не хозяин ты и не работник.

В 1965 году в хозяйстве было 495 голов крупного рогатого скота; в 1975-м — 1065; в 1980-м — 1404; сейчас посчитали — 1508. Стало быть, «возиться» люди не отказываются, наоборот. Надо думать, немало тут значит пример и опыт главного зоотехника. Но, может, столько же — усилия пропагандиста. Ведь в деревне, особенно коренному, местному человеку, одними словами

хоз дорожку вдоль новых домов, так ее уже начали разбивать машинами и тракторами: каждый механизатор катит к своей хозяйке обедать на персональном транспорте, какая же дорога выдержит, а пешего-то ходу по ней в любой конец семь минут! Или с одобрениями: есть под них новое хранилище, а его под картошку забрали! Или еще...

— Глазастые вы, девочки! — замечает пропагандист. — А теперь давайте так же строго на себя поглядим. Вот Катя Соловьева надоила от каждой коровы по 4616 килограммов молока, а, к примеру, Людмила Соболева — по 3450. Переведем в рубли: Екатерина для колхоза заработала на 10280 рублей больше, чем Людмила. А можно иначе сосчитать: пропали за Людмилой Петровной десять тысяч рублей.

— Чего ж пропали? — ахнули в «зале». — И почему с Соловьевой сравниваешь? Средний надой на ферме другой.

— Средний — 4025 килограммов от коровы. По этому счету за Людмилой только 5275 рублей.

Обижено загудели:

— Надо же в обстоятельства входить! Группы коров разные, и вообще так неправильно ставить вопрос. Что значит «пропали деньги»? Истратили мы их, что ли, или себе взяли?

— Ну-ну, не обижайтесь! То ведь и плохо, что не истратили, не взяли себе на колхозные наши нужды: на жилье, на ремонт той же дороги. Просто со стороны мы чужие просчеты хорошо видим. А свои?

Вот, — говорила Тарасова, — предлагаете «в обстоятельства входить». Давайте и



Пропагандист
Тамара Андреевна
Тарасова среди
своих слушательниц.

из Калужского совхоза-техникума. Но эта девочка такая вдумчивая оказалась, такая старательная. Никакая работа ее не тяготила.

Как-то Тарасова заметила: курточка на практикантке — одни лохмоты. Упрекнула: что ж ходишь драной? И узнала, что курточка новая, только замеряла девочка жирность молока и облила одежду серной кислотой... Выругала ее Тамара Андреевна: руки-крюки. А в правлении попросила: давайте поможем, ну сколько там стоит эта курточка.

Те тридцать рублей никто в колхозе не помнит, кроме заведующей Воробьевской фермой Раисы Васильевны Поповой. Она теперь человек известный. Была делегатом XIX съезда комсомола, избрали ее членом Калужского обкома ВЛКСМ, всегда приглашают на совещания молодых животноводов.

В партию вступила — Тамара Андреевна писала рекомендацию.

Стала студенткой-заочницей — Тамара Андреевна прикрикнула: «Время-то уходит! Не век будешь молодая!»

Рая, Раечка, Раиса Васильевна до сих пор бегают к Тамаре Андреевне. Это хозяйка-то дома, мать семейства. Ночевать остается, если разговор долгий.

Чаще всего они отчаянно ссорятся. Ни от кого Рая Попова не слышит столько неприятного, сколько от своей подруги. Вот отчитали одну молодую доярку, которая ударила теленка шлангом (тот ее сильно лягнул). А Тарасова отчитывает саму Раису: что резки были с той девочкой, а она без родителей росла, сама ласки не виде-

- ОТ СЛОВА "ЗНАТЬ"

войдем в обстоятельства, к примеру, полевода. Убирает он картошку. Холод, дождь, ветер, руки леденеют, того гляди снег пойдет, торопится полевод. И на каждом квадратном метре забывает взять один клубень. Только один! Знаете, сколько это будет в масштабах страны? 2 миллиона 660 тысяч тонн картошки.

— Нам бы той картошки, как без кормов сидели, малую бы толику! — вздохнул кто-то.

— А молоко, что мы недодали, — да в магазины бы: сметаной, творогом, маслом! — подхватила Тамара Андреевна. — Входить в обстоятельства — у себя же отнимать, девочки.

Не попросила слова — взорвалась Раиса Попова:

— Тамара Андреевна про картошку, а я про капли скажу, про последние, самые лучшие. Недодаиваем, девочки, чего уж там. Если бы мы эти последние капли все как одна добирали, у нас бы жирность просто подпрыгнула. В масштабах страны не знаю, а про колхоз скажу, подсчитала: если повысится жирность молока на одну десятую процента, мы получим еще две тысячи рублей дохода. А у нас в прошлом году 18 процентов пошло вторым сортом. Только за год потеряли 35 тысяч рублей.

Вот как пропагандист Тарасова предложила посмотреть на минувший — хороший — год. «Повторяя пройденное», доярки искали резервы и подошли к вечной теме, к резерву неисчерпаемому — человеческой совести. Встала Зинаида Петровна Попова:

— Погоди, я скажу. У меня в группе 33

коровы. Есть такие, что пять, а то и шесть тысяч литров молока дают. А мне до пенсии меньше года. Но своих холмогорочек я оставляю только той, что беспокоится о каждой капле молока, той, кто каждой коровушке трижды поклонится, кто ночей спать не будет, пока не наладит отношения с группой...

Тамара Андреевна ведет занятия — и кое-что в блокнот пишет. Скажет потом в правлении, в парткоме: что предлагают доярки, на что обижаются. Чтобы слова, пусть самые искренние, не остались только словами, сказанными под настроение.

Если бывает у Тарасовой, как выразилась ее старинная подруга, «усталость на душе», то чаще тогда, когда, замечает она, добрые намерения, душевный порыв людей как бы уходят в песок. Да пусть даже какое-то дело не заладится сразу, пусть потребует оно не одного года — лишь бы люди не охладевали, лишь бы то, во что так верит Тамара Тарасова, чему служит со всей убежденностью и страстью, передать в надежные руки, укрепить на родной земле.

Дети вон ее в город зовут, в письмах про внуков пишут. Хорошие, умные, заботливые дети. Но есть у Тамары Андреевны и в Воробьеве родная душа. Девчонка, в сущности. Работают рядом, а все не наговорятся. И сделать вместе им надо многое. Кто ей Рая Попова? Сослуживица? Преемница? Вечная спорщица-перекорщица? Райка, Раечка, Раиса Васильевна...

Тарасова Раю заприметила, когда та приезжала на практику. Многих присылали

ла, и теперь у нее маленький братишка на руках. Теленочка надо жалеть. Но ведь и девчонку пожалеть тоже нужно. Ладно доярки на нее напустились, разве не дело заведующей фермой дать понять девочке, что люди вообще-то не против нее, просто живое жалеют? На кого ей рассчитывать, если не на товарищей?

Был грех, опоздала Раиса Васильевна к дойке: не с кем было оставить ребенка. И в тот же вечер получила:

— Ты с чего же взяла, что тебе все можно? Девочки, конечно, тебе замечания не сделают, но с какими глазами ты им потом будешь выговаривать за опоздания?

— Что ж мне, разорваться было? — сердится Рая.

— Рвись, если не можешь организовать время. Рвись, а не подводи.

— А я не такая, как вы, — ехидничает Раиса. — Я не хочу быть такой, как вы, как все ваше поколение. День-ночь не замечать — это, по-вашему, жизнь? С бронхитом на работу ходить — так, что ли, надо? Зачем я вам только банки ставлю, все равно без толку.

— Ла-адно! Живи по своему уму, а я уж буду, как привыкла!

— Привыкла! У людей машины в гаражах, а у нее на сберкнижке 23 рубля.

— Ла-адно, я хуже всех!

— Лучше всех!

Татьяна ПОРЕЦКАЯ

Колхоз имени М. Горького.
Малоярославецкий район.
Калужская область.

Фото М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

ЖАЖДА

Григорий ПОЖЕНЯН, поэт,
автор фильма «Жажда».

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА СОВИНФОРМБЮРО ЗА 10 АПРЕЛЯ 1944 г.

«Войска 3-го Украинского фронта сегодня утром овладели городом Одесса. Этой новой победой бойцы и офицеры Красной Армии еще раз продемонстрировали свое военное мастерство, мужество и героизм... Всю ночь шли ожесточенные уличные бои, в результате которых советские войска полностью овладели городом и первоклассным портом на Черном море».

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ

КАРТОЧКА НА ВОДУ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ

КАРТОЧКА НА ВОДУ

Фамилия, имя, отчество _____

Домашний адрес _____

18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ	ВОДЫ

Итого: Литр. «Черноморск»

«10 апреля Одесса была освобождена. 73 дня удерживали этот город-герой советские воины армии и флота в 1941 г. Через три года, когда Красная Армия начала штурм Одессы, враг не сможет здесь продержаться и 73 часов».

Из «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»



ТАНК ПРОШУ НАЗВАТЬ "БОЕВАЯ ПОДРУГА"

50 лет назад постановлением ЦИК СССР была установлена высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Первыми Героями Советского Союза стали семеро летчиков, спасших челюскинцев. В годы Великой Отечественной войны этого звания удостоены 11,5 тысячи воинов.

В середине марта Мария Васильевна получила письмо от мужа: «Здравствуй. Очертинка! Я тебя сто раз просил, чтобы ты аккуратно писала письма. Ты другой раз так неаккуратно напишешь, что мне просто становится нехорошо. Клочки бумаги почти без адреса, доплатное. Если тебе надоело писать часто, то пиши реже, но чтобы письмо было похоже на письмо».

Расстроилась, но не очень. Не умела писать письма, что теперь поделаешь. Зато научилась всему тому, что должна была, как ей казалось, уметь жена офицера:

окончила курсы медицинских сестер, школу телеграфистов, водила машину. На квалификационных соревнованиях по стрельбе выбивала 48 из 50. Впрочем, не забывала и чисто женских пристрастий: прекрасно вышивала. За ворчанием Ильи прочитала главное — любовь, не утихающую с двадцать пятого года, когда Мария Гарагуля вышла замуж за курсанта Симферопольской кавалерийской школы. Письмо пришло из Москвы, куда Илья уехал на курсы политсостава...

Спустя полгода пришло извещение. Отправитель — Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии: «Ваш муж, полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович в бою за социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 9 августа 1941 года, похоронен в г. Киеве».

Трое суток Мария Васильевна пролежала на кровати лицом к стене. На четвертый день отправилась в военкомат, где ей сказали: «Хотите на фронт? Надо будет, мы





Старая фотография: женщина отдает воду солдатам, идущим в бой.

Одесса. Сентябрь сорок первого года. Кольцо блокады так туго сжато, бои на подступах так близки, что снаряды рвутся на центральных улицах.

Беляевка — водоканал на берегу Днестровского лимана, водное сердце Одессы, — в руках противника. В городе воды нет. Несколько десятков колодцев и севастопольские танкеры с водой — крохи. Вода по карточкам. Вода — дороже хлеба. В море — море воды, а воды нет. Жажда... Море и небеса не понимают, как тяжело земле.

Понимают это кони, собаки, кошки и поникшие цветы.

Люди строят баррикады.

В сентябре был день, когда были убиты или ранены в бесчисленных контратаках все комиссары и командиры сражающихся частей.

Я тоже был там тогда. Жил в здании бывшего консервного института. Уходил по ночам в разведки, из которых всегда кто-то не возвращался. Мы спали на полу на красных полосатых матрасах. Каждый раз, когда кто-то уходил в тыл к врагу, скатывался матрас. Раскатать его смел только вернувшийся. Так и лежали мы, как среди могил, между нераскатанными матрасами.

В день, когда мы ушли в свою последнюю разведку для того, чтобы дать людям воду, — все остальные матрасы были тоже скатаны... Теперь на этом здании висит памятная доска с именами тех, кто погиб.

...Нам снова грозят войной. Те, кто это делает, плохо знают историю России...

...Мы уходили, и женщины отдавали нам последнюю воду, как отдали бы кровь, как отдали бы жизнь.



В тот день, когда Мария Октябрьская скончалась в госпитале. Совинформбюро сообщило: «...войска 2-го Украинского фронта успешно форсировали реку Южный Буг...» Освобождалась земля, где погиб ее муж.

вас найдем». Да и что делать на фронте женщине, уже немолодой, с туберкулезом шейного позвонка? Брат прислал сочувственное, но и раздраженное письмо: «Ты, как я вижу, собираешься на фронт. Дело благородное и далеко не легкое, — для этого надо здоровье, а с твоими нервами и болячками мой совет — сидеть на печке и нянчить Юрика, учти это. Я понимаю, что тебе тяжело перенести эту утрату, но и ты пойми, что ты много беды этим гадам не сделаешь».

Своих детей не было, и к племяннику Юрику привязалась в эвакуации с горькой нежностью вдовы. Но упоминание о печке — это было невыносимо обидно. Однако ни напоминания о медицинских навыках, ни умение стрелять, бросать гранату, водить машину не помогли ей уговорить работников военкомата.

Сестра, мать Юрика, облегченно вздохнула: Мария Васильевна принялась за вышивание. Раздобыла где-то цветного шелка и все вечера и ночи сидела за пяльцами. Белая, расшитая розами скатерть была представлена на выставку работ жен комсостава и продана за несколько тысяч рублей. Затем отнесла на рынок все старые вышивки, а их было немало: на расспросы отвечала: решила купить корову.

Из письма сестре: «Дуся! Я прошу денег, 5000 рублей. Продай мой крепдешин, черное креп-жоржетовое платье, плюшевую дорожку, одеяло, костюм Илюши. Мне нужны деньги до зарезу».

Необходимая сумма, наконец, набралась.

В последний раз пересчитав деньги, Мария Васильевна отправилась на телеграф и там отбила телеграмму в Москву Верховному главнокомандующему:

«В боях за Родину погиб мой муж — полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в Госбанк на построение танка все свои личные сбережения — 50000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь ворошиловским стрелком».

Вскоре пришел ответ:

«Томск, Марии Васильевне Октябрьской.

Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет. И. Сталин».

3 мая 1943 года Мария Октябрьская была принята в танковое училище. Выдали летнее обмундирование, что было кстати: платья, словно прощаясь с мирной жизнью, продала тоже.

Сколько же лет ей было тогда? По военным документам — 38. Но мы знаем, что ей было тогда на три года больше. Скрывала возраст не из женского кокетства — просто боялась, что не возьмут в училище.

Там же, в училище, подобрался экипаж: командир — Петр Чеботько, Геннадий Ясько — башенный стрелок, Михаил Галкин — стрелок-радист; о них Мария Васильевна писала: «Я их сынами называю».

«Боевую подругу» строили на одном из сибирских заводов. Перед началом смены мастер цеха рассказал рабочим историю танка. Собирает его помогали весь экипаж.

Она мечтала попасть на Украину, в боях за которую погиб муж. Но в октябре 43-го экипаж был направлен из Омска на Западный фронт.

Из письма родным: «Вижу пленных. А я имею бравый вид танкиста. Они обращаются: «Зольдат, дай махорки!» Я снимаю шлем, они видят женскую голову. Я говорю: «Напиши Гертруде, что ты встретил русскую Марийку с пистолетом и танком». От злости в глазах темнеет. Какие жуткие следы войны. Богом проклят Гитлер...»

10 октября «Боевая подруга» прибыла в распоряжение второго танкового батальона 26-й гвардейской Ельнинской бригады. А через десять дней в боях за Новое Село танк Марии Октябрьской первым ворвался в оборону противника, пробиваясь сквозь огонь противотанковых орудий, самоходок и тяжелых танков. «Боевая подруга» успела уничтожить ПТО, тридцать фашистских солдат и офицеров. Взрывом снаряда у «Боевой подруги» оторвало часть ленивца, выбило три трака, гусеница распалась — танк замер. Но еще трое суток потерявший подвижность танк прикрывал огнем нашу окопавшуюся пехоту. Пехота, в свою очередь, не давала выдвинуть тяжелые орудия на прямую наводку, но круглые сутки «Т-34» Марии Октябрьской обстрели-

вали из минометов и автоматов. Чинили танк по ночам. Разбитый ленивец снять не удалось, просто натянули траки. И 23 октября в 22.30 «Боевая подруга» вместе с батальоном перешла на другие позиции.

Из письма сестре: «Немец, проклятый, население все дотла сжигает. Особенно дети всю душу мне выматывают. Царит смерть. А наш танк был подбит в бою. Трое суток стояли под шквалом огня. Простилась с Юрой. Шансов на встречу очень мало, просто нет их. Но если будем живы, встретимся где-нибудь в Сочи, на курорте. Это я ребятам говорю в самые тяжелые минуты. Миша и Гена — настоящие львы. Как я им обязана! Я их усыновлю после войны, если живы будем. Больно до слез — враг разбил такую жизнь!»

За свой первый бой Мария Васильевна Октябрьская была награждена орденом Отечественной войны I степени. Он был вручен 16 февраля 1944 года в госпитале, где Мария Васильевна умирала от раны, полученной во втором, последнем бою.

Из наградного листа:

«17.1.44 г. в районе совхоза «Крынки» тов. Октябрьская участвовала в атаке. Гусеницами своего танка раздавила два орудия ПТО с прислужкой, в бою танк был выведен из строя огнем противника. Тов. Октябрьская, проявляя героизм, под сильным артиллерийским огнем противника восстановила танк, но была тяжело ранена».

Сегодня, может быть, покажется странным, что женщина под огнем вставляла выбитые траки. Ведь в танке было трое молодых мужчин. Но на войне каждый делает свое дело, и подбитый танк продолжал бой, вел огонь: водитель делал то, что и должен был делать — попытаться вернуть боевой машине подвижность. Осколок снаряда попал ей в голову. Подхватившему ее Гене Ясько она тихо сказала:

— Гена, я отвоевалась...

В тяжелом состоянии она была доставлена в Смоленский гарнизонный госпиталь. Она пришла в сознание и спросила о судьбе «Боевой подруги», от нее скрыли, что танк сгорел на поле боя.

Она скончалась 15 марта 1944 года. И так и не узнала, что свой второй танк ее «сыновья» назовут по-прежнему «Боевой подругой» и выведут на башне дату рождения экипажа — 1943 год. Этот танк тоже будет подбит. И, возрожденная, сгорит и третья «Боевая подруга». Но на четвертой Петр Чеботько, Гена Ясько и Миша Галкин дойдут до Кенигсберга, где и встретят победу.

2 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР М. В. Октябрьской было присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза. Наградной лист подписал командующий 3-м Белорусским фронтом генерал-полковник Черняховский.

Мария Васильевна Октябрьская похоронена в кремлевской стене Смоленска.

Недалеко от кремлевской стены стоит памятник героям 1812 года и выбитое в граните благодарное письмо Кутузова смолянам. Заканчивается оно словами: «Таковы россияне!..»

Е. АЛФЕРЬЕВА

ТАМАРА ХАНУМ, НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР, г. ТАШКЕНТ: «Я еще в военные годы пожертвовала средства на постройку танка и самолета, переданных узбекским воинам-гвардейцам. Сейчас организую концерты в крупнейших залах Ташкента и области, весь сбор с которых поступит в Советский фонд мира. Обращаюсь ко всем соратникам в искусстве с призывом — поддержать мое предложение, внести в Фонд мира часть своих ценностей, выполнить свой патриотический долг, содействовать своими силами и возможностями делу укрепления мощи, защиты завоеваний Великого Октября».

Из письма в Комитет советских женщин.

по вашим письмам меры приняты

● «Дорогая «Крестьянка»! С большим чувством удовлетворения встречаем мы перемены, которые происходят в нашей деревне. Да и как не радоваться. На помощь сельчанам пришла мощная техника, механизированы тока... Крестьянский труд становится легче, интереснее. И все же не можем не пожаловаться тебе, «Крестьянка». Обидно ведь, что в нашем совхозе нам, дояркам, уделяют мало внимания. Суди сама. Раздачу кормов и уборку помещений мы ведем вручную. Уходит на это очень много времени, да и тяжело нам. Чтобы успеть провести необходимые работы, приходится задерживаться, а ведь дома дети, хозяйство, они тоже требуют внимания».

Доярки совхоза
«Красногорье».

Плавский район,
Тульская область

Острый сигнал рассмотрен в совхозе «Красногорье», сообщил редакции начальник управления сельского хозяйства Плавского райисполкома В. Матюшко. Приняты меры для улучшения условий труда доярок. Механизированы две фермы, разработан план коренной реконструкции молочно-варного двора. Учитывая, что доярки выполняют несвойственные им операции, в штаты некоторых ферм введены рабочие по кормлению животных. На всех фермах улучшены подъездные пути, доярки, живущие на центральной усадьбе совхоза, доставляются на работу автобусом.

● «Вот уже второй год мы, жители сел Липовка и Новые Юрковичи, форсируем речку Жеведу кто как может: одни вплавь, другие в объезд за 15 км, а кто половчее — по ветхому сооружению, называемому «мостом». А руководители наших хозяйств не обращают ни на мост, ни на нас никакого внимания...»

Жители сел Липовка и
Новые Юрковичи.

Климовский район,
Брянская область

В ответе редакции, подписанном начальником Климовского районного управления сельского хозяйства А. Тищенко, сообщается, что письмо в «Крестьянку» проверено с выездом на место.

Правление колхоза «Советская Россия» вынесло решение о строительстве нового моста. Уже выделены строительные материалы.

ТВОИ
ЗАРУБЕЖНЫЕ
ПОДРУГИ

ДОРОГУ МЫ

НАШЛИ



Новая жизнь открылась для Асрат.

В Аддис-Абебе, столице Эфиопии, установлен первый на африканском континенте памятник В. И. Ленину. На открытие его 13 сентября 1983 года прибыли десятки тысяч людей. Там мы и познакомились с женщиной по имени Асрат Ассефа и при следующей встрече беседовали уже как старые знакомые. Крестьянка, средних лет. Когда говорит, перебирает края белой шаммы — это накидка, неизменный атрибут одежды здешних жителей. Остальное пусть о себе расскажет она сама — я записал то, что говорила Асрат, на магнитофонную ленту.

— Вы помните тот вторник, 13 сентября? Всю вторую половину дня шел дождь, а поток людской не прекращался, тянулся в сторону сквера, что между Юбилейным дворцом и Домом Африки. Темно уже, а люди все идут. Я тогда была впервые в столице. Как многие, приехала к Ленину. Что он значит в нашей жизни, вы поймете, если узнаете, откуда мы пришли.

Имя мое в переводе с амхарского значит

«десятый», «десятая», но я была старшей у родителей, потому что все девять братьев и сестер моих, что родились раньше, умерли, как умирали дети почти во всех крестьянских семьях. Родители батрачили на помещика. Этот кровопийца эксплуатировал людей безжалостно. Некоторые не выдерживали и кончали самоубийством, потому что жизнь была невыносима.

И я на него работала уже с шести лет. Три четверти урожая забирал у нас помещик, как и у всех в деревне, в Гауа Варко — ее так называли по речке Гауа, вы ее видели.

Мне было 15 лет, когда всю страну всколыхнули крестьянские восстания. Наш помещик позвал тогда помощь из Аддис-Абебы, и была кровавая бойня...

В 15 лет у меня была своя семья. Не удивляйтесь, в то время девочки, случалось, и в 11 лет уже были замужем и имели детей, это сейчас закон запрещает выдавать замуж в раннем возрасте, а тогда это было в порядке вещей. Муж мой, Аберра Вонде Афраш, тоже был батраком. Мы хотели иметь детей, но тяжелый труд и недоедание подорвали мое здоровье. Местный знахарь не помог... Врач? Что вы! В

нашей деревне до революции, до 1974 года, и фельдшера-то в глаза не видели. Да и, наверное, хорошо, что у нас не было детей: ведь мы и угла своего не имели, жили в хлеву вместе с коровами — это нам «милостиво» разрешил помещик. Как-то попросили разрешения построить бэттак (лачуга из бамбука. — Э.Б.), так он и слушать нас не стал, прогнал, разозлился, что беспокоим по пустякам. Земля принадлежала ему, и фактически мы были рабами, хотя формально рабство в стране отменили в 1942 году, за пять лет до моего рождения. Стыдно признаться: у нас с мужем не было своей шаммы, а это уж последняя грань нищеты.

Словно в черном мраке жили. Что такое электричество, школа, клиника — понятия не имел никто. Ни одного грамотного человека на всю деревню, на все 400 дворов. Сейчас смешно, но мы даже не знали, что есть другие страны. И слыхом не слыхали, что есть Советский Союз, Куба, что жили Маркс, Энгельс, Ленин.

Пять лет назад к нам приезжала драматическая самодеятельная группа, прямо в поле, показывали спектакль «Демат-

чин» — «Наша кровь». Я смотрела и удивлялась: автору известна моя жизнь, хотя я никому не жаловалась. Видно, у всех была тогда одна судьба.

В марте 1974 года пошли слухи, что в столице бунтовали студенты, водители автобусов и такси, преподаватели. Это нас поразило, ошеломило: как? Поднять руку на императора? У нас ведь на иконах в православных церквях святые были с ликом императора, на него молились!

Я впервые услышала тогда слово «революция» — его не существовало в амхарском языке. Я стала человеком, когда революция победила.

Сначала всем крестьянам дали наделы. Мы с Аберрой получили 5 картов земли (карт — 1/4 гектара. — Э. Б.). Банк выделил ссуду. И вот у нас собственный домик, не бамбуковый беттак, о котором мы столько мечтали, а настоящий, каменный. Растут двое столь желанных детей, сын Антене и дочь Валнса. Да, есть у нас теперь в деревне свой доктор, лечил меня бесплатно, снабжал лекарствами.

Спрашиваете, где бывший хозяин? Умер. От злости. Он так ненавидел революцию и нас всех, так был жаден, что не выдержал, когда у него конфисковали особняк и землю.

Стал у нас создаваться, как везде в стране, кебеле (форма самоуправления. — Э. Б.). Избрали туда и меня. Я удивилась и испугалась: ведь ничего не умею, ни писать, ни читать, ни говорить толком. А время было тяжелое, бывшие хозяева сложа руки не сидели: грабили, жгли урожай, губили скот. И убивали активистов.

По рекомендации кебеле моего мужа Аберру приняли в отряд народной милиции. Видите гору? Иерер — Зловещая гора. С ее вершины бросались в пропасть отчаяв-

шиеся крестьяне. За Иерером — местечко Булга. И вот там прятались недобитые богачи. Аберра и его товарищи их оттуда выбивали. В начале 1977 года в Гауа Варко пришла тревожная весть: войска сомалийцев перешли границу, часть нашей территории оккупирована. Мой Аберра воевал. Я к нему на фронт ездила одиннадцать раз. Женщины нашего кебеле собирали для воинов одежду, медикаменты, продовольствие. Я ожидала ребенка, а то бы ушла на фронт. Войну ненавижу, потому что видела ее, пережила... С тревогой думаю о будущем детей. Они растут, и боль моего сердца растет. Мы живем в трудное, напряженное время.

Антене прошлой осенью пошел в школу — у нас семилетка. И я выучилась грамоте — позаботилась наша женская организация, Ассоциация женщин революционной Эфиопии. У нас в деревне есть своя ячейка, и нам дают бесплатно книги, брошюры, журналы, газеты.

Женские ассоциации стали у нас в Эфиопии создаваться четыре года назад. Помню, собрались крестьянки — человек двести. Приехали представители из административного центра. Собрание проводили вон под той акацией. Она, как большой зонт, дает много тени. Договорились, что создадим ассоциацию, стали выбирать председателя. И тут глава нашей крестьянской ассоциации Толесса Уандим Агиниа — раньше он был конюхом у помещика — предлагает меня! Меня — бывшую нищенку! А Сахле Вольде Йоханнес, председатель районного комитета женской организации, показывает мне газету.

— Вот видишь, — говорит, — что Ленин писал?

Читаю: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной,

поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и полной и прочной демократии». Видите, до сих пор храню эту газету...

Вот уже третий год возглавляю нашу организацию. Многому учусь у Сахле, хотя по возрасту она мне в дочери годится. Видели, она в черном платье? Пять лет назад бандиты-контрреволюционеры убили ее жениха. И Сахле говорит: «Пока не построим социализм в Эфиопии, не сниму траур».

Недавно я прочитала стихотворение бенгальского поэта Голама Куддуса «Ленин». Я изменила в нем одно слово — вставила название своей страны. Вот послушайте:

*Мы помним, что Ильич —
как искру из кремня —
Горячую любовь из ненависти высек.
Над Эфиопией — заря,
лучи в прозрачной сини...
Дорогу мы нашли и вышли
из пустыни.*

Знаете, о чем я мечтаю? Построить в нашей деревне детский сад, потом кинотеатр, водопровод. В городе Назрете, это километров семьдесят отсюда, советские специалисты помогают нам строить тракторсборочный завод. Первый трактор, как нам говорили, должен выйти из его ворот в сентябре, когда будем отмечать десятилетие нашей революции. Хочу, чтобы свою первую борозду он провел на нашем поле. Приезжайте к нам тогда на праздник. Угощу апельсинами. Они у нас в эту пору самые сочные, самые вкусные во всей Эфиопии.

**Записал Эдуард БАБАЗАДЕ,
соб. корр. АПН —
специально для «Крестьянки».
Фото автора.**

Гауа Варко — Аддис-Абеба.

ОТСТОИМ МИР

ИЗ ПОЧТЫ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

Коллективное письмо (282 подписи) из села Тарановского Кустанайской области: «Мы, матери, бабушки, сестры, обращаемся через Комитет советских женщин ко всем женщинам планеты — давайте действовать в защиту мира и сообща положим конец ядерному безумию, ведущему планету к гибели. Политика трезвого разума должна одержать верх над ядерным безумием».

Коллективное письмо (1723 подписи) матерей по-

селка Лучегорск Пожарского района Приморского края матерям Соединенных Штатов Америки: «Мы, матери из маленького поселка, расположенного на Дальнем Востоке Советского Союза, обращаемся к вам: неужели вы верите в мнимую «советскую угрозу»? Нам некому угрожать, в нашей стране непочатый край мирной работы для нас и наших детей».

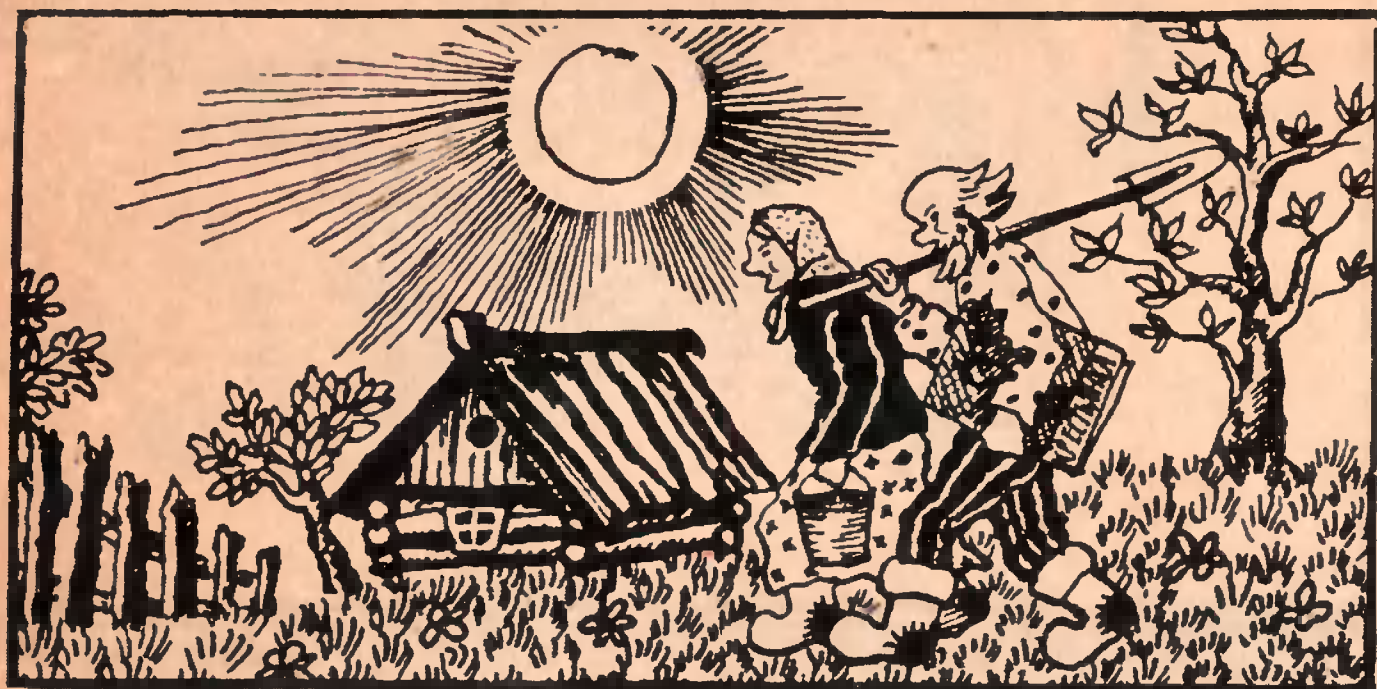
Сизых Нина Федоровна из Верхнебуреинского района Хабаровского

края, пос. Чегдомын, Восточный участок БАМа, ветеран труда, мать троих детей, бабушка шести внуков, обращается к женщинам: «Настала пора всем матерям планеты сказать свое слово, чтобы прозрели умы и сердца у всех... Мы одно знаем: детей рождаем не для того, чтобы они погибли. Уверены мы в том, что нет ни одной матери в Америке, которая не была бы озабочена всеми этими страшными событиями — войнами. Сколько же

можно матерям рожать детей для войн, для гибели... Мы протестуем против размещения американских ракет на территории Западной Европы, против агрессивной политики США...»

Ворошилова Мария Васильевна, мать одиннадцати детей, г. Славянск-на-Кубани: «Не быть войне, нам нужен только мир. Внесла 10 процентов своей пенсии в Фонд мира. Спасибо нашей партии, что борется за мир!»

«ВИНЕГРЕТ» НА ГРЯДКЕ



Вот и снова подошло время сеять редис и высаживать лук. Вы хотите распланировать свой огород, как и в прошлом году?

Но вспомните, когда вы убрали урожай зелени и ранних овощей, грядки потом остались стоять пустыми, заросшими сорняками, с середины лета до самой осени. А ведь это почва хорошая — обработанная, удобренная. Ну, не обидно ли?

Наверное, стоит продумать все заранее, еще до посева, как в шахматах, рассчитывая на несколько ходов вперед, и выбрать такие ходы, при которых земля будет «работать» весь сезон. Например, почему бы не посеять вместе с салатом морковь? Она медленно всходит. Салат уже сойдет, когда кудрявая морковкина ботва только начнет украшать собою грядку.

Овощеводы специально разработали схемы посевов смешанных, уплотненных, повторных. В них учтены, во-первых, сроки роста и созревания по фазам (например, как мы уже говорили, морковь на первом этапе растет медленно, потом быстрее), во-вторых, учтены площади, а вернее, объемы — наземные и подземные, необходимые тому или иному растению для роста, его высота, ширина, развесистость, его способность уступить соседу по грядке место под солнцем... Учтены, в-третьих, «персональные аппетиты»: один овощ забирает из почвы больше, допустим, калия, другой — фосфора и т. п., так что надо свести к минимуму конкуренцию соседей. В-четвертых, схемы учитывают такой важнейший фактор, как отсутствие общих вредителей и болезней. Мало того, можно так подобрать растения на грядке, что они будут выделять вещества (фитонциды), губительные для насекомых, вредящих соседям. Например, фитонциды лука губят паутинного клещика на огурцах, а ка-

пустная муха не выносит запаха сельдерея.

Учитывая все это, специалисты определили, что морковь, к примеру, кроме салата, хорошо сочетается с луком, помидорами, горохом. Капуста «не возражает» против соседства тех же салата и лука, а также сельдерея, укропа и даже картофеля, а вот помидоры и морковь она недолюбливает.

Приведем схемы сочетания двух одновременно высеваемых культур. Первая — огурцы и укроп.

Огурцы высаживаем на грядку в два ряда — с расстоянием между ними в 60 см. Между рядами и по краям грядки — укроп в одну строчку.

Другой вариант схемы.

Ранняя капуста (расстояние 50×50 см между рядами), а в междурядьях — по строчке редиса. С одной стороны грядку надо оставить свободной, чтобы можно было пройти при уходе за растениями.

А вот целый «винегрет» на одной грядке: редис, морковь, петрушка и лук. Вначале высаживают 5 рядов лука на перо — 15 см ряд от ряда и между луковицами. Затем в ряду между каждой парой луковиц высевают строчкой 4—5 семян редиса. А потом между пятью рядами лука располагают еще 4 ряда: 2 — моркови и 2 — петрушки. Таким образом, на грядке размещается 9 рядов: лук с редисом, морковь, лук, петрушка, лук, морковь, лук, петрушка, лук. Первым будет убран редис, и лук получит полагающуюся ему площадь. Затем и он исчезнет с грядки, а для моркови и петрушки освободится достаточно места. Одна грядка даст четыре урожая.

А вот схема, в которой сроки посева разных культур не совпадают.

Размечают площадь для рассады капусты: среднеспелой — 60×60 см и поздней — 70×70 см. Но делают это не в середине мая, как обычно, а при посеве ранних овощей. Ставят на место будущей рассады колышки, а вок-

руг оставляют свободную площадь 20×20 см. Всю же остальную площадь грядки засевают укропом, рядами через 8—10 см. Высадке капустной рассады в середине мая укроп не мешает: для нее оставлены «лысины». К тому же через месяц укроп будет убран, и капуста начнет разрастаться вширь и ввысь.

Похожа на эту, но, пожалуй, еще «хитрее» следующая схема. Размечают расстояния для рассады помидоров: 70×40 см. Вместо колышков сажают по луковице: она даст зелень и послужит отлично видимой разметкой. Остальную площадь засевают салатом с расстоянием между рядками 15 см. Ко времени высадки помидоров (в Нечерноземье примерно 5 июня) убирают лук. Помидорная рассада дней десять растет в окружении салата, а потом, после его уборки, остается в одиночестве.

А вот примеры повторных посевов, когда овощи не заступают друг друга на грядке. Высадите редис или лук на перо в возможно более ранние сроки, и тогда уже к середине июня урожай можно убирать; затем, дополнительно подкормив землю в грядках, высевайте зимнюю редьку или рассаду огурцов (соблюдая обычные для этих овощей расстояния). Наконец, еще один «винегрет» на грядке, но с разными сроками досева (по опыту ивановских овощеводов).

В конце апреля посадите редис с междурядьями в 30 см. В эти междурядья высадите лук на перо двумя строчками — через 2 см. Расстояния между луковицами тоже 2 см. Примерно 5 июня лук-перо убирают и на его место высевают замоченные предварительно семена укропа. 10 июня убирают редис и высевают шпинат. В начале августа укроп и шпинат убирают, грядку занимают салатом и редисом, которые успевают до холодов вырасти.

В заключение — еще о двух важных условиях успеха. Все предложенные варианты дадут хороший результат, если вы проследите за тем, чтобы посе-вы не сгущались на грядке, и если будете обильно кормить растения, учитывая, что их много на грядке. Иными словами, старайтесь вовремя прореживать всходы, оставляя расстояния между редисом и укропом, например, 3—4 см, между рядами салата — 10 см, моркови, свеклы — 4—5 см. И увеличьте дозу удобрений примерно на одну треть. Под семена, высеваемые позже, вносите дополнительно удобрения в рядки (или под рассаду — в

лунки). В любом случае помните, что такое вот интенсивное выращивание овощей удастся только на хорошо окультуренных плодородных почвах.

В. ЩЕРБАКОВА, агроном.

ПОЧТА АГРОНОМА

«...Как избавиться от повилики? Всю картофельную ботву закрутит так, что и куста не найдешь! Устала с ней бороться».

К. АРТЕМЕНКОВА

Село Пречистое,
Духовщинский район,
Смоленская область.

Все ли агротехнические средства вы испробовали? Во-первых, прополку. Конечно, это нелегкая работа, но самая действенная, если ее проводить вовремя и правильно. Чем раньше — тем лучше. Когда сорные растения еще не успели завязать семена. Если запоздаете — созревшие семена успеют осыпаться и дадут новые всходы.

Выполотую траву обязательно уберите с участка, иначе семена в ней доразовьются и вновь засорят почву.

И второе средство борьбы: озимая перекопка. Осенью, когда соберете урожай, перекопайте участок, чтобы он остался на зиму чистым. Весной, как только появились ростки сорняков (а повилика — один из самых ранних среди них), еще раз перекопайте. И только потом сажайте овощи. Результаты вознаградят вас за труд!



Рис. Н. БЕШЕНКОВСКОЙ.

И СТОЛ БАНКЕТНЫЙ И ТУМБОЧКА

...По случаю семейного праздника ожидается много гостей, и хозяева больше всего озабочены тем, как усадить всех, как разместить? Со стульями проще, их легко заменить крепкой доской, положенной на две табуретки. А вот стола большого может и не найтись: в будни он не нужен, места занимает много...

Можно сделать самим банкетный стол, который легко собирается в компактную тумбу и хорошо смотрится в интерьере (рис. 1).

Для работы подойдут любые столярные щиты или доски хвойных пород древесины. Изготовить придется 3 вида деталей: основание или подстолье, пустотелые столешницы и ножки с рамками.

Начинаем с подстолья (рис. 2). Оно состоит из 2 боковин размером 720 мм × 190 мм × 20 мм (рис. 2а); полки размером 660 мм × 190 мм × 20 мм (рис. 2б), крышки: 700 мм × 200 мм × 20 мм (рис. 2в), и царги: 660 мм × 120 мм × 20 мм (рис. 2г); царга—это деталь, соединяющая ножки или боковины и проходящая под крышкой.

Выкраивая эти детали, тщательно сверяйтесь с чертежом, разметку делайте с припуском, чтобы потом можно было обработать края рубанком—«пристругать» детали друг к другу.

Но вот сделали заготовки, проверили углы (они, как вы помните, должны быть прямыми!), пристругали кромки. Приступаем к разметке отверстий под шипы. Посередине внутренней стороны боковины подстолья проведите линию длиной 120 мм, на ней отметьте точками 20 мм и 100 мм. Так же разметьте вторую боковину.

Посередине торцов царги с обеих сторон также проведите линии, на них отметьте от верха точки 20 мм и 100 мм.

Теперь переходим к разметке полки. Для этого с внутренней стороны боковины, на расстоянии 140 мм от низа, проведите линию, перпендикулярную боковым кромкам, на ней отметьте точки 45 мм и 145 мм. То же

сделайте на другой боковине. Проведите линию посередине торцевых кромок полки и отметьте на ней те же расстояния: 45 мм и 145 мм.

Во всех намеченных точках просверлите отверстия под шипы, соберите изделие «для пробы»—пока без клея. Если получилось хорошо, вставьте шипы на клею—об этом мы подробно говорили в прошлом номере журнала.

Разметку крышки стола начинайте с внутренней стороны. На расстоянии 100 мм от боковых кромок проведите линии и отметьте 250 мм и 450 мм. Затем проведите линии на расстоянии 10 мм от торцевых кромок крышки. На них отметьте 70 мм и 130 мм. Точно так же сделайте разметку на торцевых кромках верха собранного вами подстолья. Просверлите отверстия, вставьте шипы. На них «присадите» крышку—сначала для примерки, затем, когда убедитесь, что все детали совпадают, поставьте на клей.

Ножки с рамкой вяжутся из брусков. Для ножек: 720 мм × 40 мм × 25 мм (рис. 3). Для горизонтальных брусков рамки: 580 мм × 50 мм × 25 мм. Для вертикальных: 500 мм × 40 мм × 25 мм. Собираются на шипах. На опорный конец ножки советую набить кусочек фетра, войлока или резины, чтобы он не царапал пол.

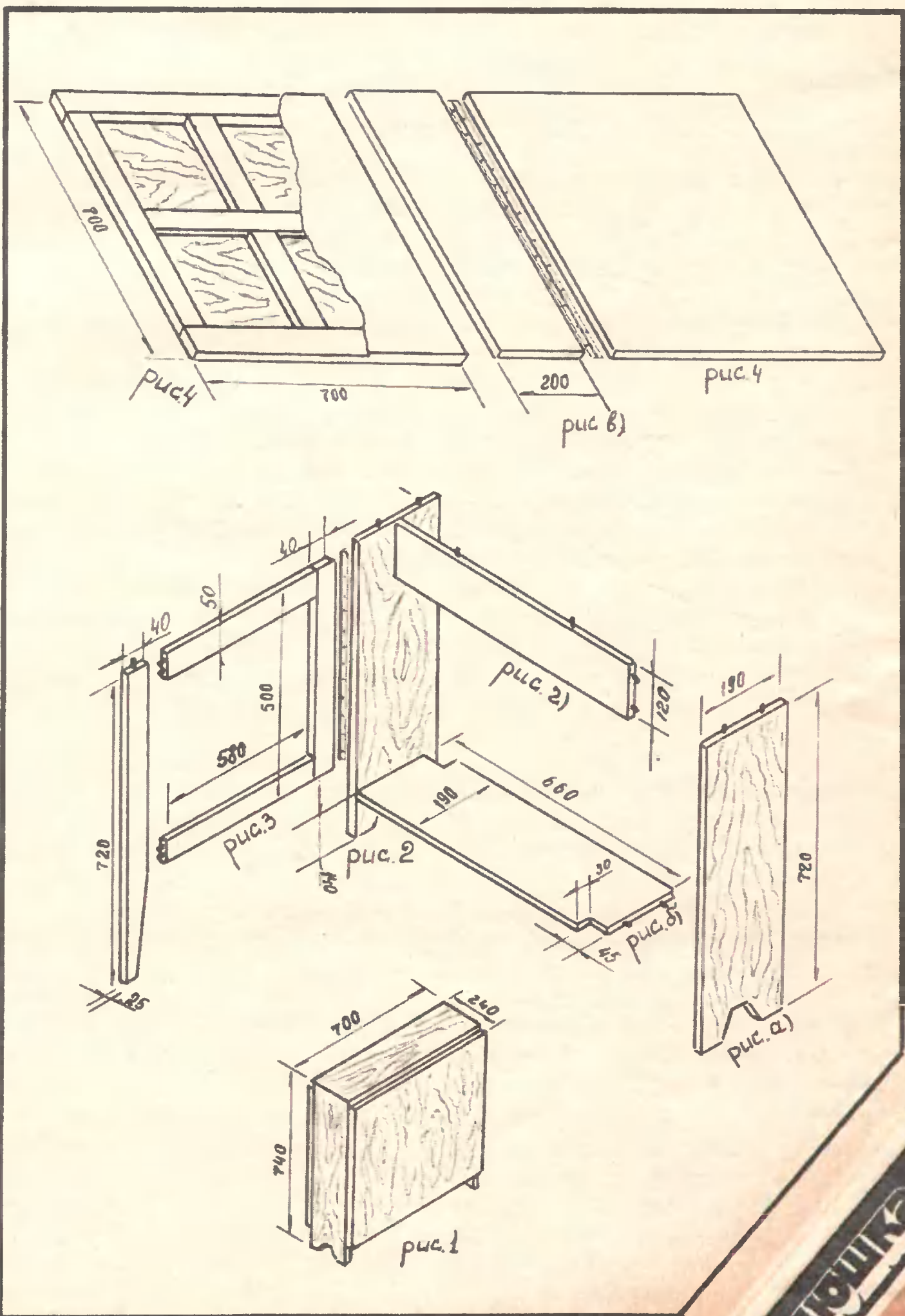
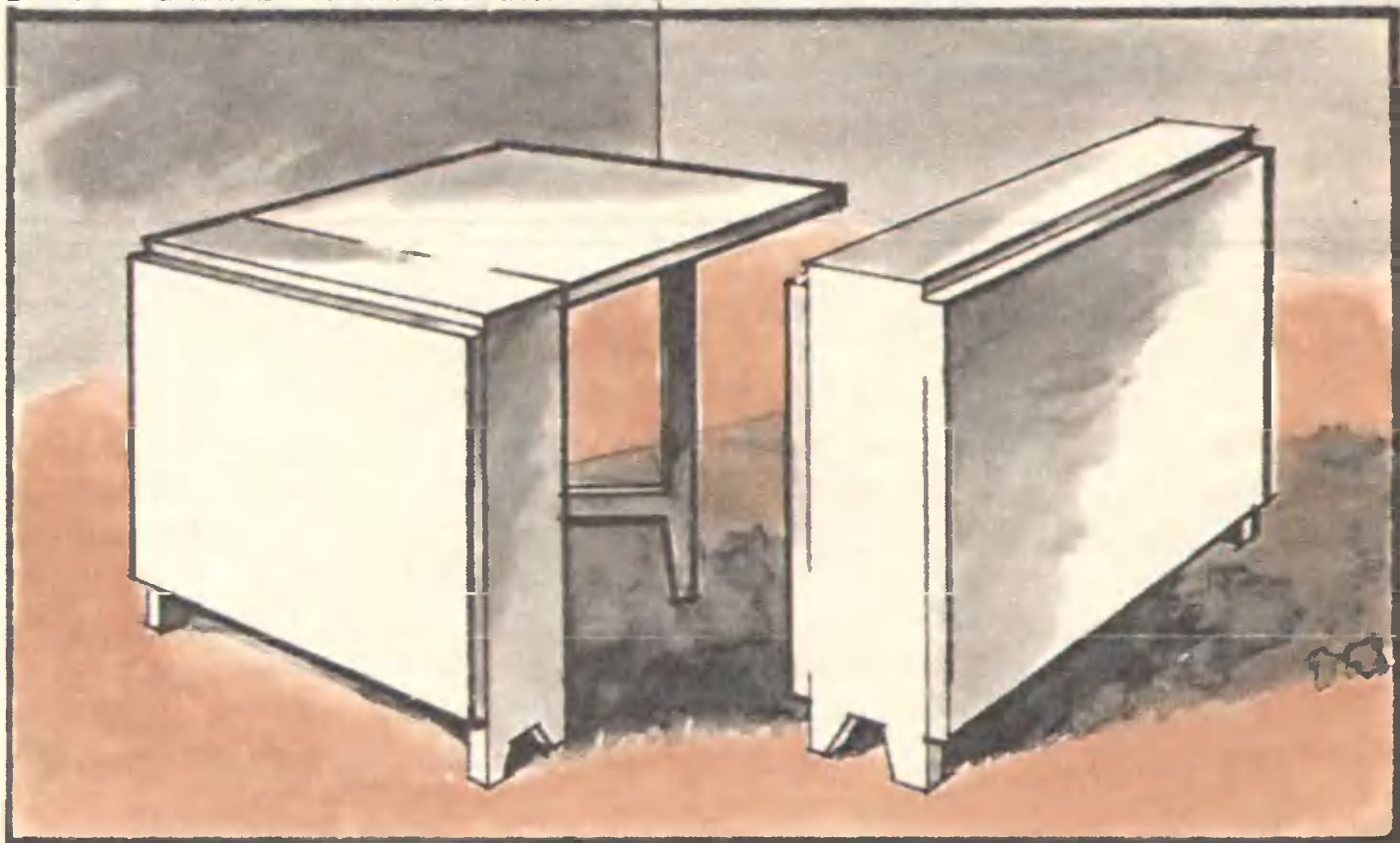
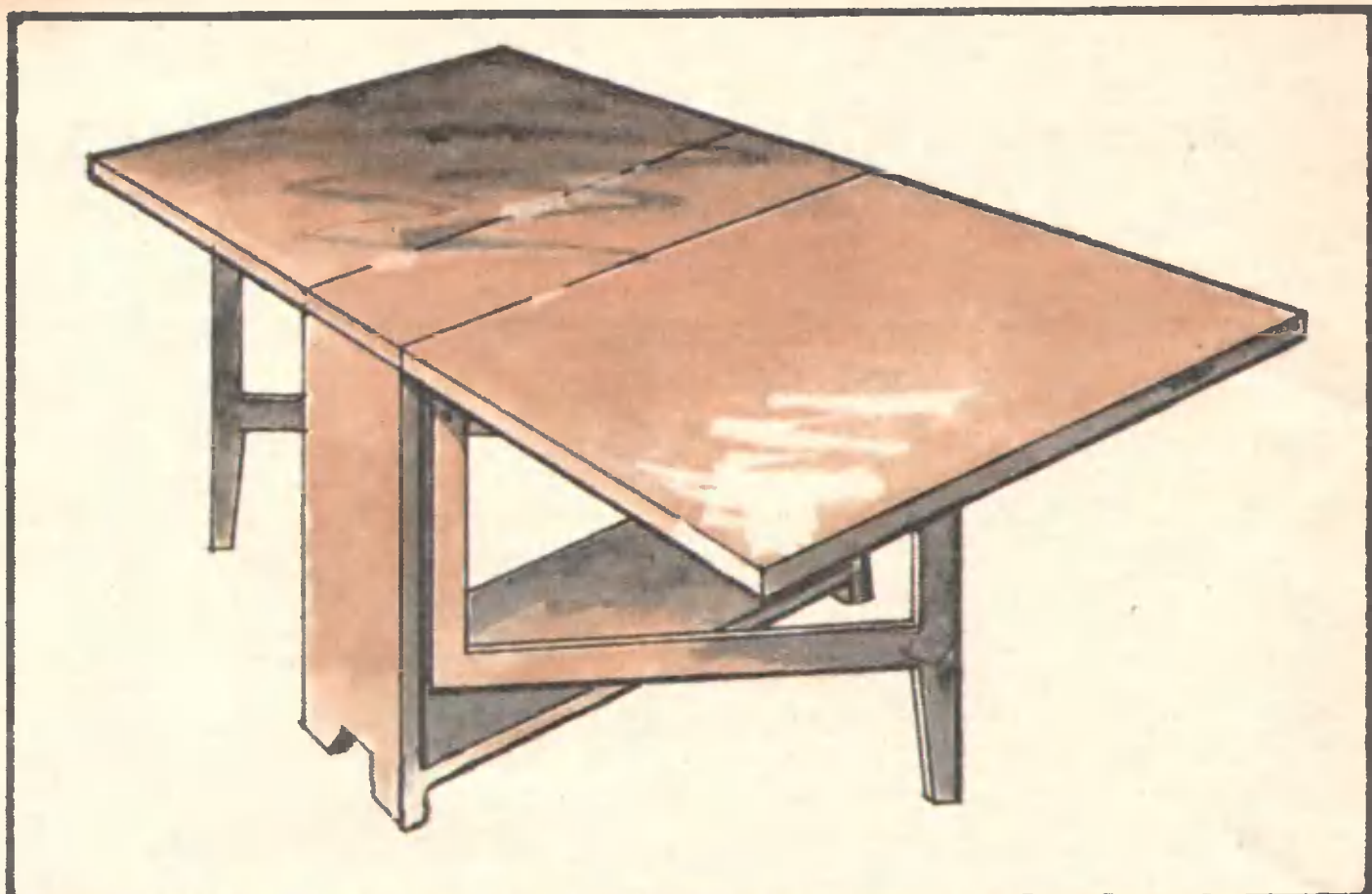
Переходим к сборке подъемных столешниц (рис. 4). Эта работа наиболее сложная. Если вы хорошо ее освоите, то сможете потом изготавливать различную мебель.

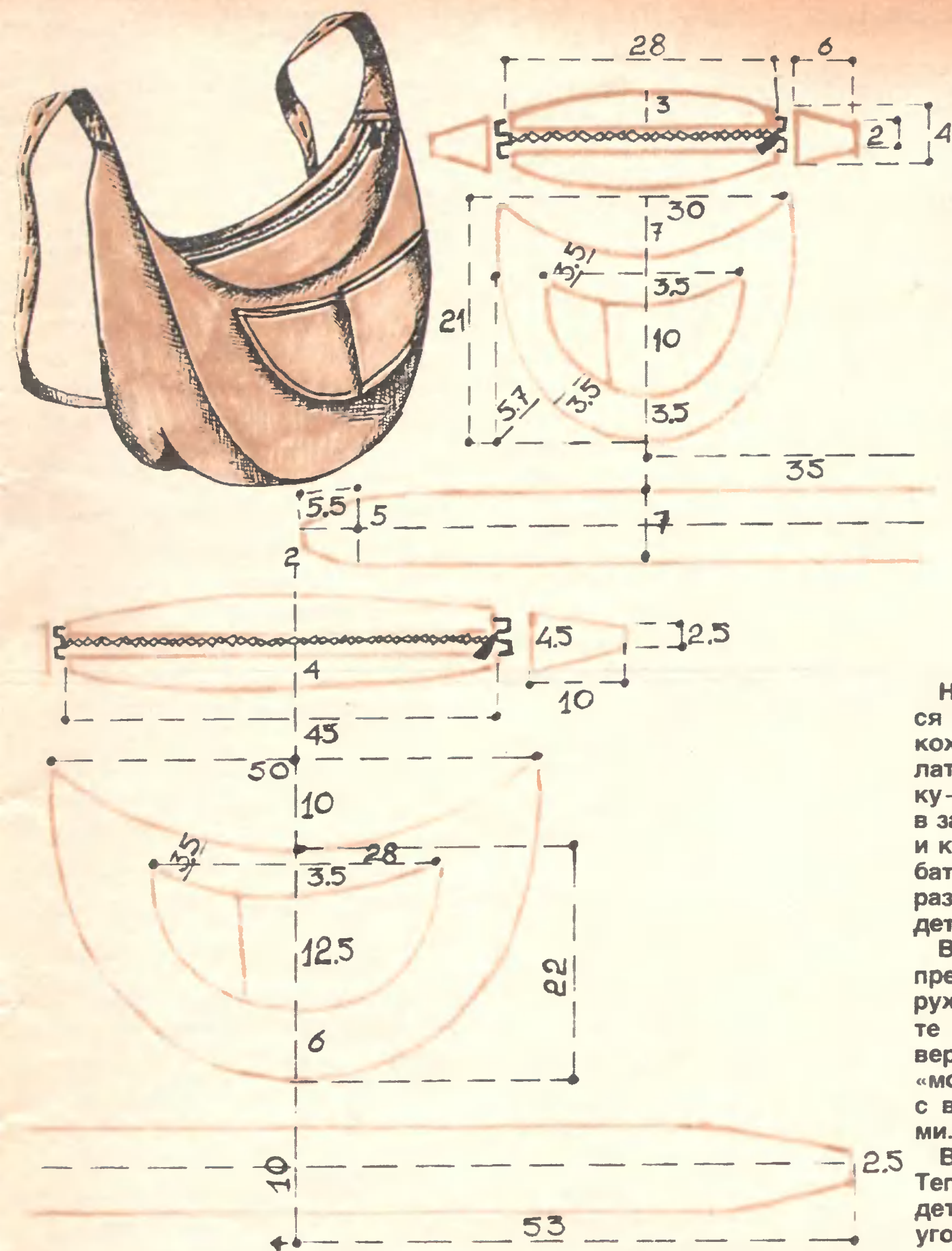
Итак, начинаем со щита для столешницы. Прежде всего определим, какой он должен быть толщины. Рекомендую толщину 20 мм—щит будет и устойчивым и негромоздким. Но эти 20 мм сложатся из 2 слоев фанеры (верхнего и нижнего) и планки основания. Значит, чтобы определить толщину планки основания щита, нужно от 20 мм отнять две толщины фанеры, подготовленной вами для фанеровки. Теперь делаем планки, собираем их в рамку (с припуском в 2—3 мм для обработки), склеиваем и обрабатываем фуганком до нужной толщины. Потом на рамку сверху и снизу наклеиваем листы фанеры (самый удобный лист—толщиной 4 мм). Кромки щитов (их должно быть 2) также обработайте фуганком и зафанеруйте.

Все детали готовы. Проверьте еще раз и приступайте к подвеске подъемных столешниц и ножек с рамками. Крепятся они на рояльных петлях, которые продаются в хозяйственных магазинах. Всего вам надо будет приобрести 4 петли.

Поверхность стола можно оклеить пластиком, покрыть лаком или нитрокраской.

Е. ПЕТРОВ,
столяр-краснодеревщик.





ИЗ СТАРОЙ СУМКИ ИЛИ КУРТКИ...

Наверняка у вас дома найдет-ся старая сумка или куртка из кожзаменителя! Советуем сде-лать из нее модную сумочку—маленькую или побольше, в зависимости от вашего вкуса и количества материала. Обра-батываются они одинаково, разница лишь в размерах деталей.

Выкройте все детали по предложенным чертежам. К на-ружной стороне сумки пришей-те боковой карман. Между верхними деталями вшейте «молнию», затем соедините их с верхними угловыми деталя-ми.

Верхняя часть сумки готова. Теперь сшейте ее с боковыми деталями с изнанки, при этом уголки сумки поднимутся. С

изнанки же пришейте «дно» сумки—при этом не забудьте открыть «молнию», чтобы вы-вернуть сумку налицо.

Для того, чтобы сшить ручку, выкройте прямоугольник дли-ной около 70 см, шириной—6 см для маленькой и 7,5 см для большой сумки. Сложите вы-кроенную ткань в 3 раза и про-строчите. Ширина готовой руч-ки должна быть соответствен-но 2 см и 2,5 см. Концы ручки вшейте между уголками верха сумки и ее дном.

По тем же выкройкам можно сделать подкладку для сум-ки. Чтобы она не скользила, пришейте ее по швам и к «молнии».

Н. ТЕРЕБИЛОВА

СОВЕТУЕМ ХОЗЯЙКАМ...

● Если ящик кухонного или письменного стола открывает-ся и закрывается с трудом, выньте его, протрите сухим мы-лом или свечкой края ящика и пазы, в которые он входит.

● Чтобы углы ковра не отги-бались, подложите под них ку-сочки картона и подшейте вни-зу полоской ткани.

● Воротник пальто, плаща, костюма загрязнился... Приго-товьте раствор из 1 ложки нашатырного спирта и 3 ложек воды. Подложите под ворот-ник чистую тряпочку, а другой тряпочкой легко протирайте его раствором нашатыря. Пену удаляйте. Продолжайте чи-стку, пока воротник не станет чистым. Тогда протрите его несколько раз другой тряпоч-кой, смоченной чистой теплой водой. Хорошо просушите.

● Металлические брошки и кулоны нередко оставляют на одежде, особенно светлой, синеватые пятна. Чтобы

этого не случилось, покройте их с об-ратной стороны бесцветным ла-ком для ногтей.

● «Залоснившийся» костюм можно обновить, избавить от блеска. Почистите его жесткой щеткой, смоченной слабым рас-твором нашатырного спирта (несколько капель на столо-вую ложку воды). Чистить надо по направлению ворса и доле-вой нити. Когда высохнет—от-парьте через влажную тряпку.

● В кастрюлях, чайниках, потемневших изнутри, прова-рите кожицу яблок и груш—они приобретут утраченный цвет, избавятся от накипи.

● Загрязнившееся доньшко электрического утюга протрите тряпкой, смоченной в уксусе. Если не поможет—примените порошок, которым чистите по-суду. Остатки порошка снимите ватным тампоном с солью.

● Ореховые и табачные ли-стья—хорошие средства от мо-ли! Разложите их в шкафах, где будете хранить зимнюю одеж-ду, и сами в этом убедитесь.

● Кожаные сумки, чемодан-ны, пальто хорошо чистятся мыльной водой, куда добавлен нашатырный спирт (1 чайная ложка нашатыря на 1 литр мыльного раствора).

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ХУДОЖНИКОВ

— Опять разрисовал сте-ны!—то и дело сокрушаемся мы, глядя на забавные рисунки малыша, который в минуту «творческого вдохновения» разукрасил новые обои. Что де-лать—наказывать? Не хочет-ся... Все-таки фантазия, творче-ство, труд, наконец! А вдруг из него и вправду вырастет насто-ящий художник, во всяком слу-чае, человек, любящий и пони-мающий живопись?

Советую родителям: помоги-те малышу найти место и воз-можность беспрепятственно и без ущерба для дома рисовать, сколько ему вздумается. Сде-лать это нетрудно. Использоуй-те, например, двери. На них можно повесить рисовальные «доски», сделанные из плотно-го картона—светлого или ок-рашенного в темный цвет. Та-кую «доску» можно покрыть сверху лаком, чтобы удобнее было рисовать и стирать мел.

Сбоку или внизу укрепите по-лочку, где бы ребенок мог раз-ложить мелки, фломастеры, губку.

Еще вариант: куски обоев, оставшиеся после ремонта, на-мотайте на деревянную палку. Палку с помощью крючков, ве-ревок и т. п. укрепите на стене под потолком, на верхней ча-сти шкафа, стенки, стеллажа для книг. Рулон должен легко разматываться, предоставляя пространство для новых и но-вых рисунков. Внизу можно сделать полку для красок и карандашей, подойдет для это-го ящик из старого шкафа.

Н. ФОМИНА

Московская область.



Рис. А. АНИСЕНКОВА.

САМОЧУВСТВИЕМ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

В. ИВАНОВ, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

У вас плохое настроение... Все валится из рук, болит голова, нет аппетита, вы плохо спите, раздражаетесь по пустякам. «Возьмите себя в руки!» — советуют окружающие. Вы бы и сами рады, но как это сделать? Конечно, можно принять таблетки, успокаивающие нервную систему. Но действие лекарств такого рода временное, скоро вы снова почувствуете себя неважно. К тому же одно и то же лекарство действует на каждого индивидуально: кому-то помогает, а кому-то не подходит, вызывает аллергию.

Кое-кто пытается «снять напряжение» с помощью крепкого кофе, чая, сигареты, а то и спиртных напитков. Наверное, нет нужды говорить о том, что такие «способы» не только не помогают, но, напротив, окончательно расшатывают здоровье.

Между тем выход есть. Знать свой организм, уметь самостоятельно и вовремя восстановить гармонию в нем, нормализовать его жизнедеятельность — вот задача, которую может — и должен! — решить каждый для себя.

В наших беседах мы постараемся дать конкретные советы, как, активизируя защитные силы самого организма, без помощи успокоительных или возбуждающих средств избавиться от неприятных ощущений, повысить работоспособность, улучшить настроение. Активизировать эти защитные силы помогут физические способы: гимнастика, правильное дыхание, массаж. Только не лечебный массаж, назначаемый врачом, не специальный — спортивный, а просто гигиенический, — известное еще с седой старины средство укрепления здоровья, ухода за телом, сохранения работоспособности, предупреждения преждевременного старения.

— Я не знаю, — рассказывала

мне абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике Елена Мухина, — смогла ли бы я без массажа добиться высоких результатов в спорте. Массаж вливает в мышцы силу, придает мне уверенность и снимает напряженность.

А вот как отзывается о гигиеническом массаже летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Светлана Савицкая:

— Он необходим каждому! Из кабинетов поликлиник, санаториев, больниц гигиенический массаж должен «войти» в жилые квартиры, на заводы, в колхозы, институты, школы, детские сады как неотъемлемая часть физического воспитания советских людей.

В чем же целительная сила гигиенического массажа? В его благоприятном воздействии на нервную систему, на центральное и периферическое кровообращение, на другие системы жизнедеятельности организма. Под влиянием массажа повышаются тонус и эластичность мышц, возрастает их сила, суставы становятся подвижными и гибкими, более устойчивыми к травмам и переохлаждению, более выносливыми к нагрузкам.

Иными словами, под влиянием массажа активизируется вся система жизнедеятельности организма. Вы начинаете ощущать бодрость, прилив сил. Настроение улучшается. Прекращается головная боль. Вы вновь чувствуете себя отлично! Это и есть управление своим самочувствием.

Должен пояснить: рекомендуя читателям «Крестьянки» физические методы поддержания здоровья, я ни в коем случае не противопоставляю их лекарственной терапии! Речь идет лишь о тех случаях, когда эту терапию можно легко заменить простым массажем, теплым душем, дыхательными упражнениями... О двух последних всем хорошо известно, а

вот о массаже — в сочетании с ними — мы и поговорим в наших беседах.

Гигиенический массаж может быть общим — когда массируется все тело (сеанс продолжается 20—25 минут) — и частичным, направленным на какой-то определенный участок (10—15 минут). Утренний массаж хорошо подкрепить физическими упражнениями (о них речь впереди), вечерний — прогулкой перед сном.

При выполнении гигиенического массажа используются приемы поглаживания, растирания, легкого разминания и вибрации. Процедура выполняется ритмично, в медленном темпе, без большой нагрузки на кожу и ткани под ней.

Чтобы массаж принес пользу, необходимо на время сеанса расслабить мышцы. Направление массажных движений должно соответствовать току лимфы к ближайшим лимфатическим узлам: так, при массаже рук — от кончиков пальцев к локтевому суставу и выше, к подмышечной впадине; при массаже ног — от кончиков пальцев к подколенной ямке и выше к паховым областям; массируя грудную клетку, верхнюю часть спины, направляйте движения к подмышечным впадинам; массируя нижнюю часть спины, поясницу, крестец — к паховым областям. Голову и шею массируйте по направлению роста волос. Обратите внимание: сами лимфатические узлы — они расположены в основном в паховых, подмышечных, подчелюстных областях — массировать не рекомендуется!

Понятно, что не всегда, особенно в условиях сельской местности, можно пройти курс массажа у опытного, квалифицированного специалиста этого дела. Что ж, тогда советую прибегнуть к самомассажу!

Перед сеансом протрите руки мягким, влажным полотенцем

и смажьте питательным кремом, следите, чтобы на руках не было ранок, трещин, ссадин. Массируемый участок кожи можно посыпать тальком, намазать борным вазелином, чтобы руки лучше скользили.

Примите положение, при котором массируемые мышцы будут полностью расслаблены.

Самомассаж выполняется по такой схеме: голова — шея — руки — грудь — спина — живот — ноги — область таза. При этом на массаж ног отводится 8 минут, рук — 6 минут, столько же на массаж туловища.

Самомассаж помогает организму подготовиться к трудовой деятельности, войти в рабочий ритм. Поэтому он подразделяется на 2 вида: предварительный и восстановительный.

Предварительный делается в течение 4—6 минут перед началом работы, причем массируются те участки тела, которые принимают наиболее активное участие в предстоящей работе. Например, дояркам, у которых основная нагрузка приходится на руки, рекомендую предварительный самомассаж плеч, предплечий, кистей и особенно пальцев рук.

Восстановительный самомассаж проводится в середине рабочего дня — во время производственной паузы, а также через 2—3 часа после окончания работы, чтобы снять утомление. Его приемы должны подбираться индивидуально, с учетом характера физической нагрузки, состояния нервной системы в течение рабочего дня.

В дальнейшем мы подробнее поговорим о самомассаже, точечном массаже и т. п. Пока же главное требование: прежде чем приступить к применению массажа или самомассажа, обязательно посоветуйтесь с лечащим врачом.

КОСМОС- ДЛЯ ХЛЕБОРОБОВ

Человек на орбите! Мы хорошо помним день, когда известие об этом потрясло мир: «Это надо же!..» Но вот прошло два с лишним десятилетия, и космические полеты стали довольно будничным явлением. Ныне очевидно и то, как велика практическая польза исследований, проводимых на орбите, для народного хозяйства, в том числе и сельскохозяйственного производства.

Довелось мне в Звездном городке услышать такую историю. Делегация космонавтов выступала перед жителями Заполярья. Встреча подходила к концу, когда один из космонавтов достал снимок, сделанный им на орбите, и подарил его полярникам со словами:

— Так ваш район выглядит из космоса...

Снимок пошел по рядам. Все заинтересованно рассматривали его. Вдруг со своего места поднялся один из присутствующих и спросил:

— А этот снимок можно дешифровать? Узнать, в какое время, с какой высоты он сделан?

— Да, конечно, все это зафиксировано в бортовом журнале.

— Спасибо. Вы только что подарили нам два миллиона!..

В такую сумму оценивались затраты на аэрофотосъемку и картографирование данного района с помощью авиации. Космические корабли и спутники позволяют снизить подобные затраты по крайней мере в 10 раз...

В нашей стране образован Госцентр «Природа», одной из задач которого является оценка природных ресурсов, состояния окружающей среды с помощью космических средств наблюдения и фотографирования. Метеорологи и картографы, геологи и мелиораторы, работники лесного и сельского хозяйства получили в свое распоряжение инструменты с уникальными возможностями.

Какие именно? Сейчас вы узнаете об этом.

Юрий Алексеевич Гагарин первым описал вид нашей планеты из космоса. «Отчетливо вырисовываются горные хребты, крупные тени, большие лесные массивы, пятна островов, береговая кромка морей...» — передавал он по радио, глядя в иллюминатор.

Г. С. Титов впервые сфотографировал нашу планету из космоса, а каждая следующая экспедиция стала привозить с орбиты новые фотоснимки, десятки метров отснятой киноплёнки.

Поначалу Землю снимали обычными фото- и кинокамерами. Но вскоре стало ясно: нужна специальная аппаратура, которая бы надежно работала в условиях космоса — не боялась стартовых перегрузок, требовала минимального обслуживания, а главное, давала бы как можно более четкие фотографии.

Кроме того, изучая космические снимки, ученые пришли к выводу, что фотографи-

рование земной поверхности надо вести сразу в нескольких участках спектра. Тогда, сравнивая снимки между собой, можно будет увидеть даже то, что, казалось бы, надежно скрыто от людских глаз десятками метров земной толщи. Да, не удивляйтесь, уже первые эксперименты показали, что на космических снимках зачастую отчетливо прослеживаются геологические структуры, которые никак не обнаруживались специалистами с поверхности планеты. Как говорится, «лицом к лицу лица не увидеть...».

Словом, для космической съемки нужен был специализированный фотографический комплекс, который и фотоаппаратом-то можно назвать с большой натяжкой. И такая аппаратура была создана.

Летом 1976 года будущие члены экипажа корабля «Союз-22» В. Быковский и В. Аксенов начали тренировки с камерой, названной МКФ-6, — это многозональный космический фотоаппарат с шестью объективами. В сентябре того же года «Союз-22» отправился в полет. За четверо суток космонавты сделали свыше 2000 снимков. Некачественными среди них оказались 4.

А вот пример совсем недавний. За один только июль 1983 года космонавты В. Ляхов и А. Александров с борта орбитальной станции «Салют-7» отсняли 800 000 квадратных километров территории страны — часть Украины, Молдавию, Северный Кавказ, районы Волги и Каспия, Казахстан, Сибирь, Дальний Восток.

Какую пользу приносит такое фотографирование?

В жаркое время года, когда начинаются лесные пожары, над лесными массивами нашей страны ежедневно патрулирует свыше 500 самолетов и вертолетов. И все-таки этой техники не хватает. Снимок с самолета охватывает примерно 5 квадратных километров, а снимок с борта орбитальной станции «Салют» — до 20 тысяч километров. Четкость таких снимков феноменальна: на них не только отчетливо видны районы пожаров, но можно также выделить из общего массива еловые, сосновые и березовые леса, отметить районы, где на деревья напали вредители, определить, правильно ли ведется вырубка леса...

Космонавт Г. Береговой наблюдал с орбиты образование пыльных бурь, сфотографировал участки земной поверхности, подверженные ветровой эрозии. Это позволило уточнить не только карту эрозированных районов, но и привело специалистов к выводу: пыльные бури наносят вред не только почве, но и всей планете в целом. Поднимающаяся высоко в воздух пыль

задерживает проникновение солнечных лучей сквозь атмосферу, приводит к изменению погоды и даже климата.

Метеорологические спутники типа «Метеор» передают на Землю информацию каждые полтора-два часа. Анализируя полученные данные, метеорологи составляют уточненные прогнозы погоды, на основании которых корректируются планы уборочных работ, графики вывоза зерна на элеваторы... Космическая техника может оказать ценную помощь хлеборобам и в период созревания хлебов, потому что с орбиты отчетливо видны изменения в цвете посевов. В хозяйства поступают оперативные сведения о том, как наливаются зерно, что позволяет более четко маневрировать техникой при уборке урожая.

Зондирование с орбиты облаков позволяет оценить запасы влаги над полями в летнее время, а измерение снежного покрова — судить о накоплении влаги зимой. Более того, взгляд с орбиты может, оказывается, помочь в отыскании подземных водохранилищ! Вот что, к примеру, рассказывал об этом директор Госцентра «Природа» Ю. П. Киенко:

— На космических фотоснимках пустынного района Каракумов было отмечено необычное для этих барханных мест пятно. Оно появлялось на короткое время весной и вскоре исчезало. Сравнивая его оптическую плотность с другими снимками, мы нашли, что она соответствует определенному типу растений пустыни, которые растут лишь в местах, где грунтовые воды близко подходят к поверхности. Это необычное пятно было оконтурено, а карта передана для поискового бурения. Мы наметили для скважин три точки: одну — за границами пятна, другую — на самом его краю, третью — в центре. Первая скважина, как и предполагалось, не дала результатов, из второй извлекли сырой песок. Из третьей, с глубины всего 8—12 метров, хлынула пресная вода... Это позволило, в частности, развивать животноводство в этом районе...

В августе 1982 года историки советской да и мировой космонавтики отметили знаменательное событие: через 19 лет после старта В. Терешковой снова в космос отправилась женщина. Экспедиция посещения станции «Салют-7» в составе Леонида Попова, Светланы Савицкой и Александра Серебровых вместе с основным экипажем провела серию исследований биотехнологического характера. Вот что рассказал летчик-космонавт СССР А. Серебров:

— В эксперименте «Таврия» требовалось разделить биологическое вещество на отдельные фракции. Это, кстати, общая проблема, характерная не только для данного эксперимента. Макромолекулы, клетки, ферменты, столь необходимые для ме-



дицины, фармацевтики, биологии, животноводства. очень трудно разделять на Земле. В невесомости легче. Здесь на помощь исследователям можно призвать, например, электрофорез. В основе этого метода — свойство различных веществ с различной скоростью двигаться в электрическом поле в зависимости от размера молекулы и величины заряда, которым она обладает. На Земле в распределение вносит свою долю и земное тяготение. Составляющие распадаются по удельному весу, возникают паразитные (мешающие) конвективные токи... Ничего этого нет в космосе. Здесь можно получать в десятки раз более чистые вещества, в сотни раз увеличить производительность процесса разделения... Все это может оказаться весьма ценным для генной инженерии, скажем, для выведения новых, еще более продуктивных пород крупнорогатого скота, овец, птицы...

А вот вам описание эксперимента другого рода. На бортовой биологической установке «Оазис» космонавтами были высеяны семена сортов пшеницы, предназначенные для выращивания в условиях засушливого климата. Цель эксперимента — выявить и понять суть происходящих в растениях изменений вплоть до клеточного и генетического уровней.

Почему эксперимент проводился не на Земле, а в космосе? Дело в том, что космонавты-исследователи заметили: под действием невесомости, а возможно, и слабого радиоактивного фона (более подробно о действии радиации на растения см. «Крестьянку» № 12 за 1983 год) растения развиваются быстрее и могут дать очень интересные видоизменения своих свойств.

Ученые смотрят в будущее. Они хотят, чтобы спутник или космический корабль, пролетевший над полем, мог не только сообщить о состоянии посевов или количестве грунтовых вод под ними, но и прогнозировать величину будущего урожая, оптимальные сроки уборки.

Сложная задача? Безусловно. Ведь для ее решения необходимо разработать математическую модель формирования урожая с учетом всех составляющих: и погодных условий, и точного анализа почв, и особенностей развития растений данного вида и сорта... А ведь эти величины все время меняются: как говорится, год на год не приходится. Зато, решив такую проблему, мы получим возможность выращивать гарантированные урожаи, планировать их с такой же точностью, с какой сегодня планируется продукция заводов и фабрик.

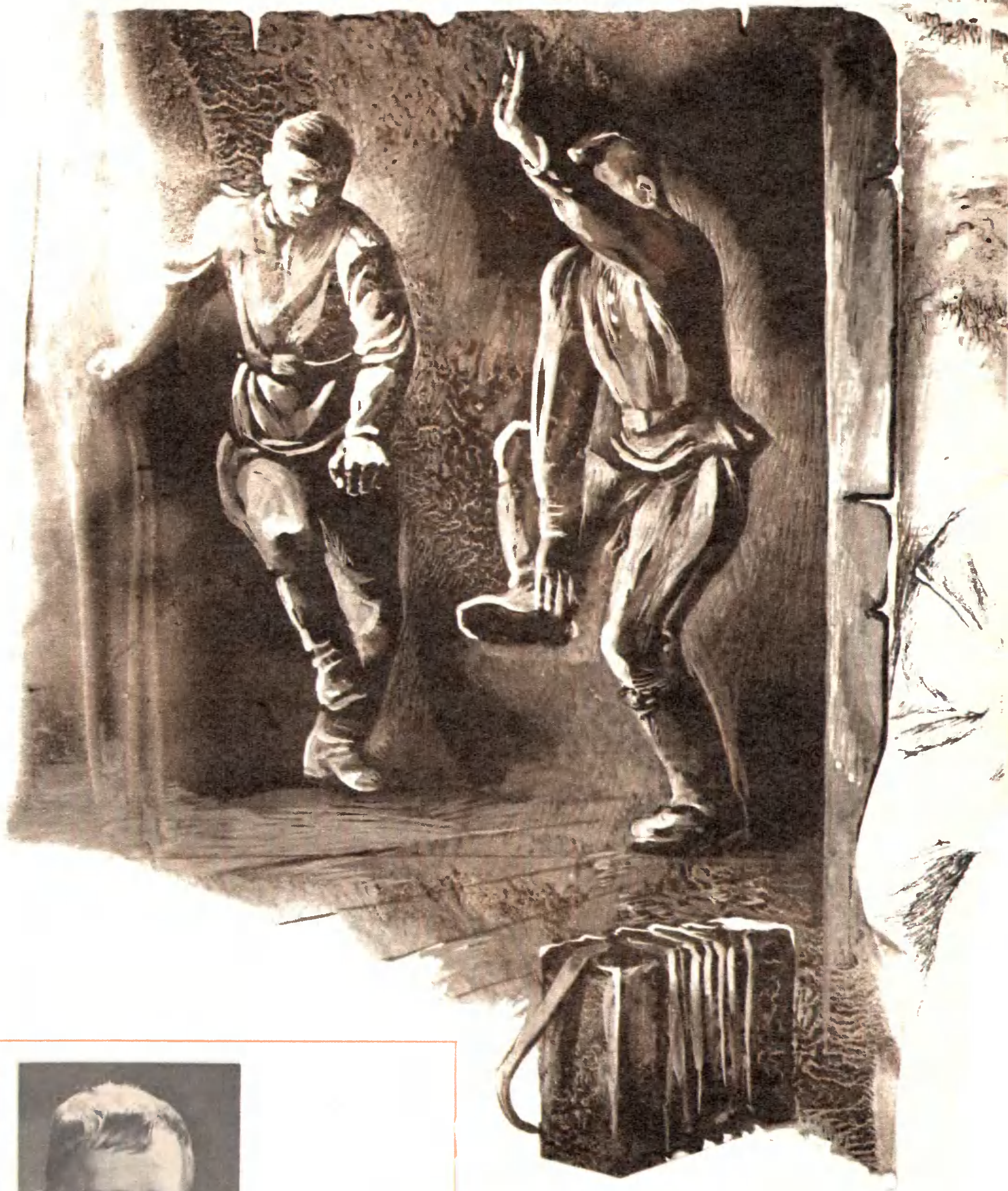
Специалистам поможет самая современная техника, в том числе и космическая. Руководитель подготовки космонавтов, генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, выступая на пресс-конференции, посвященной завершению самого продолжительного в истории человечества космического полета, сказал:

— Пилотируемая космонавтика... проделала большой путь. Практически все эти годы и весь опыт, который мы накопили при полетах на кораблях «Восток», «Восход», «Союз», на орбитальных станциях «Салют» первого поколения. — все это было направлено на то, чтобы создать постоянно действующую систему, которая могла бы принимать новые экспедиции специалистов разных профессий, могла бы служить базой для их постоянной вахты...

Так что однажды, включив радио, мы вполне можем услышать, что на работу в космос отправился и космонавт-агроном. Ничего невозможного в том нет. Ведь специалисты по космической медицине, биологии у нас уже есть...

Станислав ЗИГУНЕНКО

Василий
БЕЛОВ,
лауреат
Государственной
премии СССР
Рассказ



Василий Белов — известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР.

В 1961 г. вышел первый сборник его стихов, посвященный красоте его родной Вологодчины, ее людям. Затем, уже будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького, Белов обратился к прозе. Всенародное признание и любовь читателей принесли ему повести «Привычное дело», «Плотничьи рассказы», роман «Кануны» и другие произведения, неизменно правдивые, глубоко оптимистичные, пронизанные любовью к людям.



оль есть?

Я только продрал глаза и почти ничего не соображал, спускаясь к реке, чтобы умыться.

— Иди к нам, ухой накормим! Чертовщина какая-то. Разбудили да еще и фамильярничают...

Вчера летняя ночь настигла меня в дороге. Я решил не ходить в деревню, заночевать здесь, над рекой, на этом красивом бугре. Кособокий сарай, наполовину заполненный нынешним сеном, вполне мог соперничать с гостиницей районных масштабов. Отсутствие буфета с лихвой окупалось тишиной и чистым воздухом. Я вспомнил, как ночью с неко-



Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ

отвращение. В самом деле, кто не знает подобного словотворчества? Кажется, еще Пушкин, правда, с подобающим гению добродушием, очень точно определил это явление как: «... незрелые плоды народного ума».

Дошатые будки на нынешних автобусных остановках и многие другие места вкривь и вкось изукрашены надписями вроде: «Здесь загорали столько-то и такие-то», «Светка, распелась, целовалась с таким-то», «Кто писал сама такого».

Вчера я при свете луны осмотрел сарай, ничего не обнаружил, зарылся в сено и крепко, словно в детстве, уснул. Жаль, что эти балбесы разбудили слишком рано.

Но откуда у них рыба? Обычно у транзитных шоферов не бывает ничего, кроме хлеба и консервированной салаки. Ездят неделями и питаются в редких придорожных столовых, которые закрываются на обед как раз тогда, когда от голода начинает сосать под ложечкой. Провинциальный шофер предпочитает не останавливаться в больших городах, не желая иметь дела с местной ГАИ, и обычно питается всухомятку.

Я надул сам себя, делая вид, что никогда не давал себе слова купаться по утрам. Почистил зубы и лениво помылся с ладоней. Комары, падкие на мокрое, облепили лодыжки. Мне показалось, что в сарае кусались другие, более вежливые.

— Да,— согласился пожилой шофер,— комары тут хорошо кушают.

И добавил:

— Племенные, яровизированные.

Мое раздражение сразу пропало. Я взглянул на него с удивлением и любопытством. Он был высок, тучен и лысоват, двигался экономно, несуетливо. От дорожных дождей и ветров, от солнца волосы оказались непонятно какого цвета, лицо потеряло всякую выразительность. Морщинистый лоб, шея, уши, небольшой, и как у нас говорят, «девушкин» нос — все куда-то скрывалось, будто под пеплом. Только глаза светились удивительно ярко, сине, с добродушием, какого я не видел очень давно.

Второй водитель — совсем еще школьник — молча помешивал в котелке дере-

вянной ложкой. Он был не в настроении, непроставшийся и усталый. По-видимому, дорога оказалась для него не легкой. Выяснилось, что они гнали машины в лесопункт из капремонта.

— Что ж вы на сено ко мне не залезли?

— Да не стали беспокоить,— серьезно сказал пожилой.— Кто тебя знает, может, ты там с сударушкой. Подошли, глядя — пиджачок висит. Николаха, чего у тебя рыба-то? Больно долго варишь.

Николаха не отозвался.

Огонь под котелком стал еле заметен, всходило солнце. Большое малиновое полукружье обозначилось над сизым заречным лесом. Небо голубело с каждой минутой. Ветер нарождался за тихим, все еще спящим кустарником, но речной туман не спешил исчезать. Сонная чайка, взлетевшая над излучиной, невразумительно пискнула, свихнулась в сторону и пропала на том берегу.

Впервые я был здесь нынче весной. Какая светлая и доступно-величественная была эта река, несмотря на все человеческие старания сгубить ее! Теперь, когда сплав прошел и черные топляки, не преодолев собственной тяжести, покорно легли на дно, вода опять стала чиста и спокойна. Кругом тишина и безлюдье. Только дорога изредка рычала моторами да высокие холмистые берега хранили следы исчезнувших деревень: торчали кой-где то дом, то сарай, то рябиновый садик, а то и просто какие-то сбитые из еловых жердей полевые ворота. Люди переселились в райцентр, в леспромхоз и на совхозные участки, выросшие около животноводческих комплексов.

— Дураки, такие места побросали,— угадывая мои мысли, сказал шофер.— Чего не жилось?

Молодой с презрительным удивлением посмотрел на товарища.

— Что, Колюха, глядишь?

Тот хмыкнул.

— Вру, что ли?

Не было никакого сомнения в том, что Колюха именно так и думал.

— Ну, тогда давай рыбу хлебать.

Уха, сваренная из сушеных маслят, и впрямь чем-то напоминала подлинную уху. Пожилой шофер (я все еще не знал, как его звать) дунул на ложку и заявил:

— Отъедем и поедем.

Молодой не повел и бровью. Он словно бы из нужды ел «уху». Мол, ничего не поделаешь, приходится есть, поскольку утро. И вообще всем людям положено завтракать, иначе умрешь.

— Ан нет, Коля, отдохнем, не поедем! — передумал старший. — У меня уже мозоль на левом глазу. Сколько, думаешь, за ночь намотали? Километров триста, наверно.

Парень опять ничего не сказал.

— Давно ездите?

Вопрос был глупым, но пожилой, словно бы выручая меня, ответил просто:

— Давно.

Уха, даже из грибов, видимо, сближает самых отдаленных людей. А, может, сближало росистое утро, запах травы и дыма, большое теплое солнышко и река-красавица, спокойно и нежно обнявшая наш зеленый бивак.

— ...матушка мне поет: «Отступись, весь дом пропитал мазутой. Сапогов не напасти. В тюрьму охота?» — Нет, говорю, неохота. Туда и без меня кандидатов хватает. Только трактор новый получил — бэмс! Война. Малешко повоевал. Приезжаю домой, трактор в канаве. Рылом в землю уперся и спит.

— Ранило, что ли?

— Трактор-то?

— Да нет... Приехал, говоришь, домой?

второй опаской приближался к сараю. Боялся, но отнюдь не пьяных бродяг и не змей, которые водились в здешних местах. Гадюки нередко забираются на ночлег в эти сухие, прогретые солнцем сараи, поэтому, прежде чем занять даровую гостиницу, я постучал камнем по стене. Днем змей не переносят стука и уползают. А как они поведут себя ночью?

Смешно говорить, но я боялся больше не настенных змей, а настенных... надписей. К этому виду графомании с недавних пор я почему-то испытываю неодолимое

— Ранило. Из ляжки полфунта мяса высадили вместе с осколком. А тут весна как раз, надо пахать. Вызывают в МТС: «Принимай тракторную бригаду!» В две смены пахали. А бригада — три колесника да шесть девок. Хорошие девки, да все скороспелки, в технике ни уха, ни рыла. Панька, та, правда, немножко петрила. Бывало, под машину полезет, застыдится. Юбки хоть и носили не чета нынешним, длинные, а больше и ничего. «Александр Иванович, отойди, не гляди!» Александр Иванович сам уж до ушей покраснел. Отойдешь метров на десять и давай команды давать. На дистанции. То отвинти, это продуй. Другая бежит с ревом, не знает, чего делать. По полю-то, как заяц, туда-сюда...

— Женился?

— Не успел я в тот раз жениться.

— Почему?

— Панька моя умерла.

Он как бы не услышал моего следующего вопроса. Сложил в котелок ложки и хотел идти к воде, но парень отобрал посуду и пошел сам.

Александр Иванович угостил меня крепчайшей «Примой», прищурился:

— Ты не из милиции?

— Нет. А что?

— Да так. Милицию вспомнил. Сохло в ту весну на глазах. Надо бы бороться, а мои керогазы все стоят. Ни один не заводится. Искра бьет, а не берет, керосин-то худой. До этого мы заливали бензин под свечи, заводили кой-как. Этот бензин я в кармане носил, во флакончике. До чего мы докрутили этими ручками, бог ты мой! А трактора — хоть бы один для смеху чихнул. До МТС сорок пять километров. Панька бутылку на спину — пошла. Туда полтора суток, обратно полтора. Пустая пришла, ничего не дали. Я, значит, иду сам. Первым делом на нефтебазу. Директор поглядел на меня как на пленника и говорит: «Не было, нет и не будет!» Весь день бегал я по организациям, нигде ничего. Вечером захожу к знакомому в военкомат. Витька, лейтенант, домой пригласил. Чай сели пить, у меня кусок в горло не лезет. «Ты чего?» — дружок спрашивает. «Бензина бы, — говорю, — хоть литра три. Трактора стоят, не заводятся». «Ничего не выйдет, — говорит. — Только у начальника милиции. А к нему не подступишься». «Где, — спрашиваю, — живет?» «Да живет-то, — Витька говорит, — рядом. Сосед...» Я долго не думал, в магазин. Денег было, хоть и немного. Вина принес. «Зови», — говорю. Витька пошел, привел. Начальник, как сейчас вижу, Корчагин по фамилии, стопку выпил, а за стол — ни в какую. Потом все-таки сел. Мы одну бутылку решили... Витька снял со шкапа гармонь. Корчагин голенница подтянул, со стула — фырк! Не усидел, пошел плясать, Витька играл хорошо. Ох, мастер был плясать Корчагин! По полу его как ветром носило.

Напарник Александра Ивановича вернулся с реки и лег на траву. Солнце всходило быстро, становилось жарко. Комары исчезли.

— Ну и как? Дал бензину?

— Сплясал, вызывает меня. Я выходку показал, он, вижу, на меня косится. Плясал-то я не хуже его. «Давай, — говорит, — на спор. Кто кого? Ставлю литр, ежели перепляшешь». Я говорю: «Давай! Только не на литр, а на десять литров! Бензину...» Он горячится: «Двадцать! Тебе меня все равно не переплясать». «Виктор, будь в свидетелях!» — Гармонь заиграла, я ремень снял...

Александр Иванович замолк, глядя на освобождающуюся от тумана реку. Я кашлянул и спросил, что было дальше.

— Три часа молотили. Витька уже играть не может, сходил за другим гармонистом. Утолки и того. Трынкает кой-как, на одних басах — пляшем. Я уж и свету не вижу — пляшем. Под утро, гляжу, сел на корточки, пальцем по воздуху водит. Я вокруг него, не останавливаясь. Он за штанину меня ловит. Тут гармонист гармонь кинул на койку. Только тогда я остановился. Корчагин говорит: «Пиши расписку — твоя взяла. Да не на меня пиши, едрена вошь, пиши на директора нефтебазы!» Я, конечно, этого директора кой-как про себя обматерил, даже язык не действовал. Расписку накорябал, ворона набродила. Утром два бидона бензина несут с нарочным. Я двое суток с этими бидонами до колхоза плюхался. Докостылял. Трактора завели, яровое заборонили. Посеяли. Потом неделю пластом. Да и Корчагин полтора месяца в больнице вылежал. У обоих дураков раны открылись.

— А от чего Панька-то?

— Помню, пригнали первую полуторку. Я как посмотрел на нее, сразу решил: будет моя. Двадцать второй год шоферу и ничего. Машина она, что жена, внимания требует днем и ночью.

— Ночью-то чего?

— На тормоза надо ставить, вот чего! — прикрикнул на меня Александр Иванович. — Укатится, не найдешь. Либо товарищи подведут. У меня вон сменщик один был. Только освободился, его — бэмс! — ко мне на перевоспитание. У воспитателя у самого образование шесть классов, седьмой коридор. Бывало, на ремонте придет в гараж и сидит. Я говорю, чего сидишь, начинай. Он кувадду возьмет и давай по скату лупить. Искру, говорит, выгоняю, в баллон ушла. У меня на заднем борту надпись: «Не уверен, не обгоняй». Он, черт, приписал мелом еще одно слово. Я не посмотрел, поехал в город за продуктами. Ну и загремел прямиком в ГАИ. Премии на работе как не бывало, за правами ездил четыре раза. Во какой!

Александр Иванович восхищенно засмеялся.

— Уехал?

— Увезли. Ампичмант устроили.

— За что?

— А барак спалил. Начальник лесопункта его выселил. Три дня прошло, он опять по поселку бродит. Мне, говорит, отступать некуда. Пришел ко мне домой: «Гоголев, пусти ночевать!» Я его чаем напоил, матрац с простыней постлал. Он среди ночи выскочил в окно. Убежал к медичке. А медичка без него замуж вышла, уехала. Только новая медичка спирта ему все равно налила. Шельмы, не девки! Он с пьяных глаз полез в пруд купаться, напоролся на какую-то проволоку. Чего не заметишь у нас в лесопункте! В колхозе теперь намного лучше.

— Чего ж не живешь в колхозе? — Я, по его примеру, тоже перешел на «ты».

— Я бы переехал, не едет жена.

В это время второй шофер проснулся в траве и сонно огляделся:

— Чего мы тут торчим? Надо ехать.

— Успеешь к своей Катке, — сказал Александр Иванович.

Парень снова ткнулся в траву.

— У меня баба хорошая, — сказал сам себе Александр Иванович. — Вот теща, эта местами. Помню, холостяком был. Купила она мне мотоцикл как раз перед самой свадьбой. Я женился, уехал в командировку. Приезжаю, сарайка пустая. Один кобель Бурко. Спрашиваю, где мотоцикл? Он как взвояет.

— Жена продала?

— Теща. Денежки забрала и в Северодвинск. А с женой нет, пятнадцатый год живем — ни разу конфликтов не было. Да и с тещей у нас дружно.

Он размял новую сигаретину.

— В семьдесят первом в Болгарию ездил.

— Теща-то?

— Да нет, жена. Приходит, помню, домой: «Гоголев, покупаю террористическую путевку! На Золотые Пески, двенадцать дней без дорог». Пожалуйста, говорю. Почему не съездить? Деньги есть. Приехала домой, бабу не узнаю. Все мои трусы на тряпки изорвала. В баню пойдешь — подает плавки, то голубые, то красные. А я их век не нашивал. Обтянуло все, никакого простору...

— Привык?

— Вроде стал привыкать. Начала за каждым обедом эту самую кислятину ставить. Сухое вино, чтобы культурному. Я говорю: какое оно сухое, оно тоже мокрое.

— Тоже привыкнешь...

— Нет, парень, к этому-то меня, пожалуйста, не приучить. Да и в магазине оно редко. Одна с него водополица. — Он лег в траву. — Вон нынче племянницы гостить приехали. Одной четыре годика, другой два. У нас квартира хоть и порядочная, а спать я все равно в сарайку. Люблю свежий воздух. Девчухи заревели в голос: мы с дядей, мы с дядей! Ну с дядей, так с дядей. Пошли. Уклались, одна с одного боку, другая с другого. Обе почирикали да и уснули сразу. А ночью мне снится сон, будто бы в баню пришел. Вот полощусь, вот окачиваюсь. То слева, то справа, водичка такая теплая. Пробудился, мать честная, с обеих сторон мокрый, хоть выжимай. Вот так добро уделали! Двое-то.

Александр Иванович опять засмеялся и с кряхтением поднялся на ноги. Он походил по пригорку, посмотрел на густо-голубое, в золотых блестках, стремя реки. Сказал:

— Радикулит проклятый. А так все нормально. Живи да радуйся, насколько совесть чиста.

На бугре еще валялись догнивающие остатки срубов и большие подугольные камни. Гоголев задумчиво постоял, потом обошел вокруг моего сарая, зачем-то постучал по стене кулаком. Я вывел его из задумчивости:

— Ну, а что тогда случилось?

— А? — Гоголев обернулся ко мне. — С кем?

— Да с Панькой-то...

— У нее кровь горлом пошла. Такая девка была, из-под трактора не вылезала. А земля весной — сам знаешь... — Гоголев крякнул. — Колька, давай подъем! Поехали.

Он предложил подвезти, но я отказался, автобусная остановка была совсем рядом. Машины взревели. Гоголев пропустил Колку вперед и вырулил на дорогу. Я тоже пошел к сараю за пиджаком.

Всегда как-то грустно расставаться с хорошим ночлегом!

Напоследок я мимолетным взглядом окинул внутренние стены сарая. На одном из бревен по высоте моего небольшого роста была топором вырублена звезда и три примечательные буквы: ГАИ.

Ах, Александр Иванович! Ты тоже оставил след своего отрочества. Здесь, в этом сарае...

Первый автобус вынырнул из подорожных берез, и я бегом припустил к остановке. Ведь я тоже должен был ехать дальше. Но синие глаза Гоголева весь день ясно и весело светились в моей памяти.

ТОВАРИЩЕСТВО

Автопортрет.



Земство обедает. 1872. Государственная Третьяковская галерея.



К 150-летию со дня рождения Григория Григорьевича Мясоедова

Он был высок, крепок, басовит. Репин называл его Дон Григорий и писал с него Ивана Грозного. Сделав главное дело жизни, стал замкнутым, даже нелюдимым и угрюмо острит: «Мы вдвоем с моим одиночеством имеем комнату на Васильевском острове в деревянном домике. Здравствуй, мое одиночество, пойдём со мной в гости, мое одиночество».

Григорий Григорьевич выступил вместе с Перовым, Крамским, Ге и талант свой, отпущенный природой, реализовал полностью. Картины его — «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на Литовской границе», «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года», «Земство обедает» — знакомы нам по школьным хрестоматиям, и мы рассматриваем их раньше, чем прочитаем о самозванце у Пушкина или с достаточной степенью серьезности разберемся в великих надеждах крестьянства на реформу («Чтение манифеста»), закончившихся великим обманом («Земство обедает»). Крестьянство и история, народ и судьба — вот постоянные темы его раздумий, его работ. Словом, как сказал Горький о Стасове: «Вот человек, который делал все, что мог, и все, что мог, сделал».

Однако Мясоедов сделал гораздо больше, чем любой другой живописец его окружения. Он был творцом Товарищества передвижных художественных выставок — явления, которое нигде и никогда больше не повторилось.

Сейчас уже трудно представить быт ху-

дожников и бытие живописи до возникновения Товарищества. Художник полностью зависел от заказчиков: до XIX века ими были церковь и дворец, с XIX — барин, купец, фабрикант, а само искусство было, по горьким словам Мясоедова, «забавой досужих людей, лучшим после мебели украшением барских стен». Нет заказчика — нет и художника; заказчик, как бог, лепил художника по своему образу и подобию.

Будущий академик живописи, обладатель малых и больших серебряных и золотых медалей едет в Европу доучиваться и обнаруживает, что у западных учителей все «чисто, опрятно, но вполне ничтожно. Ничего оригинального и не знаю, отчего это мы так конфузимся Европы?». Тут, в тоске по родине, в раздумьях о ней и приходит мысль о передвижных выставках. Ведь где, кроме столичного Петербурга, зритель мог увидеть отечественных живописцев? Идеи самосохранения художников, идеи просветительства были важными и все-таки еще не главными. Главная идея: надобно само искусство вернуть народу, слить его историю и судьбу с историей и судьбой страны. Рождалась не цеховая организация, а новое, демократическое искусство России.

Дело было весьма непростое. Разрыв с Академией художеств был полный, а, кроме Академии, во всей стране не было ни одного выставочного зала, и еще было неизвестно, поддержит ли их общественность, и будут ли покупатели у этой «странной» живописи. Главный идеолог передвижничества Стасов позднее вспоминал:



«Крестьянская девушка. Этюд для картины «Страда». 80-е годы. Государственная Третьяковская галерея.

«Новые художники вздумали вносить какую-то «мысль», какое-то «объяснение жизни», какой-то «приговор» над явлениями этой жизни. На место прежних Александров Македонских, великих людей, святых и ангелов — какие-то все маленькие люди, а часто даже грубое мужичье, пьяные, растрепанные люди: какой скандал! Конечно, это было уже окончательно нестерпимо, и преследованиям нового искусства не было пределов. Объявлено было, что искусство падает... развращается... мельчает и становится ничтожно».

Николай Николаевич Ге, только что прославившийся своей картиной «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича», вспоминал, как многим соратникам Мясоедова становилось жутко от шага, который они собирались сделать, как каждый вопрошал себя: смогу ли, и как в самый день открытия первой выставки несколько художников не выдержали и отказались...

Это и был звездный час Григория Григорьевича Мясоедова. Вместе с Перовым он едет в Петербург с первой выставкой — как охранник, как зазывала, как рабочий, как пропагандист. Уж тут не до вечного искусства, не до славы, тут бы физически не сломаться. Бесспорные новаторы в живописи, они сейчас обсуждают такой вопрос: надо отказаться от тяжелых рам, ибо они значительно удорожают передвижение по России. Заботы по устройству краскотерни, и попытки устроить выставки за границей, и хлопоты о денежных льготах в правлениях железных дорог, и обязанности артельщика, и обязанности кассира. Выставки покоряли страну — уже не картины переезжали из Саратова в Нижний Новгород, а сгусток новых мыслей, идей, решений.

Жизнь будто бы растворялась в мелочах, но из этих мелочей и выросло главное дело жизни — как будто из ничего, из горстки вчера еще никому не известных молодых художников выросло искусство, в котором великая страна выявила свой дух. Не пьяное мужичье, как казалось врагам передвижников, а страдальцы Перова, обманутые, но не сломленные мужики Мясоедова, исполненные духовного благородства портреты Крамского. А потом пришли Репин, Саврасов, Левитан. А потом Нестеров, Коровин, Рерих. Нестеров учился у Перова и учил многих советских художников — передвижники подают руку нашим дням.

Младшим современникам Григорий Григорьевич часто казался резким, даже нетерпимым; они несправедливо забывали о другом: а не будь у него такого характера, состоялся бы он и его сподвижники в тот героический период Товарищества? (Председатель земского собрания Полтавы отказывает Мясоедову в помещении для выставки. Григорий Григорьевич нависает над ним: «Раньше здесь сидели культурные и порядочные люди, а сейчас — вы!» Шок: помещение получено.)

Детище, созданное им и его друзьями, было столь талантливым и могучим, что быстро, слишком быстро обогнало своих создателей. Тут начались личные трагедии многих передвижников, уже отстававших от времени; но это были именно личные трагедии, потому что общественное дело было сделано, и сделано превосходно.

Через четверть века после создания Товарищества, вспоминая уже ушедших навсегда товарищей, Мясоедов подвел итог созданному, итог и своей жизни:

«Преклоняясь перед неизбежным, нам остается только, подобно им, служить делу, пока хватит сил, веря, что люди проходят, а дела остаются. И то скромное дело, которому мы служим, оставит свой след и поможет русскому искусству...»

Д. ДРЕВЛЯНСКИЙ

Обратные адреса на конвертах разные, а содержание в общем-то одно. Все письма, что лежат передо мной, — о работе сельских клубов.

«Дело в том, что наше село находится всего в 18 километрах от города, а клуб нельзя назвать клубом. Антисанитарное состояние... Куда же пойти молодежи? Да почти все уезжают в город.

Обращаемся от имени молодежи всего села. Будем ждать вашего ответа.

Светлана Одностеблиця. Виктория Резник. Владимир Брага».

Чего ж говорить, плохо, когда в клубе плохо. Но ведь антисанитария — это же проституция, когда грязно, отчего бы не взять молодым людям да и не помыть полы?

«С огромным пламенным приветом к вам молодежь с. Налеткина. Дорогая редакция, если вам хочется познакомиться с начитанными, просвещенными вундеркиндами, приезжайте в наше село. Будете заходить в наш клуб, действуйте осторожно, у нас уже нет пола, поберегитесь, чтобы вас не укусило крысоядное животное... Жалко, что у нас нет фотоаппарата, а то бы мы сняли наш клуб. Сейчас его разбирают на дрова, хоть и можно починить. Раньше библиотека была, где после работы можно почитать, сейчас и ее нет. Соседние жители смеются над нами: ...Скоро праздник, опять молодежь будет собираться, зеленого змия глушить.

С уважением, старожилы. Ждем ответа!»

Судя по письму, авторы его — хлопцы бойкие, хоть и укрылись под псевдонимом «старожилы». Что же, право, не могут помочь колхозу клуб отремонтировать? Ведь для себя же, не для дяди. Такое впечатление, что вся энергия в юмор уходит. Но вот третье письмо.

«Дорогая редакция! Можно ли в нашей стране получать зарплату в 130 рублей, не работая? Именно столько получает заведующая нашим клубом Антонина Иванова и ничего не делает. Клуб находится в ста метрах от дороги, но в него попасть не так-то просто, нет ни дорожки к нему, ни тропинки. Вся работа Ивановой заключается в том, что два-три раза в месяц приезжает она в сельсовет поболтать о том о сем, попить чайку или чего-нибудь покрепче».

По этому адресу надо ехать.

...Кривцово оказалось совсем небольшой живописной деревенькой. Дома на единственной улице разместились свободно, вольготно; за каждым — большой огород, хозяйственные постройки. С одной стороны подступает к деревне лес, и сразу видно, что ягодный и грибной; с другой — начинаются колхозные поля.

Естественно, в первую очередь я встретилась с авторами письма. И столкнулась с первой неожиданностью.

— Это ж надо! Прямо в Москву написали. Работать не хотят, только пишут. Бессовестные. А кто писал-то?

— Вы. Вот здесь ваша подпись стоит.

— Моя? Вот уж точно бессовестные! Я и знать ничего не знаю. А как складно написано. У нас так никто не умеет. Сходите к Андрею Модестовичу, он вам сразу скажет, чья это работа.

Андрей Модестович Иванов, чья подпись, кстати, тоже стоит в конце письма, много лет был бригадиром, секретарем партийной организации. Сейчас он на пенсии, но авторитет его по-прежнему непререкаем. В лю-

бой конфликтной ситуации его слово последнее. Внимательно прочитав жалобу, он убежденно заявил:

— Не наши писали, не кривцовские. Это на Красной Горе, на центральной усадьбе колхоза воду мутят. Чего выгадывают?

Почему автор письма укрылся за чужими фамилиями? Что он за человек? И что ему за дело до клуба в чужой деревне? Можно, конечно, найти ответы на эти вопросы. Но, с другой стороны, стоит ли внимания наших читателей этот аноним?

И я остаюсь в Кривцово.

С заведующей клубом Антониной Ивановой мы встретились в самом центре деревни. Со всех сторон на нас смотрели любопытные, настороженные глаза. Тщательно стараясь скрыть взаимную неловкость, мы отправились к большой избе, приспособленной под клуб. Добраться туда и впрямь оказалось нелегко: большие лужи то и дело преграждали дорогу. Возле крыльца аккуратно сложены дрова, но внутри клуба холодно и сумрачно. Небольшой зал с грубоватыми скамейками, с крохотной сценой казался покинутым людьми очень давно. Стены оклеены белой бумагой, но она местами уже отошла... И чисто вроде и прибрано, а неуютно.

— Когда меня назначили заведующей, — торопливо объясняет Антонина, — сама понимая, что хозяйство ее производит неважное впечатление, — я стены оклеила. Потолок побелила. Договорилась с сельсоветом насчет материалов, нашла рабочих, они две печки сложили (теперь хоть протопить можно), крышу покрыли.

Антонина как будто спешит оправдаться, а я по мере ее рассказа мысленно сдираю со стен белую бумагу, с потолка смываю чистую побелку, представляю, каким был до ремонта пол и как с потолка в дождливое время капало. Смотрю уже с симпатией на новые аккуратные печки.

— Вы все это сделали сами?

— Сама, — тихо отвечает она и молчит, с каким-то сожалением оглядывая дело рук своих.

— А лужи? Нельзя их чем-нибудь засыпать? В письме ведь про них особо говорится.

— Можно, наверно. Мы-то уж привыкли выходить из дома только в резиновых сапогах. Места здесь сырые, болота кругом. Грязь, она везде, не только у клуба, на нее и внимания никто не обращает. Придумаю что-нибудь.

Покончив с осмотром, мы с облегчением заспешили назад, на улицу. Клуб все-таки не располагал к обстоятельной, неторопливой беседе. Пока Антонина возилась с замком, я задала ей вопрос, в общем-то зная ответ.

— И часто сюда приходят деревенские?

— Да, считай, только на собрания. А так, что здесь делать? Кинобудка развалилась. А и когда исправна была, придут, бывало, в кино два человека и сидят. А киномеханику положено крутить фильмы, только если их посмотрят не меньше четырех человек. Так он из своего кармана доплачивал. И, спохватившись, добавляет: — Нет, вы не думайте, у нас и мероприятия бывают. К праздникам мы совместно с базовым клубом, что на центральной усадьбе, концерты, вечера го-

НУЖЕ В КРИВЦОВО

товим. Только трудно придумать что-нибудь интересное. На музыкальных инструментах никто играть не умеет. Найдём гармониста — хорошо, а то под свое ля-ля-ля выступаем.

Я подсчитываю. Первое: отремонтировала клуб. Большая работа. Но это было три года назад. Второе: следит, чтоб дрова были на зиму заготовлены, и по мере надобности топит. Третье: убирает помещение после собраний и мероприятий, а они бывают раз, от силы два раза в месяц. Дел у Антонины не так уж много, а сто тридцать рублей — деньги... Выходит, прав неизвестный автор письма?

Вторая неожиданность: жители Кривцова встали на защиту Антонины.

— Да разве Тоня бездельничает? Вот к нам, например, на ферму чуть не каждый день прибегает: лекцию прочитает, сводку принесет, расскажет, как дела в районе, как выполняем план, на каком месте сейчас наш колхоз, кто из доярок впереди в соревновании, — горячится немолодая доярка. — Что, не так я говорю?

— Так, так, — поддакивают остальные, — и в поле к нам тоже часто приходит.

Самая пожилая тянет меня к стенке.

— Вот, смотрите, «боевой листок» висит. Это чтоб мы, пенсионеры, тоже в курсе всех событий были.

К эмоциональным выступлениям женщин присоединяю спокойные слова председателя колхоза В. С. Абуезидова. Три года председательствует, а это по здешним меркам уже срок.

— Не зря Антонина хлеб ест. Помимо тех дел, которые так или иначе связаны с ее должностью, она выполняет десятки других. Кто поможет веники для овец вязать? Тоня. Кто проведет перепись скота в дальних деревнях? Она. Когда надо — разбрасывает удобрения, заготавливает дрова на зиму. Она и агитатор перед выборами и бригадная повариха в страду. Что ни поручи — мигом сделает. Нет, не бегают Антонина от работы.

— Вот-вот, — опять вступает в разговор одна из женщин. — Как в клубе что затевается, лектор какой приедет или с концертом кто, так по два-три раза в каждую избу забежит, чуть не силком туда ведет, — заканчивает Нина Георгиевна Феклистова и смотрит со значением.

— Да почему же силком? — удивляюсь я. — А сами?

— А что нам там делать? Чай, не молодые. Мы лучше на мягком диване телевизор посмотрим, а там и лекции, и концерты, и фильмы самые наилучшие. Кто глухой, так для того с подписями.

— Так что же, клуб вам совсем не нужен? Даже если, предположим, новый построят и каждый вечер будет что-нибудь интересное?

— Чего ж там может быть интересного? Интересное — так мы между собой за чайком обсудим.

— Есть такая современная форма клубной работы — посиделки, — осторожно вставляю я.

— Может быть. Может, и мы привыкли бы, если бы пораньше. А сейчас, что ж...

Вот и весь разговор.

Не везло колхозу в последние годы. Когда-то крепкое, еще в девятой пятилетке рентабельное хозяйство после ухода пред-

седателя на повышение стало хиреть. Следующий председатель оказался никудышным хозяином. Его сменил другой, такой же. Колхоз разваливался на глазах, молодежь разъезжалась кто куда. Причина и следствие перепутались. Факт тот, что сейчас ребят, а особенно девчат, можно пересчитать по пальцам. В Кривцове, например, молодая семья одна — семья самой Антонины.

...Родилась Антонина в Новгородской области, в большой семье, но рано, сразу после школы, уехала из дома и оказалась в Узбекистане. Старшая ее сестра там с мужем жила. Приехала погостить да и осталась.

— Вы никогда не были в тех краях? Жалко. Узбеки такие хорошие люди, вежливые, душевные. Зарабатывала я там немного, поэтому комнату снимала самую дешевую, в кибитке. Хозяева меня любили, как к родной относились. Так и думала, что останусь навсегда. Да вот приехала на родину в отпуск и познакомилась с Виктором. Знать, не судьба была в Средней Азии мне остаться.

Виктор как раз армию отслужил. Свободная птица... И заладил одно: поехали в Кривцово, хочу на родной земле работать и жить. Нет, вы подумайте, все из деревни, а он наоборот. Как вам это нравится?

Ей самой здесь не скучно? Ведь, кроме них с Виктором, в Кривцове и молодежи нет...

— Так я же на Красной Горе два-три раза в неделю бываю — то в клуб, то в сельсовет вызовут. Да и потом привыкла за десять лет. Зовет нас сестра моя в Боровичи, в город. Говорит, там на стройке квартиру можно быстро получить. Я бы, может, поехала. И Виктора, наверно, уговорила бы. Но как подумаешь, вдруг затоскует еще мужик, запьет? Знаете, как в городе — дружки, компания, за ним и не уследишь. А затоскует он точно. Уж больно любит свою деревню. Нет, останемся. Здесь и дом, и хозяйство, и люди в колхозе хорошие.

С наступлением нового дня вернулись старые вопросы.

— Может, закрыть этот практически и так уже не существующий клуб, да и дело с концом? — с некоторым вызовом спросила я у председателя колхоза.

— Закрыть легко, открыть потом будет трудно, — серьезно, не принимая иронии, ответил Ваха Сайдахматович Абуезидов. — Понимаете, мы обязаны рассчитывать на то, что и у нас появится молодежь. Сейчас в колхозе 146 человек, а через несколько лет чуть не половина уйдет на пенсию. К этому времени у них должна быть замена. Знаю, замена будет.

— На чем основана ваша уверенность?

— На опыте. Во-первых, уже в прошлом году все пять наших выпускников восьмого класса стали стипендиатами колхоза, учатся в сельскохозяйственном техникуме и в СПТУ. Во-вторых, на Новгородчине уже начался приток горожан в деревни. Недавно в нашей областной газете было написано, что в этой пятилетке пришли из города в деревни работать 168 квалифицированных механизаторов, 106 животноводов, 34 строителя, шоферы, слесари, сварщики, работники детских учреждений, домов культуры. Конечно, городской человек выбирает

крепкие хозяйства, где налажен быт, хорошие условия труда. Но ведь и у нас скоро все это будет. Уже механизированы все процессы производства мяса и молока. Поднимаем культуру земледелия. Силами специального механизированного отряда в прошлом году впервые полностью обеспечили скот кормами. Потихоньку строимся: на центральной усадьбе возвели двухквартирный дом, заканчиваем клуб на центральной усадьбе. Начало есть. В ближайшее время построим асфальтовые дороги к населенным пунктам колхоза, сделаем подъезды ко всем фермам.

Думаю, повезло колхозу «Путь к коммунизму» с председателем. О нем много рассказывали мне в Кривцове. О том, как появился здесь, осмотрелся и уехал в свою Осетию. Но тут же вернулся, да не один, а с молодой женой осетинкой. О том, что работает как заведенный с утра до вечера, без отпусков и выходных. О том, как в страду колхозное начальство отправляется во главе с председателем на помощь полеводам. Не всем, конечно, нравятся новые порядки, ведь еще не так давно тяжелое похмелье считалось вполне уважительной причиной прогула.

Кривцовские женщины председателя жалуют. Он стал как бы местной достопримечательностью. Почти каждая первым делом спрашивала:

— А вы нашего председателя видели? Худенький какой, правда? Достается ему. Боимся, помотается-помотается, сердечный, плюнет да уедет. Тоже понять можно. Ведь совсем мальчишка. Вы, часом, не слышали, не собирается он куда?

Я задала этот вопрос Абуезидову. Он улыбнулся:

— Не собираюсь. Мне здесь нравится.

В первый день моего пребывания в Кривцове посреди деревни стоял трактор. Под вечер увидела, как из-под него вылезает худенький парнишка. Игорь Акимов. Про него говорят, что он технику лучше любого механизатора знает.

Он, Тонины дети, еще пять-шесть ребят и девчат — и оживет Кривцово. Никогда не была эта деревня очень большой и, наверно, не будет. Вряд ли есть смысл строить здесь такой же клуб, как на Красной Горе. Послужит и старый. Вряд ли придет сюда специалист с высшим образованием, их и в районе не хватает. Справится и Тоня. В небольшой деревне клубному работнику в первую очередь необходимо не столько специальное образование — хотя и оно тоже — сколько особый склад души, любовь к родным местам, к колхозу, к землякам.

Кривцовский клуб живет сейчас не в старой избе, а в хлопотах Антонины, в точных расчетах председателя, в заботах тех, кто расчищает площадки для новых домов старой новгородской деревни.

Председатель загружает Антонину не клубной работой. Но знает, придет час, и отпадут многие нынешние обязанности заведующей клубом: своих — клубных — забот будет полон рот. Кривцовский клуб — как почка на весеннем ветру: еще нет тепла, и набухлость ее плодоносящим соком еще не видна, и ветер еще холодный; холодный, а все же весенний, обещающий долгое тепло.

Н. ФИЛИМОНОВА

Новгородская область.

О реформе школы, о том новом, что несет она каждому выпускнику школы, как общеобразовательной, так и профессиональной, говорит в беседе с нашим корреспондентом Л. Арефьевой директор НИИ трудового обучения и профориентации Академии педагогических наук СССР академик АПН СССР Петр Родионович АТУТОВ.

— Почта нашего журнала в последние месяцы принесла множество заинтересованных откликов на опубликованный в печати проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

— Широкий общественный интерес к этому документу понятен. Ведь он касается всех — и педагогов, и школьников, и родителей школьников, как нынешних, так и будущих. Реформа школы — дело назревшее и необходимое. И не потому, конечно, что плоха наша действующая система народного образования, как это пытается представить кое-кто на Западе, а потому, что наше общество развитого социализма с его постоянно возрастающими потребностями нуждается в людях, которые смогут в полной мере обеспечить дальнейшее коммунистическое строительство в сложных условиях XXI века. А это значит, что школа должна сделать заметный шаг вперед, обеспечить качественно новый уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки своих питомцев.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко в речи перед избирателями Куйбышевского избирательного округа Москвы сказал: «Мы постоянно заботимся о том, чтобы готовить такую молодежь, которая не дрогнет, не согнется под грузом исторической ответственности за судьбы страны, за судьбы социализма и мира. Такую молодежь, которая сумела бы не только освоить опыт старших поколений, но и обогатить его собственными свершениями». В решении этих ответственных задач огромную роль играет трудовое воспитание.

— Не могли бы вы, Петр Родионович, подробнее рассказать о том, что нового вносит реформа в постановку трудового воспитания?

— Прежде всего надо сказать, что воспитание детей трудолюбивыми — наша общая конституционная обязанность. И сделано тут уже немало. Нынешняя же реформа предполагает не просто усиление трудового воспитания, но и большую ориентацию ребят на труд, а следовательно, и более осознанный выбор ими будущей профессии. Реформа направлена на комплексное развитие всех форм обучения, на укрепление органичной взаимосвязи учебного и трудового процессов в школе и профессионально-техническом училище.

Задачу, которая ставится реформой, можно сформулировать так: каждый молодой человек, оканчивающий школу, должен получить профессию, а каждый выпускник профтехучилища — прочные знания по общеобразовательным предметам. Так происходит взаимосближение профессионального и общего образования, то есть развивается тенденция к единой, трудовой, политехнической школе, о которой говорил В. И. Ленин.

Теперь — о конкретных изменениях в учебных программах.

Учитывая опыт некоторых школ и данные медицинских и социологических исследований, предполагается увеличить общее время на трудовое воспитание и обучение учащихся в полтора раза. Четко разграничено время на теоретические занятия и на общественно полезный труд. Примерно 70 процентов времени отводится непосредственно на труд. В 7—8-х классах, например, дается пять часов в неделю. Из них 2 часа — на теорию и 3 часа — на практику. В

9—11-х классах из 8 часов в неделю 2 часа — на теорию, остальное время — производительный труд.

«Труд никогда не будет забавой, развлечением, он и при коммунизме останется, говоря словами Маркса, «дьявольски серьезным делом», — сказал в своей речи перед избирателями К. У. Черненко. — Трудиться — трудно, тут уж ничего не попишешь. А у родителей бывает порой искушение от трудностей ребят избавлять. Но ведь только общественно полезный труд придает весомость человеческой жизни! Вот и надо научить детей не тому, что легко, — они сами с этим справятся, а тому, что трудно. Привить школьникам любовь к работе, в полной мере включить в воспитательный процесс силу производительного труда — это и есть одна из важнейших задач воспитания».

— С чем, по-вашему, связан тот факт, что сейчас часть выпускников школ не хочет после школы идти работать на производство?

МУДРЫЙ УЧИТЕЛЬ



— Очевидно, тут сказывается недостаточная психологическая и, я бы сказал, нравственная подготовка ребят к трудовой деятельности. Они мало осведомлены о потребностях данного хозяйства или предприятия, района, области, страны в определенных кадрах специалистов, не соотносят с этим свои склонности, способности, планы... К сожалению, многие взрослые убеждены: сын или дочь обязательно должны окончить высшую школу во что бы то ни стало. А почему, собственно? Было время, когда страна действительно остро нуждалась в инженерах, других работниках высшего звена. Сегодня ситуация иная. А высшее образование может получить каждый, кто этого по-настоящему хочет.

Опыт и различные социологические исследования показывают, что человек, выбравший тот или иной вуз на основе своей трудовой закалки, обязательно оканчивает этот вуз и работает потом с большей отдачей, с большей производительностью: ведь это его любимое дело. В то же время

известно, что среди тех, кто бросает институт недоучившись, большинство составляют юноши и девушки, поступившие туда прямо со школьной скамьи, не поработавшие предварительно на производстве.

— Скажите, пожалуйста, Петр Родионович, как был учтен при разработке проекта реформы имеющийся уже опыт постановки трудового воспитания в различных городских и сельских школах?

— Откроем четвертый раздел проекта — «Трудовое воспитание, обучение и профессиональная ориентация». Написан он на основе обобщенного опыта работы многих школ страны. Назову городские школы города Челябинска №№ 81 и 118, где особенно наглядно и системно ведется трудовое воспитание учащихся.

Школьники тут, начиная с самых младших классов, заняты общественно полезным трудом, нужным для других. Я подчеркиваю это: нужным для других. Ребятишки шьют мягкие, красивые игрушки из отходов швейного производства для детских садов города. Школьники 4—8-х классов по заказам предприятий изготавливают различные изделия, фурнитуру, болты, мелкие детали... Они знают, как будут использоваться эти детали, сколько они стоят, понимают, что важно добиваться качественного исполнения работы... Старшеклассники трудятся на настоящем производстве под руководством опытных наставников. Возрастает в связи с этим и ответственность взрослых за каждый свой поступок, слово, дело. От их поведения, отношения к своей профессии зависит во многом трудовое и нравственное взросление подростков.

Мы обобщили интересный опыт работы сельской Заринской средней школы Кемеровской области, где директором народный учитель СССР Михаил Андреевич Аверин. Школа 18 раз была участником ВДНХ СССР. Начиная с младших классов учащиеся школы по-настоящему трудятся на пришкольном участке, на полях своего совхоза рядом с лучшими людьми хозяйства. Ученическая производственная бригада имеет 70 гектаров земли, необходимую технику. Работают ребята круглый год. Обработывая и засеивая землю по всем правилам агротехники, получают неплохие урожаи. В хлебном карае страны есть и частичка их ответственного, взрослого труда. Это настоящее дело воспитывает у школьников самостоятельность, гордость за свой хлеборобский труд.

Можно привести немало примеров успешной работы школьных ученических бригад, из которых вышли настоящие люди, с высоким чувством ответственности за свой труд. Назову еще несколько адресов ученических бригад, заслуживающих, может быть, более подробного и обстоятельного рассказа о них. Это бригада Гилевской средней школы Завьяловского района Ал-

тайского края: Болдыревской средней школы Завитинского района Амурской области; Атюрьевской средней школы № 1 Атюрьевского района Мордовской АССР и еще немало других. Ученические производственные бригады за многие годы существования подтвердили свое истинное назначение: это школы труда, которым необходимо дальнейшее комплексное развитие. Подготовка в них специалистов для сельского хозяйства, на мой взгляд, может быть более эффективна.

В частности, они нуждаются в облегченной, малогабаритной технике для пришкольных участков — такой же, как и для подсобных хозяйств.

Другая форма подготовки — в учебно-производственных комбинатах. Но если в Белоруссии, например, такая форма оправдала себя, то в Сибири и в других районах, где села находятся далеко друг от друга, она не годится. Там лучше всего развивать ученические бригады при школах и хозяйствах.

Естественно, что для обучения профессии необходима соответствующая материальная база, которую в состоянии создать только предприятия, организации, колхозы и совхозы.

Для связи школы с предприятием или хозяйством при средних школах утвержден заместитель директора школы по труду.

— Расскажите, Петр Родионович, о задачах вашего института в связи с реформой.

— Наша главная задача — разработка комплексной программы труда школьников начиная с 1 и по 11-й класс. От общественно полезного труда младшеклассников (благоустройство, сбор макулатуры, металлолома, самообслуживание, изготовление нужных поделок, работа на пришкольном участке) до овладения новейшей техникой: микропроцессорной, электронной, робототехникой... Для этого пишутся специальные программы. Не забыты и самые распространенные профессии: строительные, металлообрабатывающие. В сельском хозяйстве упор сделан на традиционные профессии тракториста-механизатора широкого профиля, животновода, оператора для различных фабрик и комплексов, диспетчеров автоматизированных систем управления. Вводить эти программы в жизнь намечено с 12-й пятилетки.

Мы будем продолжать широкую работу по профессиональной ориентации, привлекая опытные научные силы: психологов, социологов, экономистов, медиков. Например, кафедра психологического факультета МГУ по договору с нами подготовит профессиональные программы по основным типам профессий.

Эффективность важных и назревших преобразований нашей школы зависит от всех нас. От нашего общего желания и умения воспитывать ребят любознательными, морально и нравственно закаленными, трудолюбивыми.

ИТЕЛЬ УД



КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

НАСЛЕДСТВО

В

редакцию
пришло тревожное письмо.

Жительница города Рязани Евгения Тузлукова писала: «Я приехала в деревню Турлатово навестить свою больную престарелую мать. Однако Дубова Анна, жена моего покойного брата, вытолкнула меня и не дала мне ухаживать за мамой. Дело дошло до суда. Но я ничего не добилась, по-прежнему не могу попасть к маме...»

В ответе прокуратуры Рязанской области, разбиравшей жалобу Е. Тузлуковой, говорится: «Как установлено, между Тузлуковой Евгенией и Дубовой Анной сложились неприязненные отношения из-за раздела дома...» Пришло в редакцию и еще одно письмо — от мужа Евгении Тузлуковой, в котором он писал: «Жена согласна взять к себе мать при условии, что она выделит ей пай из наследства».

«Наследство, пай, раздел дома...» Открывалась какая-то странная возня вокруг престарелой женщины, матери, которая нуждается в помощи.

Деревня Турлатово — центр совхоза-миллионера «50 лет СССР». Разрослась деревня: дома добротные, кирпичные, на окраине, где раньше старый колхоз сажал картошку, выросли новые трехэтажные корпуса, школа, столовая, строится Дом культуры. У деревни надежное автобусное сообщение с близкой Рязанью.

Секретарь парткома совхоза Зинаида Петровна Кузнецова помнит Марию Васильевну, когда та еще работала свинаркой. Говорит: «Она из того поколения женщин, которые в колхозе — с первых его дней, самоотверженно работали в войну и после: особые это женщины — прямые, честные».

Ровесница и соседка Марии Васильевны Анна Алексеевна Гришина рассказывала о заболевшей подруге:

— Мы с Маней погоду угадываем не по радио. У нас ведь, милый, все болит, все косточки ноют. Маня рослая была, здоровая, голос громкий, куда мне до ней. Работали с ней, старались!.. А в войну-то: днем — на ферме, вечером — на току. Или ночь — на ферме, а днем — на сеялке. Когда уж мы и спали-то... Ведь еще и семья, ребяташки, свой огород. Сейчас молодым чего не работать — легко, машины, такие деньги платят...

Дом Марии Васильевны Дубовой, где она живет с невесткой Анной и ее детьми, — внучками Мариной и Галей, — кирпичный, ладный, просторный, как и другие дома большой деревни. В комнатах чисто, аккуратно — побелено, покрашено, коврики, половики. За занавеской, в отгороженном шкафом углом, — кровать Марии Васильевны, на которой она и сидит целыми днями, глядя в окно. И так вот уже четыре года.

Самой Марии Васильевне по состоянию ее здоровья сейчас трудно рассказывать о своей жизни во всех подробностях и оттенках. Бегут по щекам ее слезы. Как пережить потерю младшего сына, Виктора! Эта трагедия, а не собственная судьба, не споры вокруг наследства волнуют ее...

Откуда же появилось это наследство, и что оно из себя представляет?

В начале 60-х годов Мария Васильевна вышла на пенсию. Еще был жив ее муж. Это было время, когда в колхозах вводили денежную оплату, назначали пенсии, когда понемногу стали забываться военные и послевоенные беды и трудности. Дети у Марии Васильевны подрастали, их надо было ставить на ноги, учить, устраивать на работу, женить, выдавать замуж.

Мария Васильевна вплотную занялась своим хозяйством. Выращивала на огороде рассаду, ягоды, держала гусей, поросят и возила продавать в Рязань, которая под боком. Появились деньги. Стало легче определять в жизни детей. Евгения и Клавдия уехали и устроились в Рязани, вышли замуж. Младшенький, Виктор, отслужил в армии и вернулся в родительский дом. Дом этот Виктор с отцом, с некоторой помощью Евгении и Клавдии отремонтировали, перестроили...

Теперь уже часть денег Мария Васильевна откладывала на сберкнижку. В жизни своей денег получать ей приходилось немного, память о трудных временах была еще свежа, а тут была возможность зарабатывать. Тем более, что речь не идет о каких-то слишком больших деньгах.

Так эти деньги и перестроенный дом и образовали «наследство», ставшее вдруг одной из главных причин раздора и разлада в семье и даже в деревне.

Я ходил по деревне, разговаривал с соседями и родственниками Марии Васильевны, а затем в Рязани — с Евгенией и Клавдией. Открывалась непростая история...

Когда Виктор с отцом перестроили дом, решил он, Виктор, жениться.

Тут-то и заронилось в человеческие отношения большой семьи семечко неприязни. И проросло оно затем чертополохом зла, неприязни, пересудов и разбирательств...

Когда родные узнали, что Виктор собирается жениться на Ане, все они запротестовали: девушка им не понравилась (хотя они ее практически не знали). Аня тогда только приехала в Турлатово, к своей тете, из Черкасской области. Почему же не понравилась родным Виктора его невеста? Может, потому, что уже была замужем, а может быть, и потому, что почувствовали: характер у нее крепкий, независимый, придется с ней всерьез считаться... «Она для нас какое-то инородное тело, — объясняли мне. — Не ко двору она нам».

Виктор же любил Аню и настаивал на свадьбе.

— Не могу я без согласия твоих родителей замуж за тебя идти. Мне ведь жить с ними в одном доме...

— Я их уговорю. Приходи завтра к автобусной остановке — поедем расписываться.

...К назначенному часу Виктор на остановку не пришел. А потом появился его товарищ и передал: «Виктор ехать не может».

Плакала Аня, переживала... А через месяц — известие: Виктор женится, сосватали их с девушкой, которая жила по соседству... Только новая жизнь у Виктора не пошла. Все он на Анины окна заглядывался... Через три месяца сама Мария Васильевна пришла — Аню за Виктора сватать... Пришлось новую свадьбу играть. Ну не свадьбу, конечно, а так — собрались близкие родственники, тихо посидели. И пришла Аня в тот дом.

Вот на этом хочется немного остановиться. Жизнь дала первый в этой истории наглядный урок: нельзя скоропалительно, грубо ломать, переиначивать отношения любящих людей и быстренько склеивать другие, «организовывать» чью-то семью, потому что кому-то так хочется.

Поняв, что она нелюбима, нежеланна, первая жена Виктора, еще совсем девчонка, не стала слушать ничьих уговоров, ушла из семьи, развелась и теперь живет и работает в Рязани.

Мать Виктора сама пришла к Ане, признав тем самым свою ошибку. Но, к сожалению, ошибка была исправлена лишь по форме, а по существу ничего не изменилось.

Аня пришла в дом, в котором, за исключением мужа, ее не жаловали.

Это вообще непростое житейское положение, когда сын приводит в дом к родителям молодую жену. Нелегко ей «приться ко двору», найти общий язык, общий лад, суметь повести сложившееся уже хозяйство. Непросто и родителям с молодой, неопытной в житейских делах, но имеющей свой взгляд на вещи снохой. От каждой из сторон нужны терпение, щедрость души, простая житейская мудрость — уступать друг другу. К сожалению, мы не всегда оказываемся на высоте этой мудрости и дорого за это расплачиваемся.

Аня тоже не смогла войти в общий лад.

Жизнь Аню не баловала. Раннее детство ее в Черкасской области пришлось на войну. И после войны трудно жилось, что и говорить. Эти трудности и природные данные выработали в Ане характер крепкий, бойцовский.

Мария Васильевна, пользовавшаяся в

доме и в деревне добрым авторитетом честной труженицы, человека прямого и открытого, по-прежнему занималась огородом и хозяйством. Об Ане она говорила соседкам: «Девка работающая, старательная, но я ее не люблю». То, что Мария Васильевна по-прежнему не любила, не жаловала свою новую невестку, чувствовали и Евгения и Клавдия. И они, в свою очередь, не церемонились с Аней... Побольше бы желания — шире, веселей смотреть на мир, на людей, побольше бы терпения, выдержанности — и была бы нормальная жизнь...

Когда приезжали из Рязани Евгения и Клавдия, особенно было заметно противостояние сторон. А Виктор разрывался между этими сторонами. С одной стороны — жена Аня, которую он, по-видимому, любил, с другой — мать и сестры, которых он любил тоже. Человек он был добрый, работник хороший — работал шофером «Скорой помощи», — готов был в любую минуту мчаться на помощь людям. А вот себе помочь не сумел.

Может быть, все так бы и шло да шло, но после того, как умер муж, Мария Васильевна стала побаливать, а четыре года назад болезнь ее резко усилилась, она слегла, и ожидали худшего. К этому времени и относится обострение тлеющей неприязни: для выражения ее появились более серьезные возможности.

Аня ухаживать за больной свекровью отказалась, так как отношения у них всегда были натянутыми. Это делал Виктор. На зиму Марию Васильевну брали в Рязань, и она жила по очереди у Евгении и Клавдии. Горе чаще всего скрепляет семьи, спланивает их, а тут этого не случилось. Стали возникать споры, кому и как ухаживать за матерью. А три года назад вспыхнула первая крупная ссора.

У сына Клавдии был день рождения — 18 лет. Сначала его отметили дома, то есть в Рязани, а затем решили поехать в деревню к бабушке. Здесь же, в деревне, в тот день оказалась и Евгения. У Виктора был выходной, Аня работала. Приодели и усадили за стол Марию Васильевну. Настроение у всех было хорошее.

Когда пришла с работы Аня, ее тоже пригласили за праздничный стол, сказав, что вот без нее тут похозяйничали. «Делайте, что хотите», — сказала Аня. За стол не села, сославшись, что у нее болит голова... Виктор с Аней вышли во двор разбираться с хозяйственными делами, и все сидевшие на террасе гости услышали, как они поругались. Евгения, хотя все ее останавливали и просили не вмешиваться, вышла к ним и стала разнимать, но результат получился неожиданный — ей попало и от Ани и от Виктора. Тут уж вмешалась Клавдия и подростки, развели их. Шумная вышла ссора, о которой, конечно, узнала вся деревня.

Ссора вроде бы беспричинная, если не знать о постоянно тлеющей неприязни, о болеющей матери, за которой требовался уход, а также о вставшем некоей тенью вопросе о наследстве — после того, как Марии Васильевне стало хуже: кому дом, кому деньги? Дело было не только в доме и деньгах, но и в том, чтобы не уступить, досадить другой спорящей стороне.

Эта ссора была предупреждением жизни, предупреждением пока еще не очень суровым, но которое обязывало всех участников остановиться, оглянуться, подумать: «Да что же это с нами происходит?» Нет, не остановились, не подумали...

В наступившую зиму дочери не взяли мать в Рязань. Она жила в деревне. Ухаживал за ней Виктор. Евгения и Клавдия приезжали навещать мать по очереди, че-

рез воскресенье. Бывало, что приезжали они, а дома, кроме матери, никого нет, дом же закрыт на замок: Виктор говорил Ане, чтоб она оставляла ключ, «ведь девки приедут». «Как приедут, так и уедут», — отвечала Аня. Однажды Клавдия, приехав и не обнаружив ключа, влезла к матери через окно. Приходилось им и стоять на морозе у закрытого дома.

Произошло то, что иногда, к сожалению, бывает в человеческих отношениях — люди «ушли» в недоброжелательность, всячески ее в себе укрепляли, искали возможности, чтоб ее продемонстрировать. Тогда последовал еще более громкий предупреждающий тревожный сигнал мудрой жизни, для которой отношения злобы между людьми ненормальны, противоестественны.

Евгения так рассказывала об этом:

— Приехала я навестить мать. Аня была дома, сидела за столом, вышивала. Поздоровались. Я сразу же за ведра, чтоб приготовить воду и выкупать мать. Мне Аня и говорит: «Бери себе мать и ее пенсию». Я ответила: «Я мать возьму, вместе с ней и пай». Нагнулась я за ведрами, а Аня... ударила меня туфлей.

Аня же говорит, что Евгения первая вцепилась ей в волосы. Вот куда затянуло уже увлекшихся, ушедших в неприязнь людей.

Расстраивалась больная Мария Васильевна, что дело дошло до суда — ведь вся деревня узнает. Сильно переживал Виктор. Когда его уже не будет в живых, Клавдия вспомнит:

— Подхожу я к зданию суда, а Витя стоит у крыльца, как-то весь сжался, расстроенный. Мне надо было бы подойти к нему, а я — нет... — Клавдия заплакала. Потому что через полторы недели, перед самым Новым годом, Виктора не стало...

Смерть его потрясла всех. Каждая из спорящих сторон обвиняет в его смерти другую, только мать, Мария Васильевна, обвиняет себя, свою болезнь.

Ну хоть такая-то потеря должна была бы наконец-то заставить их очнуться от угара ссоры! Ничуть не бывало... Спор даже усилился: кому дом теперь, раз Виктора нет.

На другой день после похорон Виктора, утром, Евгения вместе с мужем, сыном и двумя рабочими приехала на автобусе в деревню, чтобы забрать мать к себе. В доме как раз собралось много родственников. Они запротестовали против такого скоропалительного увоза Марии Васильевны. Евгения не слушала и решительно носила вещи матери в автобус. Почему она так торопилась забрать мать? Родственники заподозрили, что ее волнует главным образом судьба наследства.

Сама Мария Васильевна, убитая горем, больная, была согласна на все — и оставаться и уезжать. Чтобы рассудить этот семейный спор, пригласили председателя сельсовета и секретаря парткома совхоза. Опять вышла шумная ссора, в результате которой Мария Васильевна пожелала остаться и осталась в деревне.

Теперь Мария Васильевна живет только в деревне. Она не скрывает, что дом она теперь завещала «сироткам» — дочерям Виктора и Ани, а деньги — поровну Евгении и Клавдии. За Марией Васильевной ухаживает Аня, которую сестры обвиняют, что она делает это без души. Но к себе в Рязань они мать не берут. Евгения говорит, что она возьмет мать, если ей «будет пай», то есть часть дома. Клавдия ездит к матери, но с Аней они не разговаривают.

Житейская мудрость, веками выверенная, состоит в том, чтоб не только уметь помнить, но уметь и «забывать», прощать. Ведь наиболее естественное состояние для

человека — это чистая совесть, доброжелательность, бескорыстие. А ненависть, злоба к живущим рядом таким же людям разрушают нашу душу, преследуют нас вроде бы беспричинной тоской, подавленностью, болезнями, оборачиваются в конце концов нашим же горем, бедами, слезами.

У Ани, Евгении, Клавдии есть дети, которые были дружны между собой, ведь это двоюродные братья и сестры, внуки Марии Васильевны, продолжение рода, родственных отношений. Взрослые утверждали, что они не посвящают детей в свои споры. Это не давало мне возможности и права поговорить с уже достаточно взрослыми юношами и девушками и узнать их отношение ко всей этой истории. Но если от детей эту историю стараются скрыть, значит, родители чувствуют свою, мягко говоря, неправоту и знают, что дети вряд ли одобряют их действия. Дети участников ссоры, как мне показалось, все прекрасно видят, понимают. Но, судя по всему, тоже пассивно ожидают, что им достанется в наследство от родителей — затянувшаяся злая ссора или все-таки согласие. И это наследство тоже ведь как-то скажется, отзовется в будущем — злом или добром. Мы наследуем не только материальные ценности, но и доброе имя и авторитет родителей, уважение к ним, нравственные родительские заветы. Доброта, справедливость, честность — вот что способно принести человеку счастье. «На чужом горе счастья не построишь» — так говорят в деревне. А на горе матери — даже думать о таком счастье стыдно.

Положение на сегодняшний день сложное, но выход из него есть. Выход очень простой. Спорящим сторонам надо найти мужество отбросить все прежние обиды и помириться, примириться с существованием, с характерами друг друга. Хотя сейчас надо сделать то, что лучше было бы сделать два десятка лет назад. Помирившись, можно сесть в своем кругу и спокойно и неторопливо, без ненужных споров и криков решить все вопросы.

Не надо быть пророком, чтоб предсказать, что если такого примирения не произойдет, то ездить в родную деревню сестрам будет нельзя, дети их перестанут друг с другом встречаться, еще тяжелее будет Марии Васильевне. Оставшееся зло будет разъедать и дальше человеческие отношения, души, теперь уже в других поколениях. А ведь может и должна быть большая семья, большой дружный род, способный поддержать каждого своего члена на долгом и непростом жизненном пути.

Аня помириться согласна.

Клавдия без моего наводящего вопроса сказала, что она видит единственный выход — помириться. И каждый раз, собираясь в воскресенье в деревню, она решает заговорить об этом с Аней. «Но как-то духу не хватает».

Евгения настроена непримиримей. Но видно, что долгое писание бесполезных жалоб во все организации тоже заставляет ее по-другому смотреть на дело.

Мне кажется, что добрую помощь в этом случае могли бы оказать многочисленные деревенские родственники и местные власти, которые хорошо бы сделали, если бы помогли увлекшимся ссорой людям спокойно разобраться в их претензиях друг к другу.

Конечно, помириться непросто. Проще дать добрый совет. Но хочется еще раз сказать, что это единственно правильный выход. Причем помириться надо поскорее, ведь может случиться так, что позже это сделать будет уже трудно, а попросту и невозможно...

Рязанская область.

ТАЛАНТ ЛЮБВИ

«Я уверен, что любовь — это талант, которым природа, к сожалению, наделяет не каждого человека. А уж если таланта нет, то и любить не научишься».

Сергей Н.,
десятиклассник,
Архангельская область.

«Да есть ли любовь вообще, такая, как в книгах и в кино? Может быть, любовь — это сказка, которую человек сам выдумал и пытается себя в ней уверить? И вообще, что такое любовь, как любить: умом или сердцем?»

Светлана Ф.,
Тульская область.

Конечно же, любовь — это прежде всего сердечное влечение. Как она возникает, почему, никому неизвестно. Это загадка, которую за тысячелетия люди так и не смогли разгадать. А если бы разгадали, наверное, стало бы скучно жить. Человек, к которому потянулось наше сердце, кажется нам прекрасным, «самым лучшим». Иначе это не любовь... И любят далеко не всегда самых хороших и красивых, добрых и порядочных. Может быть, вы помните фильм «Слово для защиты»? Героиня его — Валя — даже в зале суда, на скамье подсудимых не может поверить, что человек, которому она посвятила свою жизнь, работала не покладая рук, сдавала кровь (лишь бы мог учиться), просто негодяй и шкурник. Валя любит всем сердцем, она сознательно избегает анализа, который убьет ее чувство. Да и не одна Валя так...

Некоторые молодые люди, обманувшись в любимом человеке, начинают говорить об упрощении и опошлении чувств, как о явлении, якобы присущем веку. Но ведь красота взаимоотношений зависит не только и не столько от «ритма века», сколько от самих людей.

Сколько примеров самоотверженности, преданности, верности в годы Великой Отечественной войны может привести каждый из нас. Иные могут сказать: это когда было! Но разве могут устареть верность, порядочность, самоотверженность? Присмотритесь внимательнее к своим родным, близким, знакомым. Вы обязательно увидите это, не можете не увидеть.

«Есть у нас хорошие знакомые...» — пишет Татьяна Ильинична Стороженко из Новосибир-

ской области, — муж уже несколько лет лежит парализованный, но жена и слышать не хочет о доме инвалидов, хотя ей не раз предлагали поместить его туда. Она говорит: «Толя — мой муж, отец моего сына, и я его никогда не брошу. Я готова все сделать, чтобы хоть чуть-чуть ему стало легче». И таких примеров много», — заканчивает письмо Татьяна Ильинична.

Да, действительно таких примеров мужества и самоотверженности женщин немало и в наши дни. Но это, как говорится, ситуации экстремальные. А вот будни.

«Мои родители живут вместе уже 28 лет и по-прежнему любят друг друга. Всякое было за эти годы — 6 лет мы жили от папы за тысячу километров (он работал на Севере, а мы с сестрой были маленькие, и мама из-за нас боялась туда ехать). Но как она ждала каждое его письмо, а уж об отпуске и говорить нечего! Это было самое счастливое для всех нас время. Мама и сейчас дня не может прожить без отца. Куда он — туда и она. И он такой. Ни одного выходного не провели врозь — в лес, на рыбалку, в гости — всегда вдвоем. Как бы мне хотелось, чтобы у меня было так же, как у мамы с папой».

Вера Морозова,
Краснодарский край.

Иногда спрашивают: время, эпоха, общество — влияют ли они на такое чувство, как любовь? В какой-то степени влияют, хотя и не прямо, не непосредственно. Ни одна эпоха не давала людям — не избранным, практически всем — таких возможностей для овладения культурой прошлого и настоящего и, следовательно, для развития собственной духовности, как наша. Гуманизм общественных отношений, решение проблемы равенства полов и многие другие широко известные социальные завоевания если не гарантируют каждому счастья в любви, то, бесспорно, создают такую культурную и моральную среду, где можно сформировать это чувство, а его развитие уже в значительной мере зависит от конкретной личности. Конечно же, несчастливая любовь возможна и сегодня, но это уж вина или беда индивида.

А. С. Макаренко в «Книге для родителей» говорил, что научить любить, научить быть счастливым — это значит научить уважать

себя, научить человеческому достоинству.

Воспитание чувства любви он рассматривал как часть более общей программы формирования подрастающего человека. «Половое воспитание, — писал он, — и должно быть воспитанием именно любви, то есть большого и глубокого чувства, — чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд». Отсюда — тесная связь полового воспитания со всеми сторонами духовного становления ребят.

К сожалению, и в семье и в школе мы подчас ханжески обходим вопросы о половой любви, стесняемся говорить с подростками «про это», боясь разрушить их целомудрие, невинность. А между тем, как считает, к примеру, зав. кафедрой педагогики и медицинской психологии 1-го Московского медицинского института Ю. М. Орлов, идеи целомудрия должны состоять не в том, что юноша или девушка настолько «невинны», что не имеют никакого представления о сущности человеческой сексуальности. Истинное целомудрие — это глубокая осведомленность о сущности сексуальных и любовных отношений человека, которая сочетается с убеждением: половое влечение — могучий дар природы, но он может и должен быть одухотворен и облагорожен любовью.

Целомудрие и способность контролировать сексуальное влечение неразрывно связаны между собой. Уровень культуры человека в значительной степени определяется не только его знанием, общей осведомленностью в искусстве и науке, но и способностью эффективно управлять своими психическими силами. Поэтому без формирования культуры интимных отношений невозможно воспитать у юноши и девушки талант любви.

А этого невозможно достичь путем простого морализирования или предписания не вступать в близкие интимные отношения до брака. Здесь возможен только один путь: понимание психических механизмов влечения, выработки в себе умения контролировать свои порывы. И только целомудрие, соединенное с такого рода умением, создает нравственно устойчивую личность, которая не в состоянии просто так, под влиянием одного полового влечения или желания изведать неведомые ощущения, вступить в половую связь.

И все это надо подросткам объяснить, квалифицированно и профессионально. Давно назрел вопрос о введении в курс школьной программы уроков полового воспитания. В некоторых школах эти занятия проводятся, но пока в порядке эксперимента. При обсуждении проекта реформы школы немало читателей «Крестьянки» высказали предложение о необходимости подобных уроков во всех средних школах.

Но пока, как говорится, суд да дело, многие родители и учителя, боясь, «как бы чего не вышло», воспитывают подростков по старинке: запретами, руганью.

«Я не знаю, что мне делать. Сил моих больше нет. Вот вчера, например, пришли ко мне ребята из класса. Мы сидим, весело с ними болтаем, включили магнитофон, все было хорошо. Пришла с работы мама — всех разогнала».

Я не могу пригласить к себе домой своего самого лучшего друга Мишку из параллельного. Родители запретили вообще с ним встречаться. Ну, мы, естественно, встречаемся, только в школе, на улице, у него дома... А когда мы поженимся, а мы обязательно поженимся, потому что любим друг друга сильнее всех на свете, я уже больше дома никогда бывать не буду. Потому, что Мишка им не нравятся».

Лена С.».

(Окончание на стр. 32.)

НУ ПОЧЕМУ КО МНЕ ТЫ РАВНОДУШНА?

Стихи М. МАТУСОВСКОГО
Музыка В. ШАИНСКОГО

Ну почему ко мне ты равнодушна?
И почему ты смотришь свысока?
Я не прекрасен, может быть, наружно.
Зато душой красив наверняка.

ПРИПЕВ:
Ты погоди, не спеши.
Ты погоди, не спеши дать ответ.
Жаль, что на свете всего,
Только два слова всего,
Только два слова всего:
Да и нет!

Я как ночь без луны,
Как рояль без струны.
Знай, что сердце давно
Только тобою полно,
Но...

ПРИПЕВ.
Стал я бледным на вид.
Потерял аппетит.
Может, это смешно,
Только твержу все одно,
Но...

ПРИПЕВ.
Не грусти ни о чем,
Телевизор включен.
А наскучит кино,
Можно смотреть и в окно,
Но...

ПРИПЕВ.

Ну почему ко мне ты равнодушна?
И почему ты смотришь свысока?
Я не прекрасен, может быть, наружно.
Зато душой красив наверняка!
Ты погоди, не спеши дать ответ.
Жаль, что на свете всего,
Только два слова всего,
Только два слова всего:
Да и нет!



Фото В. ПЛОТНИКОВА.

Надо признаться, что петь я никогда не умел. В детстве считалось, что у меня нет ни слуха, ни голоса, поэтому и музыке не учили. Но мне, вопреки всему этому, очень хотелось петь. Сначала я пытался подражать любимым певцам и в первую очередь Утесову. Все мое детство было связано с ним, с его песнями. Я так старался походить на него, что даже пытался петь его голосом. Можете себе представить, что это было!

Потом я запел потихоньку в музыкальных спектаклях, пользуясь тем, что в общем хоре актеров меня все равно не слышно. Ну, а сольный дебют состоялся в фильме «Бриллиантовая рука», где мой герой был настолько доволен и упоен собой, что даже запел! И хотя песен с тех пор довелось спеть немало, всерьез к этим вокальным опытам не отношусь. Отсутствие голоса пытаюсь спрятать за иронией, шаржем.

...Всем женщинам хочу пожелать женственности, радости, надежды. Желаю, чтобы вам почаще давали возможность чувствовать себя женщиной.

Андрей МИРОНОВ

(Окончание.
Начало см. на 30-й стр.)

«Мы учимся в девятом классе. Многим по 16 лет, есть и 17-летние. Раньше учителя нам говорили: девочки, мальчики, не встречайтесь «с кем попало». Дружите друг с другом из класса. Но...

Начала дружить с парнем из нашего класса. Хороший мальчик, активный, прекрасно учится. Узнали учителя, «и пошло и поехало». В учительской об этом только и говорят. Вызывали нас на комитет. Он зам. комсорга, я отвечаю за политико-массовый сектор. Он ездит на соревнования по баскетболу, я — по легкой атлетике. Запретили на тренировки ходить вместе. Я решила уйти из школы! С уважением,

Ольга Х. Талды-Курган».

Казалось бы, мать Лены и учителя Оли действовали из лучших побуждений: их поступки продиктованы волнением за судьбу девушек, чувством ответственности за них. Но своими действиями, категоричными и оскорбительными, они вызвали у девушек протест. Взаимопонимание, если и было, нарушилось, и восстановить его будет нелегко. А оно так важно, особенно в подростковом возрасте. Ведь если есть взаимопонимание, мы можем координировать поступки наших детей, предостеречь их от многих ошибок. Нет взаимопонимания — к каким бы строгостям мы ни прибегали, они выходят из-под контроля, потому что проследить каждый их шаг просто невозможно.

От решения скольких проблем, связанных с переходным возрастом, были бы избавлены родители, если бы их дети, как Нина А. из Сумской области, могли бы сказать: «Мама — мой самый лучший друг». Вот что она пишет:

«Когда мы стали встречаться с Володей, по селу пошли пересуды, сплетни. Мне говорили: «Ты у него пятая», ему — что я такая-сякая и лучше бы он со мной не связывался. Мы старались не слушать сплетников, но было очень трудно, особенно сначала. И тогда на помощь пришла мама. Она понимала меня, как никто, никогда не ругала, а, напротив, старалась оградить нас от незаслуженных наветов, советовала, как лучше себя вести.

Однажды наш сосед сказал маме с осуждением: «Ваши Нина с Володей по подъездам целуются...» Мама ответила: «Ну, что ж, молодые. Раз любят, пусть целуются». А когда мне об этом рассказывала, вскользь заметила: «Я тебе, дочка, доверяю. И тебе и твоему чувству». Я могу рассказать маме все-все, о чем думаю, что чувствую, расспросить об интимных сторонах жизни — а для девушки это ведь так важно. Со временем я поняла, какое это большое счастье, когда мама — самый лучший друг».

Способность человека к любви воспитывается с детства. Она начинается с любви к матери, к родной деревне, к городу, в котором родился и вырос, к родному языку, к стихам и песням. И эта любовь не потребительская, а чуткая, понимающая, деятельная. Потом эта любовь, воспитанная в ранние годы, станет живой силой и сама начнет приумножать, совершенствовать себя. Умеющий любить свою мать будет беречь и лелеять мать своего сына. И ему передаст способность к любви.

Нет на свете людей, которые бы не думали о любви, которые бы не страдали и не мучились ею, не знали бы ее счастья. Конечно же, она разная — любовь к ребенку, любовь к матери, любовь к женщине, любовь к Родине. Но в основе всякой настоящей любви заключено одно — деятельное стремление к добру.

В. ЛИСОВСКИЙ,
доктор философских наук.



перламутровые

Когда Иоанна Мартинкене приходит в порт, моряки несут ей ракушки, веточки кораллов, капли янтаря, что собрали и приберегли специально для нее. И вот на ее столе скапливается куча разноцветных осколков — из всех морей и океанов мира. И снова, как четырнадцать лет назад, она вначале теряется от этой пестроты и хрупкости.

Иоанна Мартинкене родилась в 1927 году в литовской деревушке, стоявшей вдали от моря. Как все деревенские дети, занималась взрослой работой — косила, доила, нянчила малышей. И чтоб не было скучно, придумывала, как из метлы сделать ведьму, из палочек — корабль, из травинки — ожерелье. Слышала от взрослых, что существует «художественная школа», и мечтала о ней, не зная, что это такое.

Она уехала в город, окончила гимназию, и, желая хоть как-то приблизиться к своей мечте, пошла работать продавщицей в ювелирный магазин. Украшения, лежавшие на витринах, были красивы, но золото, серебро, мельхиор — так далеко это все от ее детских фантазий. Ей казалось, что для настоящего искусства не нужен весь этот блеск... Иоанна попробовала делать украшения из янтаря, но было неинтересно — с ним работали все. Мастерил дочкам брас-

леты из косточек слив, но однообразие формы и цвета быстро наскучило. Она перешла работать продавцом в художественный салон и однажды увидела бусы из ракушек. Это были самые обыкновенные, даже не очень красивые бусы — просто ракушки, собранные на нитку. Она не привыкла к ракушкам с детства — только теперь впервые увидела, что они не только красивы сами по себе, но и могут быть прекрасным материалом для украшений. Она решила сделать из них что-нибудь к морскому празднику, который каждое лето проводится в Клайпеде. Но не получилось: ракушки ломались, не держали форму. Она мучилась два года. Хотелось, чтобы всем была видна их красота, чтобы в изделии сохранился их собственный цвет и рисунок.

...На вопрос, как она всему этому научилась, Иоанна Ивановна отвечает: «Если два года над чем-то думать, еще и не до того додумаешься». Ракушки в ее руках становятся гибкими и послушными как глина. Художница не перекрашивает их, не придает форму, — она соединяет в целое эти осколки, прорисовывает ими линию, образ. Иногда разрезает ракушку вдоль, чтобы увидеть на плоскости скрытые кружения. Теперь кажется, что ракушки сами сплетаются в серо-голубые бусы, перламутровый ландыш, в букет розовых тюльпанов. Она сама придумывает композицию, сама

мужья



делает инструменты для работы. Неожиданно для нее пришел успех: уже были четыре персональные выставки. Ее работы видели Ленинград, Киев, Мурманск, Могилев, Вильнюс, видели Чехословакия, Венгрия, Индия, Бельгия и Норвегия. Клайпедские коллекционеры, Морской музей города—уже возникла такая традиция—делятся с ней ракушками...

Когда-то она начала дарить свои изделия женам моряков, и с тех пор их мужья привозят ей ракушки из каждого плавания.

М. АРИСТОВА

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.



ЗАБОТЫ СЕЛЬСКОГО ПРИЛАВКА

«В ватнике не фотографируем!»
Где мебель для избы?
Такой товар — колун...

...Сегодня суббота, базарный день, как раньше говорили, и с самого утра в райцентре оживленно и празднично. На рыночной площади полно машин, и грузовых и легковых, у коновязи хрумкают сено лошади, запряженные в розвальни и кошевки (так называют здесь небольшие, на двух-трех человек выездные нарядные сани). Подходят автобусы, высаживают пассажиров и, облегченно пофыркивая, становятся в сторону — в обратный рейс еще не скоро. Люди приехали из ближних и дальних сел и деревень, многие семьями, от старого до малого, издавна так заведено, и райцентру это не в диковину. С семи утра работают чайная, пельменные и кафе, чуть позже открываются промтоварные магазины, универмаг и хозмаг. И покупателя туда зазывать не надо — сам валом валит.

Давайте и мы потолкаемся возле прилавков, посмотрим, чем и как торгуют здесь, в Нолинске, районном центре лесистой и овражной стороны Кировской области. Поговорим с покупателями и продавцами, прикинем, на что нынче крестьянин охотно тратит деньги, а на что жалеет.

Велик спрос на одежду. На дворе весна, мартовское солнце светит, полушубки и теплые полупальто скоро скинуть придется, а надеть что? Плащи здесь не в моде, куртку хорошо бы купить. Непромокаемую, прочную. И цвет чтобы подходящий был.

Непромокаемые есть. Но уж больно тонка, ненадежна ткань. Хлестнет ветка — ведь не все по полю ходить, лес кругом, не минуешь — пропала куртка. А на тракторе как в ней работать? Да и холодная она, без подкладки. А те, что потеплее, на поролоне, промокают. Опять же цвет...

...Кряжистый, с обветренным и загорелым лицом мужчина высматривает себе куртку.

— Вот ваш размер. — показывает ему продавщица ряд, где висят куртки. Покупатель в недоумении: разве это для него? Ярко-красные с синей полосой, белые с красным, светло-желтые с белым...

— От меня коровы шарахаться будут, дочка! — укоризненно говорит он. — Мне ведь не Олимпийские игры играть, на ферме работать.

— Для работы купите ватник, вон там висят.

Знакомая для многих сельских жителей, прямо-таки родная одежда — ватник. Черный, конечно же, — неизменный с довоенных времен. И нет ему износу. А засалится «кумайка» на трактористе — так еще и непромокаемой станет. Совсем хорошо! Только вот почему фотокорреспонденты и тележурналисты, снимая на пленку ударников, просят их хоть на минутку скинуть ватник?

В этой одежде все неуклюжими выглядят, некрасивыми. А скинет ватник — залюбуешься человеком, объяснил мне один из журналистов.

Меж тем торгуют ватниками бойко...

Пошли дальше по магазинам. Вот жалко, мебельный почему-то закрыт. Но сколько раз приходилось бывать в мебельных магазинах райцентров Кировской и других областей! И торгуют там одинаковым товаром: полированные обеденные и журнальные столы, серванты, «шифоньеры», или, попросту сказать, платяные шкафы. Бывают и «стенки» и гарнитуры: «спальня», «кабинет», «жилая комната». И все это выпускается в расчете на городскую квартиру. А для сельского дома что купить? Как будет выглядеть и служить хозяевам гарнитур «жилая комната» или просто набор полированной мебели в избе-пятистенке с русской печью, а именно в таких избах живет почти семьдесят процентов населения деревень и сел Кировской, Архангельской, Пермской, Горьковской и множества других областей Северо-Запада и Предуралья?

Что говорить: непрактична, а то и просто нелепа такая мебель в избе. Да и в коттедже, пусть даже кирпичном, какие сейчас строятся во многих селах, она, что называется, не смотрится. Но люди покупают — для красоты, для парадности. И в иных домах уже не они хозяева, а мебель. Деньги большие уплачены, да и привезти чего стоило! И теперь ходи по избе аккуратно, не топай, а то стекло в серванте треснет. И стол не задень, не поцарапай, не облокотись — развалится, не дай бог, ножки-то вон какие жидкие...

А где же мебель для сельского дома — практичная, удобная, долговечная, красивая? Для кухни, где и себе и скотине еду можно приготовить, такая, чтобы и возле печи смотрелась?

Нет такой мебели. Не изготавливается пока, не продается. Мебельная промышленность работает на городскую квартиру, рассчитывая, видимо, на то, что процесс сближения между городом и деревней идет все активнее. Но разве имитация, подделка сельского дома под городской — сближение? А порой именно полированная городская мебель заставляет хозяев избы, которые видят, что получилось что-то не так, штукатурить деревянные стены, белить или оклеивать обоями, а изба остается избой, хотя теперь вроде и похожа на городскую казенную квартиру... И преимущества деревянного дома, о котором мечтают нынче горожане — в нем легко дышится, не бывает сырости, а тепло от печки не сравнить с теплом паровых батарей, — безвозвратно теряются.

Между тем полировка, покрытие поверхностей толстым слоем синтетических смол, где видна каждая царапина и каждая пылинка, — далеко не единственный способ обработки древесины. Но промышленность долго налаживала технологию производства полированной мебели, теперь наладила, и здорово, и другой, неполированной, практически не стало. А если и есть, то ее оклеивают пленкой — дерево под дерево

подделывают. Получается намного дороже и намного... непрактичнее, особенно для сельского жителя.

— Спроса нет на простую мебель. — говорят производственники.

Но спрос на разумное, выгодное легко возбудить. Давайте организуем выставку образцов или хотя бы повесим в магазине плакаты с вариантами обстановки сельского дома, где покупателю покажут изделия отнюдь не полированные, но прочные, красивые, удобные, современных и традиционных форм. — от заказов отбоя не будет!

А вот и хозмаг. Народу здесь не меньше, чем в магазинах одежды и обуви. И чего тут только нет! Посуда, скобяные и металлические изделия, инструмент, замки, садовый и огородный инвентарь, удобрения и химикаты. Много, конечно, есть и в сельских магазинах, но уж раз приехал в город, то как не купить что-нибудь для хозяйства, для дома.

Все товары на виду, а вопросов к продавцам много. Послушаем и не поленимся записать:

- Чайник для заварки есть?
- Только в сервизе.
- Кастрюля-сковорода?
- Были, кончились.
- Чудо-печь?
- Давно не получали.

Этим женщины интересуются. А мужчины что спрашивают? Электрорубанок, электродрель, электронасос «Малыш», запчасти к мопедам, мотоциклам, велосипедам (около 50 процентов этих транспортных средств находится на службе именно в сельской местности). В ответ привычное: нет, не поступали, были, но кончились.

Пожилой колхозник просит ответить, бывают ли в продаже бензопилы «Дружба», и поясняет: дрова не с кем стало пилить, «Дружба» край как нужна...

— Ишь, бензопилу ему подавай. — незлобиво и негромко замечает одна из женщин. — напилить-то напилим, а вот колоть как, когда сучок на сучке. Намучаешься! А мой еще колун куда-то задевал, хотела было купить, глянула — два рубля стоит... Не взяла. Скажу мужу: пусть ищет свой или в кузницу идет, там за рублевку сделают.

Пожалуй, надо бы прислушаться к словам женщины. Заметно упал спрос на такие простейшие инструменты, как молотки, клещи, зубила, стамески. Делают сами — в кузницах, мастерских. Высокие цены на гаечные ключи «опустошили» кое-где инструментальные сумки механизаторов. Кому же это выгодно?

Многие нужные потребителю металлические изделия лежат на прилавках и складах мертвым грузом, а ведь «только в потреблении продукт становится действительно продуктом. — писал К. Маркс. — Например, платье становится действи-

Высоки цены на минеральные и химические удобрения. Между тем мочевина, суперфосфат, калийные смеси поступают во все больших количествах в совхозы и колхозы. Вот и считают некоторые: зачем переплачивать за аккуратный целлофановый мешочек с удобрениями? Не лучше ли у себя в деревне набрать в ведро, сколько нужно: вон под навесом куча какая этой химии свалена! Конечно, так рассуждают далеко не все, но только вот торговля удобрениями в магазинах что-то не идет...

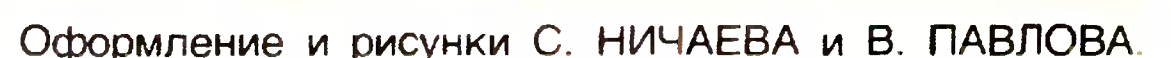
Сейчас, когда по решению партии разрабатывается программа расширения производства товаров народного потребления, следовало бы особенно внимательно прислушаться к пожеланиям сельских тружеников и предусмотреть выпуск некоторых

Ныне сельское население покупает непродовольственных товаров на 301 рубль в год в расчете на человека, а горожане — на 680 рублей. Разрыв может быть значительно сокращен не только за счет увеличения покупательной способности (она, надо сказать, и сейчас достаточно велика, средний размер вклада в сберегательные кассы сельской местности составлял в 1982 году 1237 рублей, в городах — 1112 рублей), но и за счет насыщения торговли необходимыми и высококачественными товарами.

Вроде бы не грех и посочувствовать девушке. Однако потребительские запросы у нынешнего покупателя настолько многообразны, что удовлетворить их просто невозможно. Ни в одной стране мира не

...Вот и отшумели торговые ряды. Дело близится к вечеру. Товаров на прилавках заметно поубавилось, покупатели разъезжаются по домам. Довольны ли они? Вопрос далеко не праздный и очень важный. Государственный вопрос! Он впрямую связан с одной из неотложных задач, поставленных партией: насытить рынок всеми необходимыми населению товарами с учетом того, что возросли уровень покупательской способности и требования к ассортименту и качеству изделий.

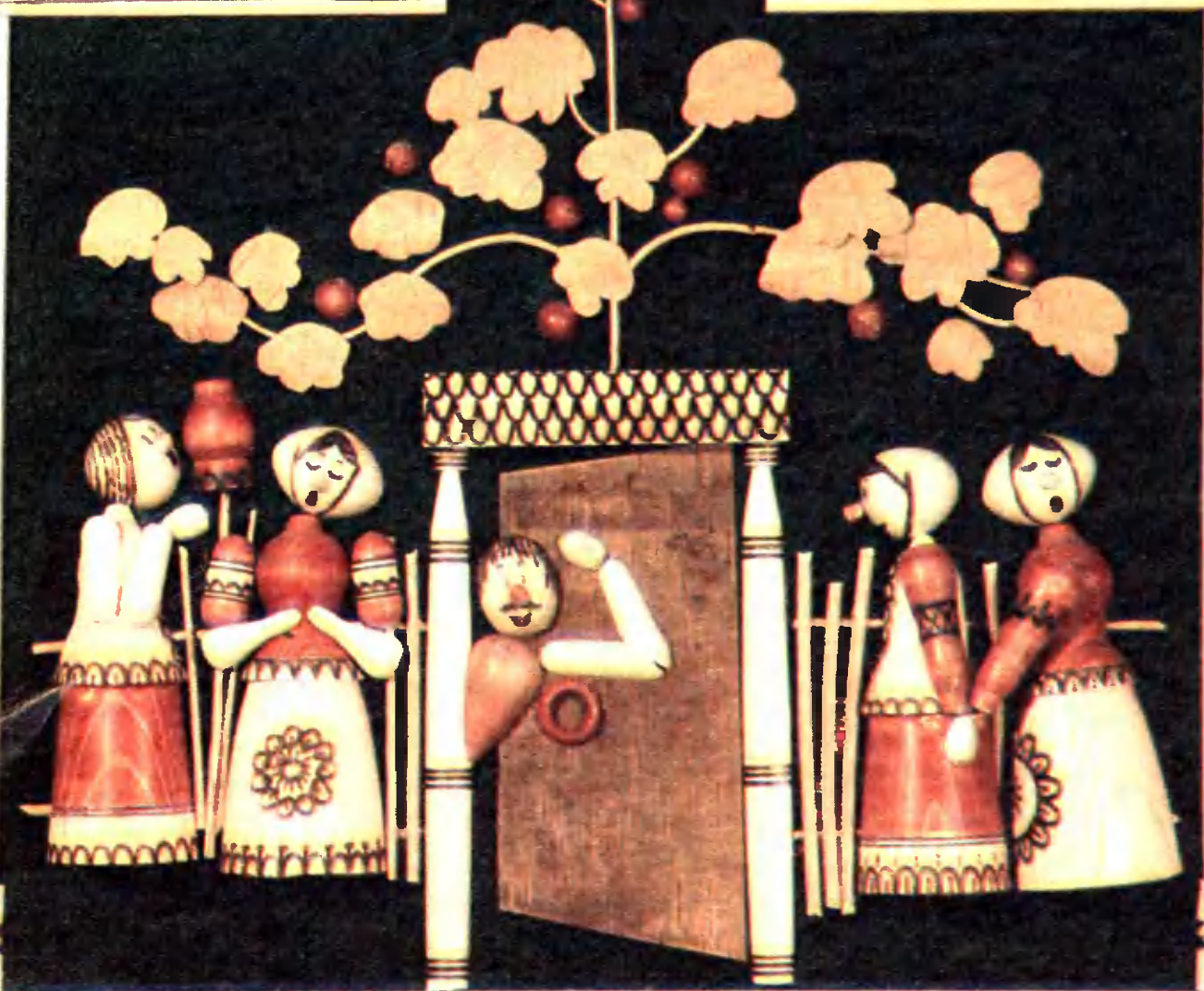
В. МИХАЙЛОВ



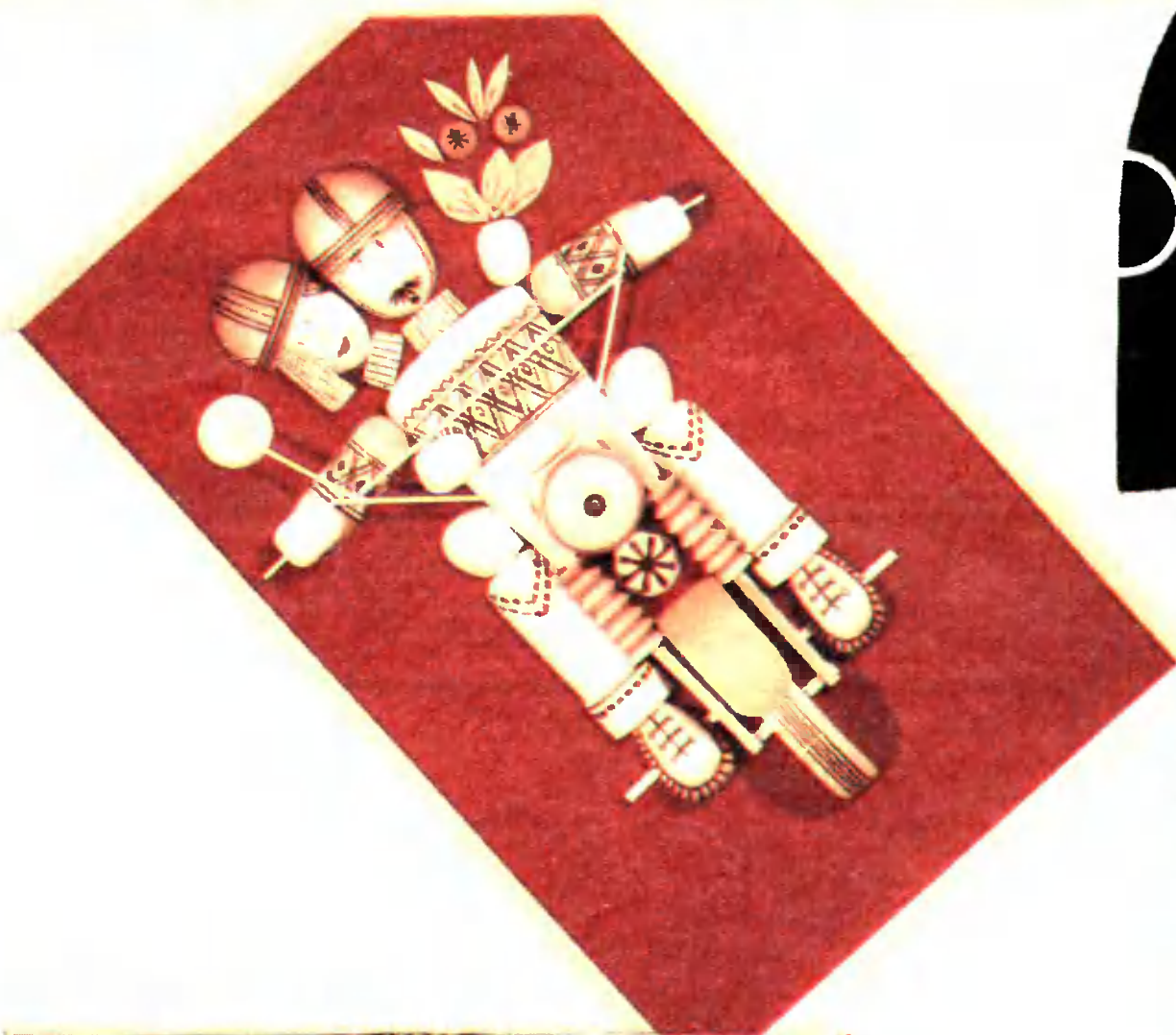
КАК У НАШИХ

У ВОРОТ СТОИТ

ДЕВОК ХОРОКОД



МОЛОДУШЕК ТАБУНОК



НЕ АД ТРЕШИТ, НЕ КОМАР ПИЩИТ - ЭТО КУМ КУЖЕ СУДАКА ТАЩИТ



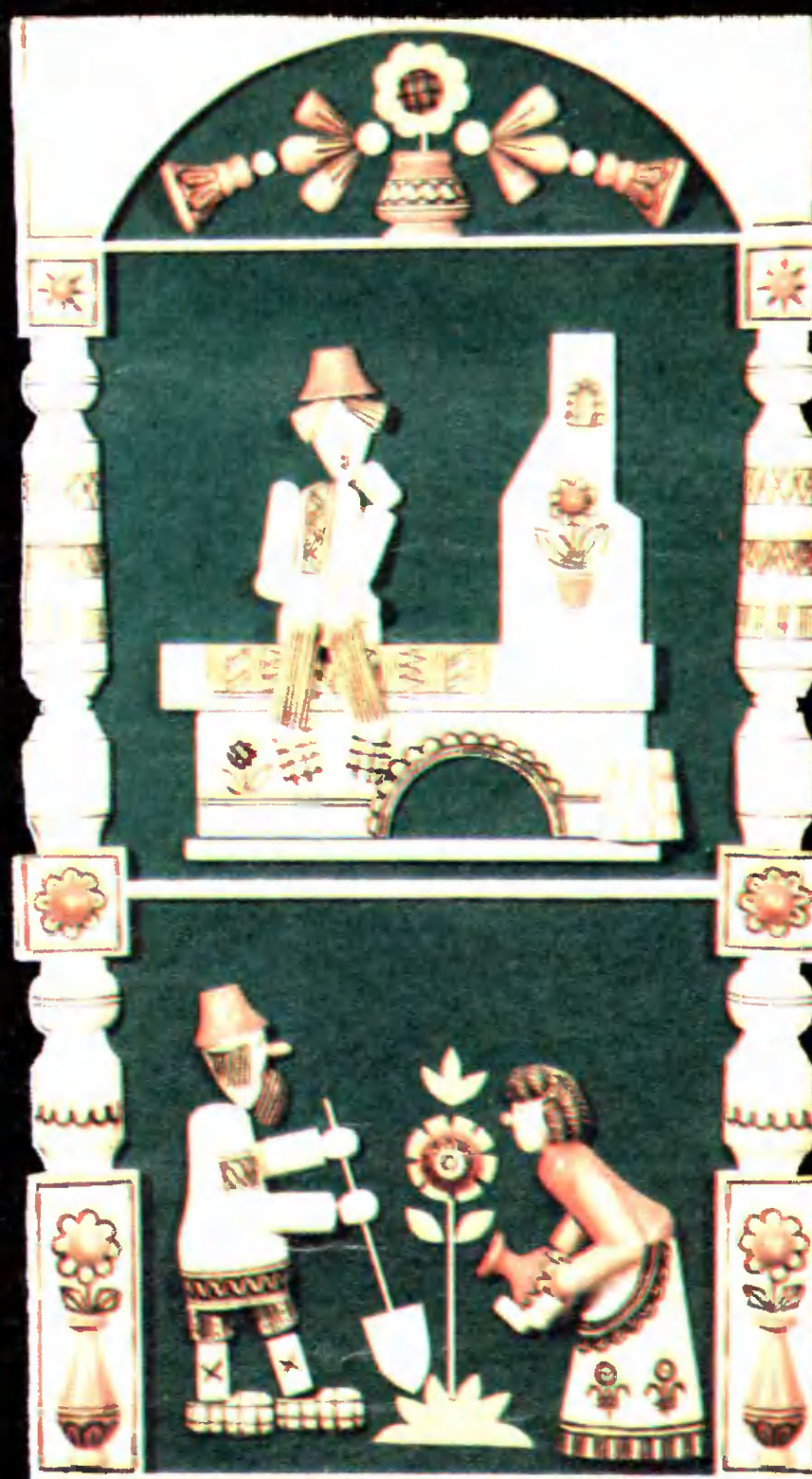
ВЫСТАВКА В

Дерево всегда было мрамором и гранитом России. И чем ближе к северу, тем звонче, мягче и таинственнее становилось оно. Но как встарь, так и сегодня надо быть мастером, чтобы в полене увидеть ярмарочного скомороха, а в никчемных щепочках — табунок очаровательных молодежи. И не только мастерство необходимо, не только талант, тут душа нужна, созвучная живому и теплому духу дерева, доверчивость к нему, да к рукам своим, да к нехитрым возможностям самого простого токарного станка.

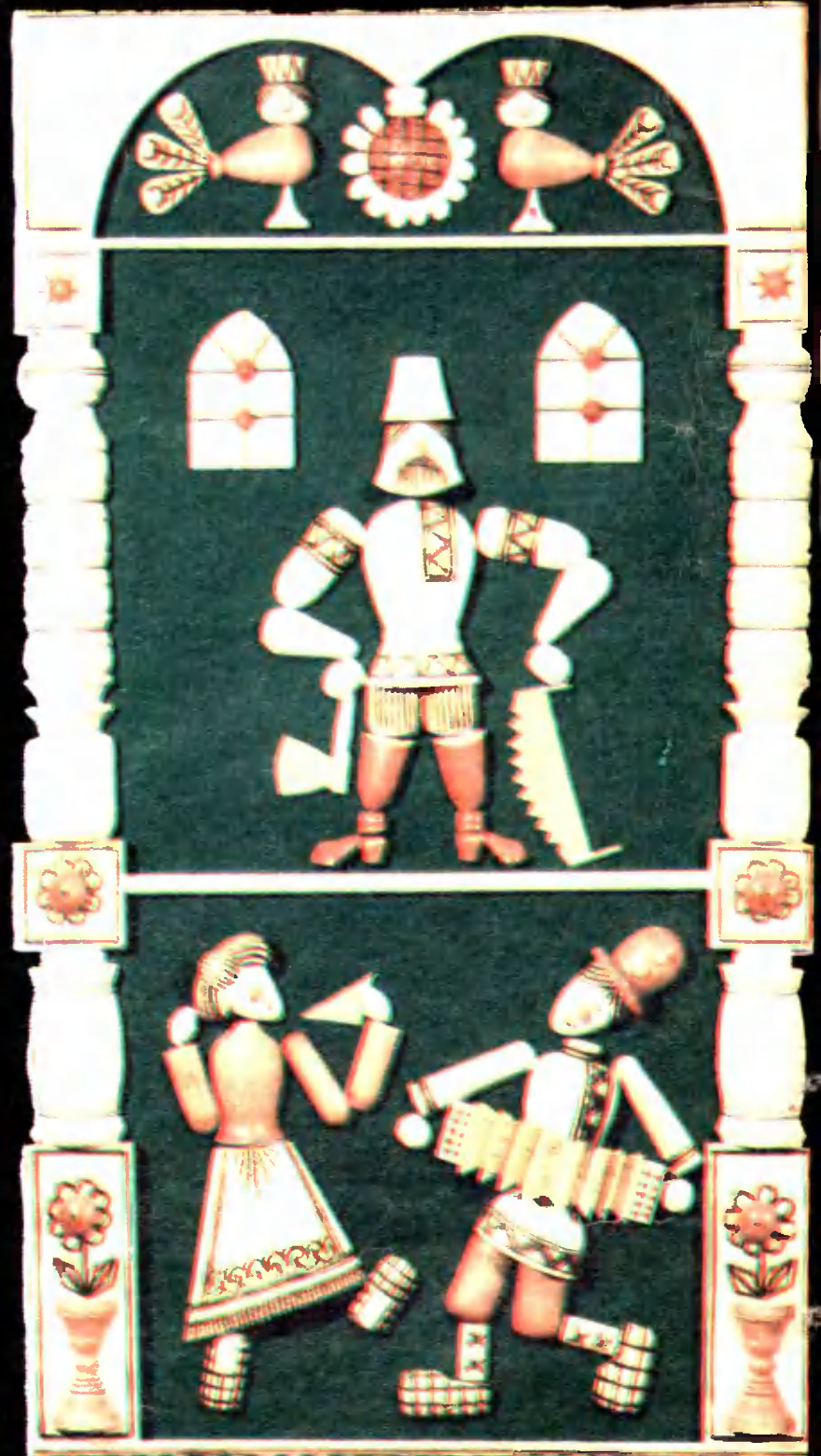
Валерий Жигальцев родился в



БЕЗНАЧЕНЫ СКОМОРОХИ И ПОТОМ ВСЕХ НА ЯРМАРКУ ВОЗВУТ



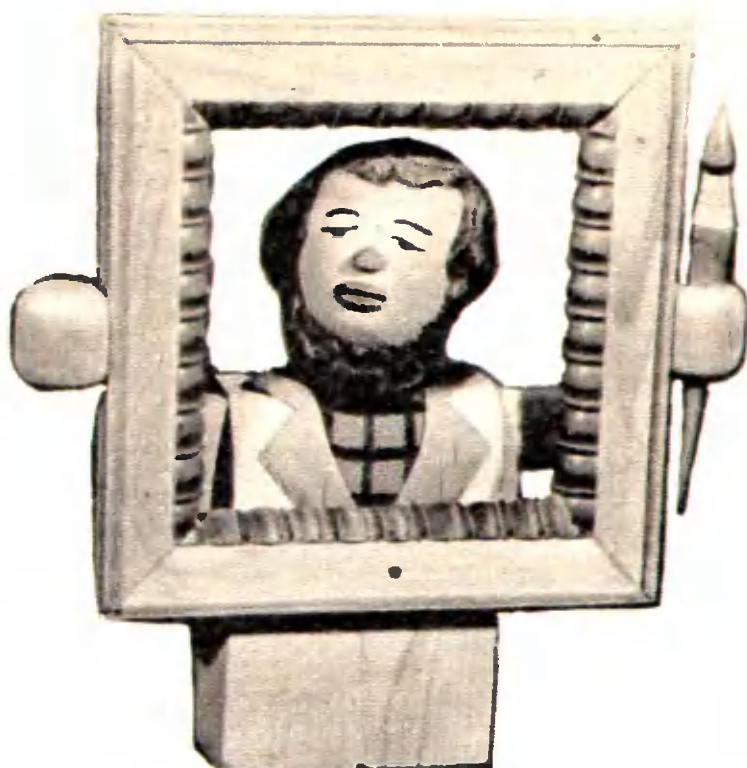
СКУЧЕН ДЕНЬ ДО ВЕЧЕРА
КОЛИ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО



ДЕЛУ ВРЕМЯ, ПОШЕХЕ ЧАС

„КРЕСТЬЯНКА“

Калинине, учился в Москве, но мастером стал в Кирове. Центр города давно уже был асфальтовым и каменным, но в переулках пели под ногами деревянные мостовые. Учителями его стали дивные дымковские мастерицы и старые токари, грубыми своими руками выделявавшие тончайшие музыкальные шкатулки с многочисленными секретами. Однако на фабрике «Идеал» увидел и другое: унылые и бесконечные ряды одинаковых игрушек и поделок — мертвое, убитое дерево. И был день, когда начала



открываться главная тайна народного искусства: мир — это огромный и веселый праздник, ярмарка, где все необходимы, мастеровые и скоморохи, русалки и черти, потому что всем весело и хорошо. Леший он вроде бы и леший, а может, только притворяется чудищем лесным? Его ли поймали, сам ли он сдался, чтобы поскорее принять участие в ярмарочном гулянье? Руки поднял, сдаюсь, мол, а ноги в лапоточках одна на другую, а на морде ухмылочка, а хвост от радости пленения, как у Жучки, вертится... Всеобщий праздничный заговор: фигурок с фигурками, фигурок с художником, фигурок со зрителями. Как Буратино спешил удрать от папы Карло, так и скульптуркам Жигальцева не терпится удариться в ярмарочный пляс. Развешанные и расставленные в коридорах «Крестьянки», они, казалось, весело болтали между собой, смешочками давились, и озорство их



вплескивалось в зрителей. Редкое единодушие царит в «Книге отзывов», и все посетители отмечают: работы Жигальцева вызывают одно чувство, и чувство это — радость жизни. Валерию Жигальцеву 34 года. Работу свою любит, она его, кажется, тоже. Недавно, когда для панно потребовался матерчатый фон, пришлось позаимствовать у жены демисезонное пальто. Панно получилось отличное. Жене понравилось.

Э. МАРКИН

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРЕСТЬЯНКА

№ 4 • 1984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ
(ответственный секретарь),
Г. Е. БУРКАЦКАЯ,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
О. П. КОЛЧИНА,
Л. Е. ПИШЕНИНА,
Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),
Л. В. ХАНБЕКОВ,
В. Я. ЧИСТЯКОВА,
Л. И. ШВЕЦОВА,
И. Ф. ШКУРАТОВ.

РЕДАКЦИЯ

- секретариат:
Г. С. Ронина, С. Ю. Орлова;
- отделы:
- публицистики
Т. А. Блажнова, А. П. Мацаев;
- сельской жизни
А. Э. Головков, Н. К. Корина,
С. С. Макаров;
- науки и передового опыта
И. В. Норкина;
- воспитания
В. И. Дашко, Л. И. Арефьева;
- культуры и искусства
Э. Б. Маркин;
- литературы
Л. В. Ханбеков;
- иллюстраций
В. В. Федоров, Е. Г. Новикова,
Б. Л. Задвиль;
- быта и массовой работы
Н. А. Семкина, Н. Л. Проторская;
- писем
А. И. Перхов, Л. В. Журавлева,
Т. И. Перевозчикова,
М. В. Грецакая;
- заведующая редакцией
Р. В. Фомина;
- секретарь
И. В. Белоцерковская.

Оформление номера
В. В. Федорова, Е. Г. Новиковой.
Технический редактор
Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 14.02.84. Подписано к печати 06.03.84. А 00336. Формат бумаги 60×90¹/₂. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,50. Уч.-изд. л. 8,77. Усл. кр.-отт. 14,00. Тираж 10647 000 экз. (1—9 138 379 экз.). Изд. № 908. Заказ № 2367.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.



НЕ КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ,
А КРАСНА ПИРОТАМИ



СВЕТ ОТЕЧЕСТВА

Памятник Н. В. Гоголю.
Скульптор Л. В. ПОЗЕН.
г. Полтава

К 175-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!..

*В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица!
Разом и вдруг окунемся в жизнь...*

Николай Васильевич ГОГОЛЬ